

СМЕНА

№ 2 ЯНВАРЬ 1982

АДРЕС:
г. Магнитогорск
ПРОФЕССИЯ:
учащийся СГПТУ
КОМСОМОЛЬСКИЙ
СТАЖ:
три года

МОЙ СЪЕЗД

Когда было объявлено, что в мае открывається XIX съезд Ленинского комсомола, я подумал: это событие полностью совпадает с главными поворотами и в моей жизни. Вскоре после съезда я получу в руки свой рабочий диплом. Это будет документ об окончании Магнитогорского профессионально-технического училища №13. Можно сказать, что после съезда налетит на меня новый отчёт моей биографии.

Специальность - подружний сталевара - получают 60 ребят нашего выпуска. И мы пойдём к мартенам уже знакомой дорогой, потому что наша практика шла в цехах, у пещей. Как передать это чувство - когда знаешь, что у тебя есть своя "роба", своё место в раздувалке, что тебя ждут, без тебя, когда варят сталь, уже не обойдутся?!

Считаю, что лично мне повезло в жизни. Я без колебаний выбирал профессию. Мама и отец работают в цехе изложниц, в нашей семье привыкли жить интересами родного предприятия, и это легко понять, ведь наша Магнитка уже 50 лет известна всему миру. В профтехучилище меня учил замечательный человек - он перешёл к нам от мартена, которому отдал не один десяток лет. Это заслуженный мастер Алексей Федорович Мельников, Герой Социалистического Труда. Теперь на смену пойдём мы.

Я думаю, что на нашем казахском съезде будет идти речь о молодых рабочих, таких, как мы. Съезд примет решения, а выполнять их нам. И мы готовы. Всё, что нужно стране, нужно нам самим. Всем вместе и каждому в отдельности.

Виталий Вектин,
учащийся цеха Трудового Красного Знамени СГПТУ №13.

ДЕТСКИЙ ДОМ

КОМСОМОЛЬСКОЕ
ШЕФСТВО

Дорогие друзья!

В 16-м номере «Смены» за прошлый год мы открыли рубрику «Детский дом — теплый дом». Помочь детям, оставшимся без родителей, согреть их телом и душевной заботой — это в наших с вами силах. Первые публикации в этой рубрике — напоминание, что это были записки воспитателя Анатолия Захарова и проект детского городка, разработанный молодыми хабаровскими архитекторами, — вызвали заинтересованный читательский отклик. Публикуя вторую подборку материалов, посвященных проблемам детских домов, мы вновь призывает высказать свое мнение: прежде всего тех, от кого зависит их решение: педагогов, работников министерства просвещения, органы народного образования, ученых. Приглашаем выступить на страницах журнала комсомольских работников, ведь именно комитеты ВЛКСМ должны занять самую активную позицию в шефстве над детскими домами и школами-интернатами. Надеемся на самое заинтересованное участие в общем деле и молодой творческой интеллигенции: художников, музыкантов, артистов. Обращаемся к тем, кто сегодня работает в детских домах, и бывшим воспитанникам детских домов, во всем читателям: поделитесь с нами своими мыслями, предложениями по затронутым проблемам. Как сделать детский дом по-настоящему душевно теплым? — вот вопрос, волнующий нас всех.

Очень важный вопрос

Уважаемая редакция!

Прочитал в вашем журнале материал «Детский дом — теплый дом». Спасибо. Вы поднимаете общественно важный вопрос, и я тоже выскажу свое мнение, ибо детдомовская педагогика — та профессия, которой я отдал жизнь.

Берсеневский детский дом Солнечногорского района Московской области существует с 1919 года. До 1933 года дом именовался «Берсеневская детская земледельческая колония» и занимал усадьбу бывшего книгоиздателя И. Д. Сытина. Школа 2-й ступени была внутри детского дома, комплектовалась она учащимися 5—7-х классов. С 1933 года колония стала называться детским домом и просуществовала до 1941 года. В годы войны детский дом был эвакуирован в Курганскую область, а с 1944 года возобновил свою деятельность в старой усадьбе.

С 1969 года бывшие воспитанники детского дома один раз в год — в последнее воскресенье мая — приезжают на традиционную встречу. Вспоминают годы своего детства и сравнивают те годы с жизнью в сегодняшнем детском доме. У всех есть желание видеть сегодняшний детский дом лучше, краше, уютнее, ведь сейчас для этого и условия-то лучше, чем были раньше. Это мнение бывших воспитанников, возраст которых от 30 до 80 лет. Их мнения едины — детский дом целесообразней располагать в сельской местности! Там должна быть усадьба, на каждого ребенка определенное количество земли с указанием, что на ней должно расти и сколько должно быть птицы и животных. Возвращение к старой модели, какая существовала до 1939 года? Да.

Бывшие воспитанники с гордостью вспоминают, что с помощью взрослых

воспитателей и рабочих научились выращивать на своем подсобном участке урожай овощей и фруктов, которого хватало на весь год. Хозяйство всегда имело в достатке молоко, мясо. И даже когда детдом был в эвакуации в Курганской области, там тоже ребятами обеспечивали себя овощами на год, используя полученные навыки работы в сельском хозяйстве. Воспитанники вспоминают, как в период коллективизации они помогали только что созданному колхозу сеялками, жатками, как на протяжении восьми лет по решению райисполкома снабжали колхозные фермы улучшенной породой телят, свиней, лошадей, которых выращивали на своей усадьбе, снабжали соседние хозяйства и сортовыми семенами. Удивительно, что в сегодняшнем детдоме нет подсобного хозяйства. Ведь оно было для нас отличной трудовой школой.

Возвращаясь к публикациям «Смены», хочу сказать: да, в детдоме должны работать лишь те, кто любит детей. Но и условия, добавлю, у воспитателей

детдома должны быть не заниженными в сравнении с условиями жизни и быта сельских учителей. Должны быть одинаковые льготы, одинаковые отпуск и зарплата. Ведь трудятся они ничуть не меньше, а порой даже больше, чем учителя общеобразовательных школ. Бывает, детдомовские воспитатели находятся с детьми все 24 часа.

В свое время опыт работы нашего детского дома использовал А. С. Макаренко, так как в системе трудового воспитания в нашем детдоме было много общего с теми методами, которые он применял у себя.

Заканчивая свое письмо, хочу отметить, что опыт работы Берсеневского детского дома сейчас обобщается, создается музей этого первого из сельских детских домов Московской области.

С. НАЧАЛОВ,
пенсионер, ветеран войны,
бывший учитель и завуч
Берсеневского детского дома,
проработавший в нем 36 лет

Три письма на одну тему

Энтузиасты, отзовитесь!

Наш детский дом стоит на красивом берегу Волги. Живут в нем девяносто маленьких хозяев, да не таких уж и маленьких — ребята с первого по десятый классы.

Родился наш дом в трудные годы войны, когда привезли в Углич детей из блокадного Ленинграда. У нас они встретили теплый прием и заботу. Теперь многие из бывших воспитанников сами имеют детей, но не забывают дом своего детства.

В последние годы, во многом благодаря шефам, значительно окрепла материально-техническая база детского дома. Ребятишкам в нем тепло, уютно, не скучно. Наши гости даже не верят, что все у нас делается руками самих воспитанников и их воспитателей.

Дети наши любят трудиться. Живя летом на даче, они помогают колхозу да и в своем доме помогают во всем старшим. Многие из воспитанников хорошо учатся, все любят читать. Вот только библиотека у нас маловата — всего две тысячи книг. Естественно, штатного библиотекаря нет, поэтому выдачей книг ведают библиотечная комиссия из ребят, а помогает им воспитатель. Воспитанники ув-

лекаются спортом — у каждого, например, есть свои коньки. Большой популярностью пользуется шахматный кружок. Много желающих заниматься и в танцевальном, хоровом, юннатском, столоярном кружках. Кстати, ведутся все они на общественных началах. По традиции старшие воспитанники заботливо шефствуют над младшими. Руководит жизнью детского дома детский совет. Недавно во всех отрядах прошли сборы на тему «Я и пятилетка», на которых ребятам вручены трудовые паспорта. Их воспитанники возьмут в самостоятельную жизнь. Некоторые даже присылают потом эти паспорта в детский дом, чтобы показать, чего они добились в жизни.

Но есть у нас и трудности. Главная из них — нехватка кадров. Можно было бы и больше уделять внимания детям, если бы пришли к нам еще два воспитателя, вожатая, медицинский работник, музыкальный руководитель. Может быть, кто-нибудь из выпускников Ярославского педагогического института захочет стать другом ребят?

Е. МИШУСТИНА,
воспитатель

По следам выступлений «Смены»

Главное управление школ Министерства просвещения СССР с большим интересом ознакомилось с публикациями материалов «Детский дом — теплый дом» на страницах журнала «Смена». Начато чрезвычайно полезное и нужное дело. Статьи журнала о жизни детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в детских домах, безусловно, сыграют свою роль, привлекут дополнительное внимание различных организаций, ведомств и широкой родительской общественности к нуждам детских учреждений. В частности, Министерство промышленности строительных материалов СССР уже заинтересовалось проектом городка детского дома, разработанного хабаровскими архитекторами и опубликованного на страницах журнала. Министерство намерено использовать проект при постройке здания для детей-сирот.

С целью изучения вопроса о необходимости разработки подобных типовых или индивидуальных проектов зданий детских домов для различных территорий страны нами направлены письма в министерства просвещения союзных республик.

Благодарим редакцию за заботу о детях, лишенных родительского тепла, готовы и в дальнейшем сотрудничать с журналом по проблемам воспитания детей.

Ю. ИВАНОВ,
начальник Главного управления
школ, член коллегии Министерства
просвещения СССР

- ТЕПЛЫЙ ДОМ

Подарим к XIX съезду ВЛКСМ библиотеки
всем детским домам страны!

ДОБРОЕ ДЕЛО

К читателям и друзьям «Смены»

Начав в «Смене» разговор о проблемах детских домов, мы отметили такую деталь: в детских домах нет своих библиотек. Наверное, очень давно, когда жили мы победнее, кто-то решил, что детдомовские ребята вполне могут обходиться книгами из библиотеки районной или городской. И все-таки нужны, очень нужны детским домам свои собственные библиотеки. Книга — это ведь тоже воспитатель, воспитатель тонкий и умный, и ребятам, которых судьба лишила заботы отца, нежности матери, книга просто необходима. И находиться эти добрые друзья должны не где-то далеко, а в самом детском доме, чтобы, как из семейного шкафа, мог ребенок взять книгу и открыть заветные страницы, когда будет у него на то время и желание.

Как подступиться к проблеме? Можно, конечно, дожидаться, когда государственные организации изыщут необходимые средства для комплектации библиотек в детских домах, и они, вероятно, рано или поздно будут созданы. Но есть и другой вариант...

Две поразительные цифры. Если сложить в общий фонд книжные сокровища всех библиотек страны, то получится собрание из пяти миллиардов томов. Но оказывается, что государственные библиотеки по своему объему и близко не могут сравниться с личными — на руках у населения книг сегодня тридцать (!) миллиардов. Малой совсем капли этого моря достаточно, чтобы утолить жажду в книгах детдомовских ребятшек.

Журнал «Смена» вновь обращается к вам, дорогие наши читатели.

Давайте внесем и мы свой вклад в общее дело, создадим библиотеки «Смены» в нескольких детских домах и школах-интернатах для детей-сирот. И пусть это будут библиотеки, с которых можно брать пример. Какие книги присылать? Мы думаем, любые из тех, что, на ваш взгляд, интересны детям и подросткам: художественные, научно-популярные — любые. Только одно важное пожелание: книги должны быть в хорошем состоянии, чтобы служили они долго, не одному поколению детдомовских ребятшек.

Надеемся, что на нашу просьбу откликнутся не только молодые читатели, но и люди старшего поколения, сыновья и дочери которых уже выросли, а когда-то любимые ими книги сейчас скачуют на полках. Особо ждем помощи в сборе книг от пионеров, школьников, студентов, комсомольцев — всех, кого волнует судьба детей, оказавшихся в беде.

Комплектование будущих библиотек мы решили организовать в самой нашей редакции, поэтому напомним адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена», «Детский дом — теплый дом».

О детских домах, в которых будут открыты библиотеки, собранные читателями, мы, конечно же, расскажем на страницах нашего журнала.

Ждем вашего отзыва, ваших книг, дорогие друзья!

ОКНО В МИР ПРЕКРАСНОГО

Готовимся ко второй Всесоюзной неделе «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов»

«Творческая молодежь — воспитанникам детских домов» — так называлась новая Всесоюзная неделя, впервые проведенная в марте прошлого года по решению ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения СССР, ЦК профсоюзов работников культуры и просвещения. А инициатором организации этой Недели стал Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ.

Сейчас на дворе зима, но весенние каникулы не за горами. ЦК ВЛКСМ союзных республик, крайкомы, обкомы комсомола и советы творческой молодежи на местах должны заранее подготовиться к проведению новой Недели — она ведь теперь традиционная.

Публикуя обзор того, что было сделано в минувшие каникулы, Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ и редакция журнала «Смена» хотели бы подчеркнуть: пройдены только первые шаги, у этой благородной работы громадные возможности.

Их надо реализовать.

Итак: опыт, факты, примеры.

Ребята из детских домов, как никто другой, с малых лет испытывают дефицит общения и потому особенно нуждаются в расширении контактов с окружающим миром. А окружающий мир — это не только город или село, в котором ребенок живет, не только друзья-ровесники, это еще и взрослые. Дети тянутся к взрослым, потому что хотят сами побыстрее вырасти и обрести «взрослые» права. А еще потому, что взрослые много знают, много умеют, могут многому научить и ответить даже на самый-самый трудный воп-

рос. А вопросов у детей, как известно, миллион. Представьте теперь положение воспитателя детского дома или школы-интерната, у которого таких «почемучек» двадцать или тридцать. На все вопросы о жизни, литературе, кино, театре ему даже при большой эрудиции не ответить. Поэтому основная цель, которая ставилась перед Неделью, — подружить детей с теми взрослыми, которые смогли бы повести их в мир искусства.

Поэтесса Е. Григорьева, побывавшая в дни Недели в Брянской области, вспоминала после поездки: «Детям в детских домах необходимы встречи с поэтами. Надо видеть их глаза, когда они слушают стихи, чтобы понять это. У обычных детей этого общения со сказкой предостаточно. Им читают родители, они ходят в театры, на вечера поэзии. В детских домах мы редкие гости. «Вы первый поэт, приехавший к нам за последние девять лет!» — услышала я на одной из встреч. Так что мы нужны именно в детских домах».

Проводилась Неделя впервые, это и определило во многом ее экспериментальный характер. К участию в ней были привлечены лучшие молодые творческие силы. Дети очень ждали гостей, к их приезду везде готовились. Да и сами гости с волнением ожидали этой встречи.

Дни Недели стали не только праздником, но и днями напряженной работы. Например, в детском доме № 1 Новосибирской области состоялась встреча с актерами Театра кукол, после которой детям были подарены книги, куклы; экскурсия на выставку

Продолжение на 4-й стр.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Наша обложка:
добрые книги —
детскому дому.

Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

- 1** МОЙ СЪЕЗД.
Письмо учащегося СГПТУ № 13 Виталия ВЕКТИНА.
- 2** ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
- 5** ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ».
- 6** Владимир ДРУЖИНИН, Сергей ПОПОВ. «ОСКОРБЛЕНИЕ».
- 8** Рассказ Георгия КОПЫТИНА «СНЕГА НЕ ВЕЧНЫ».
- 9** Стихи Алексея БАДАЕВА.
- 10** АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ.
Владимир МЕЗЕНЦЕВ. «ТРИНАДЦАТЬ ЧЕРНЫХ КОШЕК».
- 12** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. ШКОЛА РАБОЧИХ ТРАДИЦИЙ.
Алексей МЕЛЬНИКОВ. «ЛЮБОВЬ К ОГНЮ».
- 15** «НА РАБОЧУЮ ТЕМУ». Из сочинений учащихся ПТУ.
- 16** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. СМОТР ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЫХ.
Алексей КОРЗУХИН. «ТАЛАНТ К ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ».
- 18** АВТОБИОГРАФИИ.
Евгений ЛЕБЕДЕВ, народный артист СССР.
«СЦЕНИЧЕСКИЕ ВЕРСТЫ».
- 20** Дмитрий МЕЩАНИНОВ. «ФАБРИКА ИЛЛЮЗИЙ».
- 22** ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 24** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ГЛУБОКАЯ ПОВЕРХНОСТЬ».
- 25** КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА.
Документальная повесть Станислава ТОКАРЕВА
«СЛЕЗЫ И ЛАВРЫ».
- 27** Стихи Валентина СОРОКИНА.
- 28** 60 ЛЕТ СССР. Стихи народного поэта Дагестана
Анвара АДЖИЕВА.
- 29** Повесть Леонида САПОЖНИКОВА
и Георгия СТЕПАНИДИНА «ТРИ ВЕРСИИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор А. В. Исаева.

художника Театра кукол А. Корытного; просмотр спектакля «Слоенок»: выступление учащихся театрального училища.

О других событиях Недели можно судить по отчетам и лаконичным телеграммам, поступившим в ЦК ВЛКСМ. Вот одна из них. «От воспитанников детского дома № 1 имени Крупской г. Намангана Узбекской ССР. Неделя прошла увлекательно. В ней приняли участие ансамбль скрипачей Наманганского государственного музыкального училища, вокально-инструментальный ансамбль «Наргиз» Института культуры и другие. Огромное впечатление на нас произвела выставка работ заслуженного деятеля искусств М. А. Аббасова, который подарил детдому репродукции своих картин. По поручению коллектива директор Ильязев».

Итак, одна из задач Недели — расширение контактов с людьми, познание нового. Еще один пример.

В Пермском краеведческом музее и художественной галерее ежедневно проводились бесплатные экскурсии, беседы. Кроме того, работники музея и галереи выезжали в детские дома с чтением лекций.

Но лекции, экскурсии — это, так сказать, пассивное накопление информации. Важно, что в ходе Недели обнаружилось и много активных форм освоения прекрасного, вовлечения ребят в творчество. В Ахбулакском детском доме Оренбургской области работники областного отделения Союза художников РСФСР не только организовали выставку картин молодых художников, но и провели конкурс на лучший рисунок. Победители конкурса были премированы работами художников, посетивших детдом.

В Кемерове воспитанники интернатных учреждений приняли активное участие в городском слете книголюбов, выставках технического творчества.

Творческой молодежью Тбилисской государственной консерватории, Академии художеств и театрального института имени Руставели в нескольких детских домах проведены конкурсы на лучший рисунок, лучшее исполнение песни и танца. Победители были награждены книгами, грампластинками, посетили Академию художеств, спектакли театра юного зрителя. Детский хор из чехословацкого города Оломоуца, побывавший в Грузии, выступил с концертами в Сурацком и Батумском детских домах.

В Глазовском детском доме воспитанники сами приняли участие в спектаклях «Дождик, дождик, пуце!», «Петя-петушок». Комсомольцы разучили с детьми потешки, песни, показали два кукольных спектакля. Для развития творческих способностей и навыков у детей в детских домах и школах-интернатах Удмуртии проведены конкурсы на лучший рисунок, лучшее исполнение песни и танца.

В школе-интернате № 1 г. Жигулевска, Куйбышевском детском доме № 1 и еще в нескольких детских домах и школах-интернатах Куйбы-

шевской области открыты студии эстетического воспитания, организованные дворцами культуры и домами пионеров.

Одна из целей, которые ставились в ходе Недели, — разработка новых перспективных форм шефства над воспитанниками детских домов. Таких интересных форм родилось немало. Вот только некоторые из них.

Молодые художники Горьковской области оказали конкретную помощь в оформлении интерьеров детских домов, составили перспективные планы оформительских работ.

Художественное училище Орловской области направило своих учащихся для творческой работы в детских домах и школах-интернатах.

Учащиеся Ленинградского художественного училища имени Мухоминой изготовили проекты игрового оборудования для детского дома № 1.

В школах-интернатах Костромской области после проведения Недели увеличилось число кружков эстетического направления.

На базе детского дома № 1 г. Комсомольска-на-Амуре работает детская музыкальная школа. Воспитанники других детских домов, имеющие музыкальные способности, посещают городские музыкальные школы.

Ивано-Франковский театр кукол, объединение молодых художников Киевской области подарили воспитанникам школ-интернатов и дошкольных детских домов наборы кукол для постановок сказок, эстампы, картины.

Молодые художники, посетившие школу-интернат Тогучинского района Новосибирской области, подарили ребятам тридцать две картины, наборы красок, кистей, книги.

Студенты художественно-графического отделения Бурятского педагогического училища № 1 оформили республиканский дошкольный детдом.

Ярким праздником стала Неделя для ребят детдома города Азова Ростовской области. Его воспитанники встретились со студентами Таганрогского радиотехнического института, которые рассказали им о своей будущей профессии. Для воспитанников детского дома г. Новочеркасска была организована экскурсия на городскую станцию юных техников.

Встречи с ребятами из детских домов и школ-интернатов о многом заставили задуматься и самих молодых актеров, художников, музыкантов. Екатерина Маркова, актриса московского театра «Современник», член Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, говоря о работе своего театра в подшефной школе-интернате, отметила: «Мне кажется, я много бы потеряла, не произойди этой встречи. Хотелось бы, чтобы как можно больше моих коллег по искусству сказали: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь этим детям». И пусть не кончится дружба с последним днем школьных каникул!»

Добавим: пусть эта дружба продолжается многие годы!

Призыв к сбору книг для библиотек детских домов напечатала летом прошлого года многотиражная газета нашей фабрики. Теперь, когда работа закончена, можно сказать, что отклик мы нашли у каждого: 2500 человек в нашем коллективе — и именно столько книг собрано. В октябре 1981 года библиотека отправлена в Пудожский детский дом. Думаю, передача библиотеки — начало нашей дружбы с ребятами. Хочется, чтобы каждый из ста четырех мальчишек и девчонок, живущих здесь, чувствовал и нашу комсомольскую заботу.

Зина РАДЧЕНКО,
секретарь комитета ВЛКСМ слюдяной фабрики, имени 8 Марта
г. Петрозаводск

С того времени, как в нашем журнале впервые было опубликовано обращение к читателям по поводу сбора книг для библиотек в детских домах («Смена» № 20, 1981 г.), прошло три месяца.

Призыв наш услышан: посылки и бандероли из разных уголков страны мы получаем каждый день, книг собрано уже более двадцати тысяч.

Первыми на просьбу журнала откликнулись работники типографии издательства «Правда», те, кто набирал текст обращения. А затем хлынул настоящий книжный поток. Например, ребята только двух московских школ—412-й и 631-й—через Дом детской книги передали в фонд будущих библиотек восемьсот книг. Позже мы подробнее расскажем о ходе операции «Добрые книги—детскому дому». А пока познакомим читателей с несколькими письмами, вложенными в почтовые «Сменой» бандероли.

«Комсомольцы разных поколений нашего отдела,—пишут книголюбы одного из конструкторских бюро города Гомеля,—считают за честь послать в дар воспитанникам детского дома любимые книги из своих библиотек».

«Решил откликнуться на ваш призыв. Я врач, отец четверых детей. От всей души желаю воспитанникам детских домов крепкого здоровья. Пожалуйста, примите в дар мои книги»,—такой запиской сопроводил свою посылку Умар Абдугаффарович Музаффаров из Ташкентской области.

И еще одно письмо.

«Уважаемая редакция! Я постоянный читатель вашего журнала. Вы обратились с призывом присылать книги для детей, живущих в детских домах и школах-интернатах для детей-сирот.

В нашей семье восемь детей, многие мои братья и сестры уже обзавелись семьями. В прошлом году у нас умер отец, и мы хорошо знаем, что такое жить без отца. Вот я и хочу поделиться своими

книгами с ребятами из детских домов. В какой из них попадут они, не имеет значения. Я сам очень люблю читать и надеюсь, что книги понравятся детям. С уважением, Федяев Михаил Анатольевич, 18 лет, Архангельская область».

Спасибо вам, Михаил Анатольевич, за чудесные книги.

Спасибо всем, кто сердцем откликнулся на наш призыв!

Сбор книг для библиотек в детских домах продолжается.

Сотрудники нашего института провели операцию «Подари детям радость». Были собраны 1000 книг и 750 игрушек для детей в возрасте трех—семи лет. Книги и игрушки переданы дошкольному детскому дому. В операции принял участие каждый из семисот сотрудников института.

В. ТЮЛИН, ректор сельскохозяйственного института г. Киров

Хочу быть первым

З

дравствуйте, уважаемая редакция!

Прочитал я тут в вашем журнале письмо инженера Александра Козаря. В чем-то я с ним согласен, но в главном, мне кажется, он не прав. Дело в том, что я тоже инженер, тоже молодой (я всего на три года старше А. Козаря), только работаю не на заводе, а в институтской лаборатории. Ничего сложного в нашей работе нет: наука придумывает, мы в «железки» воплощаем. Материально должность моя, конечно, не очень-то выгодная, зато я живу спокойно: ни напряженного плана с меня не спрашивают, ни сверхурочными заказами не загружают.

Я согласен, что начальник цеха, который так хотелось стать Александру, фигура действительно на производстве заметная. Только много ли эта должность дала ему? Хотя бы в смысле заработка? Да любой слесарь высокого разряда в его цехе получает не меньше, чем он. Так стоило ему лезть из кожи вон, становиться на уши, как у нас говорят, чтобы только называться начальником, да при этом еще и слышать за своей спиной оскорбительные клички и прозвища? Я уверен, что получает он за все свои тревожащие копейки. И вряд ли может позволить купить себе что-нибудь из фирменных вещей, за которыми сегодня все гоняются.

А вот я, хоть и такой же инженер, как и А. Козарь, могу. Только не надо меня убеждать, что джинсы, дубленка, стереомагнитофон и «Жигули» — это плохо. Ведь вокруг десятки людей, у которых все это имеется. Так что же, я хуже их, что ли, или меньше их зарабатываю?

Я не говорю о тунеядцах и жуликах. Я их сам не уважаю. Я говорю о тех, кто работает. Только ведь одни работают мало и мало получают. А другие работают очень много и много получают. И мне мои деньги достаются вовсе не за здорово живешь. Я хоть и инженер, а руки мои в мозолях, в садинах и в заусеницах. И тружусь я не за совесть, а за деньги.

В пять я свободен на своей работе, сажусь в «Жигули» и еду. Думаете, домой? Нет, на халтуру. Да, я инженер, имею халтуру, которая дает мне по крайней мере в два раза больше, чем я получаю на основной работе. Дело в том, что у меня есть двоюродный брат. Его тесть — мастер на все руки — работает в фирме «Заря». И вот мы с братом подрались к нему в компаньоны. Дело наше такое: мы помогаем новоселам благоустроить быт. В «Заре» ведь столько и рабочих-то нет, чтобы всем жильцам дома-новостройки сразу и двери кожей обить, и полы лаком покрыть, и всякие удобные для жизни приспособления приделывать. Мы же со временем не считаемся, надо — до глубокой ночи будем работать. Конечно, и деньги за свою работу получаем приличные.

Так почему же мне не иметь все то,

В № 1 мы напечатали письмо молодого инженера из г. Киева Александра Козаря. Нравственно ли стремиться быть первым, делать собственную карьеру в интересах производства? — таким вопросом задается наш читатель. Его мысли и суждения о лидерстве на производстве показались нам настолько полемичными, что мы предложили читателям обсудить это письмо на страницах «Смены» в нашей новой дискуссии «Хочу быть первым».

И вот — первые читательские отклики. Среди них оказалось письмо, которое, как нам кажется, заслуживает того, чтобы быть напечатанным отдельно от всех остальных — так вызывающе-откровенно желание автора «быть первым». Но в чем, в какой сфере жизни и какими средствами стремится он к лидерству? Прочитайте это письмо, и, мы надеемся, вам захочется ответить автору.

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ

что сегодня уже считается обычным набором материальных благ? И я готов спорить до посинения с человеком, который будет мне доказывать, что ему не надо ни машины, ни хорошей мебели, ни модных тряпок. Ведь многие просто искусно прикрывают свои страсти, а на самом деле так же любят красивые вещи, как и я. Любят, но всячески скрывают это от других. А я вот не скрываю, и, значит, честнее их. Да и хочу жить красиво. И жена моя хочет. Да и вообще все женщины, в том числе, я уверен, и жена того же Козаря, не откажутся от такой жизни. Почему бы и нет? Чего тогда стоят все наши разговоры о подъеме благосостояния каждой семьи?

Недавно возвращаюсь домой поздно вечером с халтуры — циклевали пол в новом доме. Сел в такси, еду, глаза так и слипаются. Таксист, молодой парень, вдруг обращается: «Дядь, картину не желаете приобрести? Дешево отдам». Вынимает из-под сиденья раму. Я в живописи, если честно, не очень-то понимаю, но тут вижу, что вещь не наша. Потому что изображена на ней обнаженная красавица, полулежащая на диване. Причем это не репродукция там какаля-то, а самая настоящая картина, нарисованная маслом. И просит парень недорого — всего четвертной. Для меня это не деньги, я даже не торговался, вынул и заплатил. Приехал домой, повесил в спальне, и так она хорошо вписалась в интерьер, что я просто не нарадуюсь. Недавно узнал, что это «Спящая Венера» итальянского художника Джорджоне. Так что и в музей мне незачем идти, чтобы приобретать искусство как художественные ценности.

Да, я люблю все красивое. И тоже хочу быть первым во всем. Вот мы тут у одного писателя в новой квартире работали. Смотрю, у него на всех дверях бронзовые ручки под старину. Спрашиваю деликатно у его жены: «Где достали и почему?» «Да они, — отвечает, — сейчас в любом хозяйственном свободно продаются — индийский импорт». И точно. В тот же день пошел и купил. Приделал к дверям, хожу, люблюсь, потому что красиво. Так что, меня за это надо осуждать? Тогда давайте осуждать и писателя и про него говорить, что он тоже мещанин и обыватель.

Я не верю, что есть чудачки, которым совершенно безразличны модная одежда и комфорт в доме. Если и встречу такого, то сразу увижу: притворяется. Только вот вопрос: чего ради?

Я считаю, что пока молод, я должен взять от жизни все, чтобы радоваться ей. Вот когда постарею, тогда другое дело, может, тогда и мне, кроме сиденья в садике перед домом, больше ничего не надо будет.

А пока мне нужны и дача и машина. Моими руками и головой заработанные. Чтобы в выходной я мог поехать куда хочу, чтобы мои дети (у меня двое — сын и дочь, пока в садик ходят) дышали чистым воздухом и ели клубничку прямо с грядок.

Конечно, за красивую модную вещь платить приходится дорого. Но если я могу заплатить за нее столько, сколько просит продавец, — я плачу и ношу. И нечего тут удивляться: умеешь жить — ты в почете и уважении, не умеешь — сиди и помалкивай.

Мне могут сказать, что, мол, если я покупаю импортную вещь у спекулянта-барахольщика, то унижаю тем самым свое гражданское достоинство. То, что кто-то там наживается на моем желании иметь фирменную вещь, меня не волнует. Пусть волнуется это миллион. Я же не ворованные деньги плачу, а свои собственные, потом добытые. А что касается этого самого гражданского достоинства, то лично я чувствую себя достойно только тогда, когда одет с иголочки. Не зря ведь даже в пословице говорится: «Встречают по одежке...»

Ну, а вообще-то отложить все мои дела и написать вам меня заставил А. Козарь, а точнее, то место в его письме, где он утверждает: «Наряду с талантливыми, одаренными людьми немало и обыкновенных неудачников, имен которых никто никогда не узнает, кроме их друзей и родственников». Значит, такие инженеры, как он, и одаренные и талантливые, а такие, как я, — обыкновенные неудачники? Да я плевать хотел на все должности и чины, если они не приносят мне главного в жизни — материального достатка. Это я говорю без всяких шуток.

Подписываюсь, конечно, не своей фамилией. Популярности мне не нужна. Сами понимаете, не хочу, чтобы за мою откровенность меня же еще и склоняли коллеги по работе и знакомые. Да и брат не захочет, чтобы кто-то выдавал наши «производственные» успехи. А, впрочем, я почти уверен, что вы и не опубликуете это мое письмо.

Владимир ВЛАДИМИРОВ, г. Москва

От редакции

Как видит читатель, да и сам В. Владимиров, письмо мы его все-таки публикуем. Причем без всяких сокращений, хотя, честно говоря, очень бы хотелось убрать из него те места, в которых автор столь откровенно ставит «ценности» галантерейные выше ценностей непреходящих, духовных. А ведь еще А. М. Горький отметил непосредственную связь между отношением человека к вещам и содержанием его духовной жизни. «Не сотвори себе кумира из сапога...» — писал он. Значит, и сегодня существует опасность, исходящая от вешных кумиров? Существует. И письмо нашего анонимного автора со всей определенностью это подтверждает.

Мы надеемся, что читатели, принимающие участие в дискуссии «Хочу быть первым», учтут и письмо В. Владимирова и выскажут о нем свое мнение.

Дискуссия продолжается. Ждем ваших писем.

Владимир ДРУЖИНИН,
инструктор ЦК ВЛКСМ.

Сергей ПОПОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

ОСКОРБЛЕНИЕ

(В ЗАЩИТУ УЧИТЕЛЯ)

9ом ее стоит на берегу пруда. Летом здесь ребята купаются, а зимой пруд становится катком. Пруд не очень большой, но глубокий, и Зинаида Петровна на всякий случай держит дома пару длинных багров и канат. Не один раз уже приходилось пускать их в дело: кто-то, не умея плавать, в воду лезет, кто-то прочность первого льда испытывает. Мимо пруда Зинаида Петровна обычно идет и на работу. Она учительница. Чуть не каждый проходной с ней здороваются — и это понятно, ведь сейчас уже она учит детей тех, кому тридцать лет назад давала первые свои уроки. Педагог она сильный, это вам любой в Теплом скажет. Пять лет назад Зинаиде Петровне присвоили звание «Заслуженный учитель РСФСР», была она делегатом последнего Всесоюзного учительского съезда, многие годы руководила районным методобъединением математиков. А кроме званий и разных ответственных поручений, есть то, что всего дороже, — любовь учеников. Поэтому в ее доме ребята — частые гости.

Живет Зинаида Петровна в маленьком районном центре Тульской области. Каждый человек здесь на виду, учитель — тем более. Только никогда раньше Зинаиду Петровну это не тяготило, а даже радовало: все знали ее, и она знала всех. Не то что в большом городе, где провел учитель урок, вышел из школы и затерялся в толпе.

В город Зинаида Петровна и сейчас бы не поехала, но вот желание сделаться незаметной, затеряться в толпе в последнее время у нее возникает часто. На улице она теперь старается ни с кем не разговаривать. Ответит быстро на приветствие и проходит дальше... Дом — школа, школа — дом. И мысли, изматывающие душу, горькие мысли.

А началось все после той прекрасной поездки...

— Ребята, мы едем в Ленинград! — Зинаида Петровна вошла в класс, вся светясь от радости.

— Ура-а-а-а! — 6 «А» от восторга вскочил из-за парт и долго не мог успокоиться.

Она давно обещала им это путешествие, но достать путевки оказалось очень трудно. Обмануть ожидания ребят она не могла, не в ее это правилах. Зинаида Петровна совсем уж было опустила руки, когда пришла к ней мысль обратиться к Вячеславу Косареву, бывшему своему ученику, в то время секретарю обкома комсомола. Косарев помог ей с путевками. Оставалось собрать деньги, и Зинаида Петровна обратилась в профсоюзные комитеты организаций, где работали родители ее учеников. Там с удовольствием пошли навстречу, необходимые суммы выделили. Вместе с тремя сотнями рублей, заработанными самими ребятами, набралось более полутора тысяч. Родителям оставалось оплатить лишь дорогу.

По пути в Ленинград они сделали остановку в Москве. Бывший 6 «А» — теперь он был уже седьмым «А» — зачарованно стоял на Красной площади, закинув вверх головы, разглядывая кремлевские башни, ахал в метро, и Зинаида Петровна никак не могла вернуть своих туристов в действительность: «Ребята, да проснитесь вы! Мы же на поезд опоздаем...»

А в Ленинграде их ждали выставки, театры и... июньские белые ночи. Они валились от усталости, но бодро говорили, что не хотят спать, так им хотелось посмотреть развод мостов на Неве. Зинаида Петровна вглядывалась в восторженные лица ребят и уже не ждала, что рискнула одна поехать с классом в двадцать девять человек. 7 «А» был просто счастлив и, вернувшись домой, взахлеб рассказывал родителям о сказочном путешествии.

В прекрасном настроении была и Зинаида Петровна. На следующий день после возвращения из Ленинграда она уже работала вместе с ребятами на прополке свеклы, писала в районную газету статью о поездке, составляла финансовый отчет. А через три дня...

Через три дня, проходя по поселку, она впервые услышала: «Зинаида Петровна, а что это говорят, мол, деньги вы какие-то присвоили?» Зинаида

Петровна сразу не поняла сути оброненной фразы и, поразившись ее нелепости, спросила только: «Деньги? Какие деньги?» Сейчас она уже и не вспомнит, от кого первого услышала это дикое обвинение. Да это и не важно. Важно другое: сплетня, как баццлла, поползла по поселку.

Ах, какое удовольствие доставляет обывателю процесс передачи «сенсационной новости»! Обывателю нет дела до конкретного человека, ему важен неожиданный поворот «сюжета», он радуется самой мысли, что не только он один, все люди с червоточкой и лишь с виду порядочны, а внутри мелки и корыстны. Ведь подозрение, что учительница, порядочность и честность которой в течение десятилетий не вызывали сомнений, вдруг взяла и присвоила общественные деньги, могло родиться только в голове злобствующего завистника. Порода обывателя, завистника имеет особенность: его хлебом не корми — дай поделиться своими подозрениями с другими, себе подобными. Против молвы нет защиты, у нее тысяча уст, ее нет, и она везде — это заметил еще Сократ. Более двух тысяч лет прошло с тех пор, а механизм распространения сплетни остался все тот же: из уст в уста. Как и века назад, эта гидра прожорлива и ненасытна.

Зинаида Петровна вначале пробовала, было, не обращать внимания на слухи — мало ли кто и какую глупость нагородит. Оправдываться ей было не в чем, поскольку на все экскурсионные расходы она представила финансовые отчеты и в поселковый Совет, и в тульский «Спутник», и в те профкомы, что выделяли деньги. Но то в магазине, то на улице она наткалась на один и тот же вопрос. Уже через несколько дней учительница была доведена до такого состояния, что не могла думать ни о чем, кроме одного: как доказать свою невиновность?

Мысль о защите от сплетни не давала ей покоя. Но выхода из создавшегося положения она не видела. Состояние это было настало мучительным, что с сильным нервным расстройством Зинаида Петровна оказалась в районной больнице. И как раз в это время в газете появилась ее заметка «В городе на Неве». Говорилось в ней, в частности, и о том, что «часть денежных средств ребята заработали сами, а другую часть выделили для поездки организации и учреждения района». О том, что дорогу оплачивали родители, Зинаида Петровна упомянуть забыла. «Вот видите, — злобно шептал некто, читая заметку, — деньги выделяли организации, а Ланина еще и с родителей гребанула. Куда она эти тыщи дела — пойдти ищи. Присвоила денежки, тут и доказывать нечего. А вот если проверку организовать, интересно, как она крутится будет?»

Почувствовав себя лучше, Зинаида Петровна вышла из больницы, но душевный покой уже не возвращался. Ей казалось, что все ее подозревают. Конечно, это было несправедливо, поскольку ни родители ее учеников, ни сами ребята не сомневались в честности учительницы.

— Вся ваша поездка — авантюра, я же вас предупреждал, что деньги нужно собирать прямым перечислением. Заварили кашу, сами ее и расхлебывайте, — сказал ей директор. Как «расхлебывать» — Зинаида Петровна не знала. «Не обращайтесь вы внимания на слухи, это же глупости. Будьте выше этого. Нельзя же идти на поводу у темных мечтан!» — советовали коллеги. Но «стать выше» ей было трудно. Потому что вопрос касался ее чести, ее достоинства, авторитета учительницы. И тогда она решила обойти родителей своих учеников и собрать подписи. Теперь каждый вечер она ходила по квартирам, показывая финансовые отчеты о поездке и объясняя, на что потрачены экскурсионные рубли и копейки. Конечно, родители претензий к Зинаиде Петровне не имели и подтвердили правильность расходов. Так что через какое-то время сплетня исчезла б, наверное, так же, как и появилась, не случись происшествия, которое вызвало новую волну сплетен и слухов...

Произошло это в середине октября. Здесь мы приведем выдержку из официального документа: «На уроке географии в 7 «А» классе, который вела учительница Поселенкова Г. Д., ученик

Сергей П. (фамилии учеников мы опускаем. — Авт.) оплевал четвероклассницу, присутствовавшую на уроке, — она ждала учительницу для дополнительных занятий. На предложение вытереть плевки и выйти из класса Сергей ответил отказом. Тогда для наведения порядка была приглашена классный руководитель Ланина З. П. Разгневанная происшедшим, Ланина удалила из класса Сергея. Не проявив должной выдержки, Ланина З. П. якобы ладонью руки несильно ударила Сашу П. (другого ученика, ответившего ей грубостью. — Авт.) и тоже удалила его из класса». (Из объяснительной записки заведующей роно.)

Записка эта появилась через десять месяцев после злополучного происшествия на уроке, и, следовательно, действительную картину по ней восстановить сложно. Тем более трудно это сделать теперь, спустя уже два с лишним года после того происшествия. Нередко бывает, что не очень значительные вроде бы события вызывают значительные последствия. Именно таким оказался злополучный инцидент на уроке географии. Тут мы должны признать, что, обратив свой гнев не только на провинившегося Сережу, но и на Сашу, который к хулиганской выходке не имел отношения, Зинаида Петровна совершила педагогическую ошибку. Но разве могла она предположить, к каким нелепым, горьким для нее последствиям это приведет?!

Саша, придя домой, рассказал обо всем матери. Этим разговором дело бы и кончилось, но через два дня его мать получила записку от завуча с требованием явиться в школу. Когда она зашла в учительскую, чтобы выяснить, по какому поводу ее вызвали, учителя посоветовали ей обратиться к классному руководителю. Но у Зинаиды Петровны шел урок, с родительницей она побеседовать не смогла и направила ее к директору. Директор в это время торопился на какое-то совещание и принять мать ученика не имел времени. Расстроенная, вернулась она домой. А тут еще у Саши ухо заболело. Одно к одному. Обида, ох, какая обида затаилась в душе. И мать Саши в один вечер зачеркнет все доброе, что сделала Зинаида Петровна для ее сына, даже то, что в Ленинград его взяли по личному ходатайству классного руководителя, ведь он имел неудовлетворительную оценку по поведению. Теперь родительница говорит, что вся экскурсия была для шести-классников мучением, что Зинаида Петровна больше по магазинам бегала, чем по музеям ребят водила. И не поверит она теперь, что Зинаида Петровна в той поездке потратила на общие нужды немало своих собственных денег, потому что всех расходов ни одна путевка предусмотреть не может.

Настанет зима и вроде бы охладит все страсти, поутихнут разговоры вокруг будто бы присвоенных денег, вокруг «избиения» на уроке. И вдруг вновь разгорится костер. Впечатление такое, будто кто-то, жаждущий продолжения травли учительницы, только и следит за тем, чтобы вовремя подбрасывать хворосту в огонь, который уже готов погаснуть. Кто же?

В начале февраля в областном отделе народного образования было получено письмо за подписью матери Саши, в котором учительница обвинялась в присвоении двух тысяч экскурсионных рублей. С этого момента сплетня стала облекаться в материальные формы. Клевета перекочевала на бумагу, приобретает характер обвинения. К рассмотрению жалоб начали подключаться все новые и новые лица, по каждому письму проходило отдельное разбирательство.

Работу Зинаиды Петровны по первой жалобе проверяла инспектор облоно. Она опросила родителей, проанализировала финансовые отчеты о поездке. Факт присвоения денег не подтвердился. В скором времени после этого еще одно письмо за подписью матери ученика появилось в областной прокуратуре. В нем Ланина обвинялась уже не только в присвоении экскурсионных денег, но и в применении антипедагогических методов воспитания. Вот теперь машина закрутилась по настоящему. Областная прокуратура потребовала от тепло-огаревского прокурора Иванова организовать проверку изложенных в письме фактов. Нача-

лись опросы ребят, родителей, учителей. Семиклассников снимали с уроков и вызывали в прокуратуру, где Иванов записывал их объяснения по поводу инцидента полугодичной давности. Начались новые мучения и для Зинаиды Петровны, потому что в глазах обывателя она уже превратилась в «обвиняемую», на нее уже было «заведено дело». Нет, дела никакого не было, обвинительного заключения тоже, шла обычная проверка жалобы. Но слово «прокурор» для обывателя является синонимом слова «суд», а дача объяснений равносильна даче показаний.

Некто потирал руки. Сбывалось то, о чем судачили авторы анонимок еще четыре года назад. В одном из таких писаний можно прочесть: «Уважаемый зав. облюно! У нас в поселке на Доске почта висит фотография учительницы Ланиной З. П. Эту учительницу мы не уважаем. Из-за нее многие ученики бросили учиться в школе. Мы не любим школу, потому что в ее стенах работает учительница Ланина, которой не место в советской школе. Группа учеников». Странно, что «группа учеников» имела почерк явно пожилого человека. Но анонимкой дело это не кончилось. Неизвестные осквернили портрет заслуженной учительницы на районной Доске почта, и он был снят. Никто даже не попытался разыскать хулиганов.

Прокурор Иванов между тем проверку жалобы закончил. Итогом его работы стало постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против Ланиной. Говорилось в нем, что «формально в действиях Ланиной З. П. содержится состав преступления, предусмотренный ст. 171 ч. 2 УК РСФСР (превышение власти)... Но действия Ланиной не представляют собой общественную опасность, а потому в силу ст. 7 УК РСФСР не могут быть признаны преступлением, а являются дисциплинарным проступком (ст. 5 п. 2 УПК РСФСР)».

Когда мы знакомимся с документами этого «дела», подумалось: почему прокурор, опросив столько людей, исписав столько бумаги, оставил без ответа столь важный вопрос: кто же является истинным автором письма на имя областного прокурора? (Как мы увидим, в ходе второй прокурорской проверки будет установлено, что жалобы писала не сама родительница, а другие лица.) Прокурор при желании мог найти злопыхателей и тем самым поставить в этой истории точку. Но он этого не сделал, сосредоточившись на другом вопросе: имеется ли в действиях Ланиной состав преступления? Дальнейший ход событий покажет, что и здесь прокурор не сумел докопаться до истины.

«Сведения о присвоении Ланиной З. П. денег учащихся при проведении экскурсии своего подтверждения не нашли», — написал в постановлении прокуратуры Иванов. Написал... и тем ограничился. Хотя ясно, что раз «сведения... подтверждения не нашли», — это не сведения вовсе, а клевета, заведомая ложь. А за клевету можно и следует наказывать, ибо, как уже убедился читатель, она может ранить человека не только нравственно, но и физически и по своей разрушительной силе равносильна любому другому опасному преступлению. Прокурор же по отношению к клевете занял сугубо нейтральную позицию, как будто бы ее и не было вовсе, и тем самым помог лжецам перейти в наступление. Зато в постановлении содержится требование к роно и школьной администрации привлечь учительницу Ланину З. П. к дисциплинарной ответственности. Так обычная прокурорская проверка оказалась на руку злопыхателям.

В роно, получив копию постановления прокуратуры, приняли свои меры: Зинаиде Петровне объявили строгий выговор. Сделано это было, как теперь объясняет заведующая роно, для того, чтобы «умиротворить родительницу». Зинаида Петровна к тому времени только что вышла на работу после очередного месячного пребывания в больнице. Против выговора она не протестовала, ибо слишком устала от бесконечных людских расспросов на улицах, вызовов и объяснений.

Казалось бы, все дело исчерпано! Однако кого-то такой поворот событий явно не устраивал. Поскольку прокуратура отнеслась к проверке формально, закулисные авторы осмелели. Вскоре в областной прокуратуре появилось еще одно письмо за подписью все той же родительницы. В нем утверждалось, что «де тепло-огаревский прокурор принял половинчатое решение не по своей воле, а под давлением свыше, сама же Ланина легла в больницу с целью разжалобить сердобольных людей, запугать прокуратуру. Заканчивалось письмо такими словами: «Советский закон должен быть для всех одинаков, и я вас, уважаемый областной прокурор, это постановление от 8 апреля 1980 г. Тепло-Огаревской прокуратуры прошу отменить и назначить проверку заново». Просьба эта была с готовностью выполнена.

В начале апреля Саша перестал посещать уроки математики. Это «доброжелатели» посоветовали его матери: «Если ваш сын не будет ходить на уроки, Ланину вообще уберут из класса». Узнав об этом, директор распорядился: уроки математики и классное руководство в 7 «А» у Зинаиды Петровны отобрать и передать другому преподавателю. Это свое решение администрации согласовала с роно и местным комитетом школы: все, мол, законно. И опять не раздалось ни одного голоса против подобного решения, которое укрепляло позицию обывателя, унижало имя заслуженной учительницы. Печально, что педагоги, отдавая своего коллегу обывателю «на поругание», поощряли как раз те обстоятельства, в каких, не исключено, могли оказаться сами.

Да, злопыхатели торжествовали. Дирекция школы, сама того не сознавая, действовала теперь под их диктовку.

Через несколько дней после заседания месткома, на котором было решено «освободить» Зинаиду Петровну от уроков в 7 «А», ее вновь увезли в больницу. А когда спустя три недели она вышла на работу, ее ждал новый сюрприз: вызов в прокуратуру, но теперь уже соседнего Плавского района, поскольку тепло-огаревский прокурор Иванов к тому времени за недобросовестность от своих обязанностей был освобожден, а новый к обязанностям еще не приступил.

И вновь опросы, и вновь анализ финансовых документов. Зинаида Петровна уже успела привыкнуть к проверкам. Она в очередной раз доставала папку с отчетами о поездке, в ней были собраны все, какие только возможно, бумаги, подтверждающие, что экскурсионные деньги она расходовала по назначению. Железнодорожные билеты, билеты в театр и на концерты, в музей, корешки путевок — самая строгая ревизия вряд ли смогла бы к чему-нибудь придираться.

Каждый день теперь приезжал в Теплое прокурор Н. Ф. Наумов. Говорил с ребятами, их родителями. Когда проверка была закончена, появилось постановление, в котором отрицался и факт присвоения экскурсионных денег и факт избивания ученика на том злополучном уроке. С новым постановлением прокуратуры ознакомились в роно и строгий выговор с Зинаиды Петровны сняли.

Шли летние каникулы, но у работников роно забот хватало: с первого сентября в Теплом вступала в строй новая школа, и, естественно, решался вопрос — кому учиться и преподавать здесь, а кому оставаться в старой. Постановлением поселкового Совета в новое здание переводился и бывший класс Зинаиды Петровны — теперь это был уже 8 «А».

Прошлым летом 8 «А» благополучно сдал экзамены. Кто-то поступил в техникум, кто-то — в ПТУ, а многие предпочли продолжать учебу в девятом классе. Саша уехал в Москву, учится сейчас в профтехучилище. В сентябре произошло неожиданное событие: ребята из бывшего класса Зинаиды Петровны — уже девятого — вернулись к ней. Они забрали документы из новой школы и пришли в старую, к любимой своей учительнице.

В Теплом грустную эту историю сейчас считают законченной, от нее в поселке устали. И все-таки точку пока ставить рано. И вот почему.

В постановлении Плавской прокуратуры нам бросилась в глаза одна фраза: «Отказать в возбуждении уголовного дела по анонимным заявлениям...» Дело в том, что, хотя под тем и другим письмами стоит фамилия матери Саши, писаны они разными почерками и оба не принадлежат ей. Именно эта деталь и заинтересовала прокурора Наумова. И тогда он без особого труда выяснил, что второе письмо в областную прокуратуру написано бывшим заведующим роно (!) Голубковым. Прокурор вызвал его для объяснения, и тот, припертый к стенке, во всем признался. Наумов предупредил его об ответственности, подшил объяснение в папку и закрыл ее, чтобы уже больше к ней не возвращаться.

С Голубковым мы встретились. Бывший заведующий роно, бывший заместитель директора школы по воспитательной работе, бывший преподаватель истории, он занят ныне одним делом — борьбой за справедливость. Пишет жалобы в инстанции высокие и не очень, требует вывести на чистую воду районных нарушителей нравственности и морали. «Взяточники, люди, злоупотребляющие служебным положением, типы аморальные» — никого не забыл в разговоре с нами Голубков, всех назвал по именам, дав каждому уничтожающую характеристику. Со многими из них он ведет или собирается вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Особую ненависть, как выяснилось, Голубков питает к клеветникам и анонимщикам. Слушая его, в пору было подумать: вот он, перед нами, один из самых честных жителей Теплого. Но как-то не вязался

образ этого «борца за справедливость» с тем человеком, который давал объяснение прокурору Наумову. На словах — противник клеветнических измышлений, на деле — жалобщик, подмахивающий анонимный навет в прокуратуру, в котором оскверняет имя учителя. И делает это человек, который уже в силу своей профессии должен быть примером честности и порядочности!..

Говорят, справедливость не торжествует, пока зло не наказано. Именно так получилось и в этой истории. В Теплом до сих пор не знают имен истинных авторов клеветнических писаний.

А что касается анонимок, то к ним в Теплом привыкли. Заведующая роно, например, работающая здесь уже тринадцать лет, испытала на себе действие пятидесяти шести жалоб и анонимных писем. И по каждой из анонимок проходило разбирательство, приезжали из областных инстанций комиссии. (Можно представить себе состояние этого человека, многие годы живущего под дамокловым мечом сплетников.) Пишут неизвестные авторы, поливая грязью честных людей, отнимая у них покой, выматывая нервы. Ведь нет ничего унижительнее, чем отбивать удары того, кого ты не видишь, бороться с пустотой, защищаться от нападения невидимок. А они бывают хитры и расчетливы. Они действуют из-за угла, планируют свою игру на много ходов вперед. Они знают слабости противника, недостаток его характера и бьют именно по ним. Ведь и подтачивая авторитет заслуженной учительницы, невидимки учли и уставшие ее нервы, и уязвленную гордость, не позволившую ей обратиться за поддержкой к коллегам, хотя были в коллективе люди, искренне сочувствовавшие Зинаиде Петровне и желавшие ей помочь.

И все-таки главный пострадавший в этой истории — дети. Ребята, на глазах которых развертывались эти горькие события. Дети, которых не раз вызывали в прокуратуру для дачи объяснений. Дети, которые интуитивно понимали, что происходящее нехорошо и мерзко, и именно поэтому они, как умели, защищали свою учительницу.

«Нам нужно осознать, что задача и функции учителя серьезно изменились по сравнению с задачами полувекковой давности. Сейчас его дело не только научить читать, считать и писать. Именно он призван сыграть одну из решающих ролей в борьбе с вакханалией меркантилизма, с бездуховностью. Я надеюсь на учителя, — писал недавно Чингиз Айтматов, — потому что он работает с несформировавшимися личностями: если он сумеет прорастить в них ростки добра и бескорыстия, значит, мы победим меццанство».

Учителя нужно защищать. Защищать иногда от него самого. Потому что плохое и хорошее в нас не только от семьи. Оно и от учителя. Мы разговаривали с нашими героями и мысленно представляли их учителей. И думалось, что людей, способных на подлость, росли равнодушные к подлости воспитатели... Нет, не правы те, кто считает учителя лишь урокодательем. Не только математике и литературе он учит детей. Но и нравственности. Учит словами. Поступками. Жизнью.

Беда, если люди привыкают к злу. Если зло не возмущает и мимо него стремятся просто побыстрее пройти, чтобы не запачкаться самим. Тогда зло нагнет и даже начинает учить добро уму-разуму. В Теплом вам могут назвать имена склочников, клеветников, анонимщиков. Но почему-то чувствуют себя они здесь превосходно. Кое-кто даже обращается к ним за советами в житейских вопросах, портить с ними отношения опасно: оклеветать могут любого. Рассчитывают клеветники на то, что любое письмо, даже анонимное, будет рассмотрено инстанциями. Злопыхателям нравится наблюдать действие запущенной в ход машины со стороны. Они получают удовольствие от человеческой боли.

Может, читатель скажет, что описанные нравы характерны для глухой провинции. Но ведь провинция не географическое понятие (Теплое, к примеру, не так уж далеко от Москвы). Провинция — это прежде всего глухомань в человеческих взаимоотношениях, когда слухи, сплетни, кривотолки сосуществуют с гражданскими законами. Когда суд обывателя действует независимо от правоохранительных органов и представители власти бессильны решительно оградить от клеветы конкретного человека.

Нынче с клеветой бороться легче, чем во времена Сократа. Новейшие технические средства позволяют опознать анонимщика и злопыхателя. Но часто ли эти возможности используются? В душе мы возмущаемся, а когда дело доходит до осуждения конкретного клеветника, не опускаем ли мы глаза, полагая, что лучше его оставить в покое? Прокурор Наумов сделал первый шаг, установив причастность конкретного злопыхателя к ложному доносу. Мы делаем второй, чтобы поставить наконец точку в этой затянувшейся истории.

СНЕГА НЕ ВЕЧНЫ

Они вышли к тонкой реке. Мать, которая была в ичихах, остановилась на берегу и посмотрела на сына. Первый лед уже окантовал глазурию песчаные отмели, остуженные, стеклярусом поблескивали кусты краснотала. Но мелководная река была пока свободна, и только на середине шла шуга.

— Еще не встала, — сказала мать и беспомощно обернулась. — Как же это мы с тобой переберемся?

— Переберемся, — сказал сын и, нагнувшись, стал снимать сапоги. Он закатал штанины по колено и вошел, обламывая хрупкий по краям ледок, в воду. Мать обхватила его шею руками, подогнув под себя ноги.

Река обожгла его поначалу, но потом ступни свьклись с холодом, и он осторожно ощупал пальцами каменное дно. Несколько раз плывущие льдины ударили его по икрам, словно проверяя крепость ног. Шаги постепенно распутывали темное дно, а потом он уверенно ступил на берег, и мать разжала руки.

Он наматал портянки и нырнул ногами в теплые голенища сапог. Собаки уже перебрались следом и стояли, отряхиваясь и сея вокруг себя алмазные брызги. Недавний жидкий снег, разлагаясь под солнечным теплом, менял свой цвет — из белого становился серым, а из серого превращался в желтый. Свежо и добро глядел соседний лес, выстроившись в пышный ряд, стояли припорошенные сосны. По открытому горизонту летела стая ворон, матово поблескивая сизыми крыльями. Черта хмельные круги, бегали по снегу собаки.

«Сколько раз это перевидано», — подумал сын.

Казалось, чей-то взгляд сопровождал его мысли, и он понял, что это был взгляд матери. Пришло ощущение нескончаемости дороги, которую ему предстоит преодолеть, и с этим ощущением он снял треть скучной ноши, до сих пор владевшей им.

Он взглянул на мать. И лицо ее, лицо степнячки с быстрыми живыми глазами, косыми смуглыми скулами, ждало, что скажет сын. Однако словами нельзя было объяснить всего, что владело сейчас его душой. Он просто положил свою руку ей на плечо, и они зашагали, приминая торчавшее из-под снега сухобелье, к лесу.

Но словно дальняя юность окликнула его в этот день, от имени которой яснее обозначилось его настроение. И нить памяти быстро распуталась, показав ему дни, как в волшебном калейдоскопе, чередующиеся один за другим.

Ему было хорошо от того, что он видел сейчас, чувствовал: мир вокруг него прост и значительен, как был простым и значительным тот день, когда они с матерью в первый раз пошли по Витимскому тракту на охоту. Он, вооруженный громадным охотничьим ножом, был счастлив, и счастье его было чисто, как чист был снег в то замечательное утро. Он приметил поздно утренняя звезду и шагал на ее свет упруго и сильно, в пору крыло опущать за спиной. Потом плясал костер у обочины дороги, и пламя билось, согревая не только их двоих, но и воздух. Через тракт к распадку мелькнула огромная тень, и он понял, что это был, но не смел сказать первым. Не потому, что этого нельзя было делать, а потому, что испугался. А мать подняла легкую «тозовочку», у которой ствол толщиной с карандаш, и выстрелила в том направлении, куда проломился сквозь кусты косопалый.

Медведь, увязнув в глубоком снегу, рыкнул, тяжелые пласты снега обрушились на него с ветвей отдыхающих деревьев. И он, еще тогда мальчик, взглянул осторожно из-за плеча матери туда, где ходил смутным косматым силуэтом громадный зверь. Присутствие более крупного, чем когда-либо он видел, существа породило в нем безотчетный страх. Он не тотчас заметил, как мать передернула затвор и выстрелила еще раз. Медведь завозился в снегу и рыкнул громче прежнего. Но не побежал, а оставался на месте. Он вытоптал это место, как площадку, и злобно сузились его глаза.

— Возьми в руки нож, — сказала мать и первая побежала к медведю. Он тоже, забыв страх, захваченный всепоглощающим восторгом, сжимая нож, ринулся следом за ней. Они выскочили на высокий борт трассы и остановились. Мать долго целила в голову, но после выстрела медведь не грянулся оземь, а медленно повернувшись, побежал, то и дело уходя по груди в снег, к хмурому лесу.

Мать была рослая и сильная женщина, а еще, наверное, безрасудная. Ведь не каждая мать отправит своего сына с ножом на медведя и не каждая будет мотаться целыми днями по тайге с ружьем за плечами, ночевать у костра, бить зверя и караулить гусей на убранный поле. И он, как мог, впитывал в себя и ее слово и немое наставление, когда они ходили по лесам.

Она не справилась с годами, ее раскочакала житейская волна, и со временем ружье было забыто, но зато появилось немудреное хозяйство, где ходьба за индюками да курами заменила ей ходьбу по лесу. Лишь в воспоминаниях видел сын свою мать у застывающих озер, где в зеркалах стекленеющих льдов отражалась ее непоседливая молодость. Да еще напоминала о прошлом подевичьи легкая походка.

Но она была бодрa, ее не так-то просто было вмуровать в оседлый быт. Мать старела годами и среди своих шестидесятилетних сверстниц смотрелась как странный путник с нелегкой, но здоровой ношей за спиной. Она уже не ставит ногу в стремя, ветром отнесло прожитое. И сейчас сын глядел на нее мгновение так, как будто увидел ее молодую не в сизо-фиолетовой дали, а совсем рядом — можно протянуть руку и коснуться. Но увидел и различил: прошлое уже положило свои тени под глаза, хотя самих глаз не тронуло. Отметил, что тоска заполняла материнские глаза всякий раз, когда они видели золу какого-нибудь костра, безмолвные поля, зыбкий рассвет раннего утра. Сквозь тоску проглядывало безмерное счастье оттого, что и она жгла когда-то свои костры и сейчас еще могла одолевая подъемы. Да что там говорить, ее живая душа в ненастную погоду приликала к оконному стеклу, пытаясь различить там просторы, людей, с которыми прочно сжилась.

Сыну жизнь ее казалась по-мужски крепкой, но все же по-женски капризной, потому что ее настроение зависело не только от нее самой, но и от природы. И не всегда была возможность разобрать, кто больше виноват в этом — она или природа.

В геологическом отряде, в котором она работала и куда брала с собой его, он часто замечал в ней эти перемены настроений.

Теперь, шагая рядом с ней, сын снова почувствовал себя десятилетним, а ее увидел с полевым журналом у палатки. День уходил с неторопливой основательностью. Сначала стирал все блики, пятна, подбирая все солнечные брызги, а

потом исчезал, внутренне уже суровый, ограждаемый тьмой. Мать, собравшись с силами, свистела, и прилетал молодой беркут. Тяжелая птица усаживалась к ней на плечо и железным клювом перебирала волосы на голове. Мать ласково принимала эти ухаживания, и огромная птица с признательностью клекотала. Потом она взмахивала крыльями, усаживалась где-нибудь на голом дереве и застывала там, словно красуясь перед кем-то. Мать не была капризна в том смысле, как это свойственно некоторым женщинам. Она могла смеяться, когда надо было плакать, и наоборот — могла хмуриться, когда надо было веселиться. Часто в ее лице неясным огнем дальнего маяка мерцала мечта, которая заставляла забывать о нелегкой доле.

Потом не раз и не два приснится ему кроткая улыбка матери, а вместе с ней пробудятся такие воспоминания, от которых и грустно, и светло, и хорошо. Он будет шагать к ней за тридцать километров по глухой, едва тронутой машинами дороге. Потому что в каникулы он не сможет усидеть дома, а тем более весной. Отец когда-то тоже шагал к матери через памирские хребты, узнав о рождении сына, его.

Он помнил каждый свой день так, как будто все было вчера, а не много лет назад. Помнил с тех самых пор, как обрел свое имя. И сейчас, оглядывая свое прошлое, он мог спокойно сказать, что не примысливал себе иную жизнь, но многое, вспоминая, он упускал из виду. Однако помнил все, что касалось матери.

Сын знал ее и грустной.

Тогда еще чувства не стали словами, и он не сумел утешить ее, когда старый чабан, увидев однажды сидящего на палатке беркута, перебил ему лапу из винтовки. Потом чабан оправдывался, говорил: не знал, что он прирученный. А беркут улетел, оставив отстреленную лапу, как укор человеческой жестокости и непонимания. И мать долго тосковала, она не ругала чабана, но глаза ее жадно шарили по небу, отыскивая там большую птицу, которая не нашла приюта на земле, не успела обжить своего гнезда.

В ее возрасте человек уже достигает желаемого, у него есть собственный угол, а вот у нее не было. И сколько помнит себя сын, они всегда жили в геологических временках. Она была рядовым геофизиком, знаменитых открытий на ее счету не было, зато были исхожены в молодости громадные просторы Восточной и Западной Сибири. Она жила в постоянном движении, не замечая, как проходят дни, недели, месяцы. Если надо было, она без усталости ходила в маршруты и, не сомкнув глаз, продерживала всю ночь в камералке. Она просто работала и всегда испытывала боязнь погрузиться в холод бездействия.

Такой она была и в двадцать, и в тридцать, и в сорок лет. Но в пятьдесят вышла на пенсию, и с тех пор жила в деревне, где когда-то стояла партия, и о ее былом пребывании напоминали лишь брошенные дома, один из которых и занимала мать... Жила она здесь неравнодушно, не предаваясь забвению и прозябанию, всегда находила себе дело, а с ним и смысл жизни.

Сын часто наезжал в эту деревню и всегда при встрече заглядывал ей в глаза: что изменилось с их последней встречи? Огонек материнской заботы в них всегда убеждал, что ничего существенного не изменилось, что его по-прежнему любят и что здесь всегда можно отдохнуть, утолить жажду, избавиться от хандры, вернуть душе лад.

Такой она была и такой была сейчас, когда они вышли к лесу. Ястреб-тетеревятник скульптурно сидел на сосне. Сын еще не вступил в сосновый бор, но уже принял, как принимают днем дневной свет, его зеленую роскошь. Всегда, входя в лес, он точно заново рождался. Звонкие удары дятла навязчиво дробили воздух. Чаща смыкалась за ними, а впереди был просвет, который вновь выводил их в сумрачную глушь.

Нарушив тишину, подала голос собака. Сначала несмело, потом все более входя в азарт и, наконец, уж совсем суматошно взлаивая, дала знать, что надобно спешить на зов. Рождалось чувство азарта, но не было ощущения бешеной погони, потому что не видно было впереди силуэта добычи.

— Это колонок, наверное, — сказала мать. И оказалась права в своем предположении.

Рыжий зверек метался по сосне и багряноглазо смотрел на них.

Лицо матери повернулось к сыну — с улыбкой, с блеском еще молодых и зорких глаз, словно кто-то обозначил в них торжественность момента.

— Ну вот, — произнесла она, — собака не зря лаяла.

Хлопнул выстрел, и колонок упал на землю, прямо к ногам сына. Собака бросилась было трепать зверька, но мать отогнала ее, и она, еще дрожащая, коротко и страдальчески взлаивала, находясь во власти охотничьего азарта.

Дальше они пошли по распадку. Сейчас сын внимал беседе леса, для его уха, привыкшего к городскому шуму, лучше которой нет. И он был благодарен матери, чей воле беспрекословно подчинился, направившись сюда.

Взлетела стайка рябчиков, и один уселся над головой, вытягивая серую шею. Сын взвел курок и замер: терпение и выдержка на такой охоте — первая заповедь. Медленно поднял стволы ружья и, выбрав момент, выстрелил. Когда рябчик падал, сын запомнил раскинутые в порыве крылья, его прощальный рывок в небо.

— Еще один трофей, — сказала мать, поднимая птицу и кладя ее в рюкзак.

Уже стемнело и засверкали звезды. От перепада температуры стали леденеть руки.

— Тут есть зимовье, — проговорила мать, — зайдем, обогреемся.

Глушь уже оформилась в темную массу. Раздвинули кусты и вышли на прогалину. Угольный силуэт зимовья одним боком приткнулся к сосне. Из трубы валит дым.

— Кто-то есть, — сказала мать. Сын толкнулся в дверь, и загремело ведро. Он чуть не вырвался, зацепившись ногой о порог. За столом сидел человек и молча смотрел на них. Керосиновая лампа едва освещала его грубой лепки лицо. Цигейковая шапка была надвинута на брови. Ватник едва помещался на просторных плечах. Но все же истинные размеры человека были скрадены сумеречным фоном.

Мать всмотрелась и узнала его.

— Дмитрий, — проговорила она, — не ожидала тебя здесь увидеть.

— А где же мне быть? — сказал хрипло Дмитрий и протянул сыну большую ладонь. Сын его не знал. Но зато знала мать. И в этом зимовье, окруженном холодом, они были земляками.

Они сели за стол, и Дмитрий поставил на него черный, закопченный котелок с чаем.

— Довольны охотой? — спросил он, разливая по кружкам кипяток.
 — Да, — сказал сын, хотя рюкзак его был легок.
 — А я тут петли ставлю. — Он равнодушно ткнул пальцем в угол, где высилась груда заячьих тушек.
 — Нынче полно зайца, — снова заговорил он. — По десять штук зараз снимаю. В дверь поскреблась собака.
 — Совсем как человек, — сказал Дмитрий, — не может одна.
 Он поднялся и выпустил свою собаку.
 — Ну, устраивайтесь, — произнес, — а я пока займусь вот этим, — он показал рукой на заячью груду.
 Мать легла на нары, а сын расположился у печи, отворив дверку, глядя на млеющий огонь.
 — Сын, — окликнула мать.
 — Что?
 — Ты доволен, что приехал ко мне?
 Он помолчал, вздохнул, а потом ответил:
 — Да.

В меркнущем предзимнем дне за окном своя жизнь сообщала ему эту свою близость и отклик. Он думал о тайне природы, к которой приобщила его мать. Отчего она заманивает людей через горы и быстрые реки? Почему она, как та утренняя звезда, заставляет забывать все невзгоды и неудачи? Нет, никакие объяснения не в силах дать ответ на это вечное «почему». Сидя у печки и глядя на огонь, он обдумывал целую жизнь, даже две — свою и матери. И тут он останавливал уходящие мгновения так, как откладывают драгоценные камни, чтобы можно было по мере надобности извлечь их и осмотреть — какие потемнели, а какие остались по-прежнему светлы.

Алексей БАДАЕВ

Сон о белой юрте

Яранга, хата...

Много есть жилищ,
и много разновидностей уюта.
А я на этом свете

разве ниц?

Есть у меня
моя степная юрта!

В оседлом доме я увидел свет —
но как, скажите, это объяснится:
мне снится юрта
вот уж много лет,
все юрта, юрта
мне ночами снится!

Она, как совесть чистая, бела,
стоит в степи под раскаленным солнцем.
Как опрокинутая пиала,
она глядит на небо
круглым донцем.

О сердце, сердце, вспомнить помоги,
где я впервые покорен был ею:
когда гостил у пастухов Аги
или у нас в Березовке, в музее?

Но так скажу: с давнишней встречи той
пленила современного поэта
не только гениальной простотой
архитектура войлочная эта.

Свидание с детством

В потоке повседневного труда
Так важно оглянуться, оглядеться!
Давайте ж возвращаться иногда
В долины детства, на поляны детства.

Прекрасно это, что ни говори, —
Валяться в травах и свистать, как птица,
И пусть глядят иные сухари
На нас, как на безумцев. Нам простится!

Уставшие от шумной суеты,
Узнавшие в работе цену хлеба,
Запустим вновь кораблики мечты
В обычной луже, отразившей небо.

В дорогах постаревшие слегка,
Уже давно привычные к потерям,
Опять построим город из песка
И всей душой опять в него поверим.

Солидные, бывалые вполне,
Давайте мы свои усмешки спрячем,
На ивовом пруточке-скакуне
Давайте вновь за счастьем в путь поскачем.

Припомним, что запретный сладок плод,
Что яблоки в чужом саду вкуснее —
И пусть хозяин солью вслед пальнет
И спустит пса, от ярости бледнее!

С открытым сердцем в этот мир вступай
И будь ему навечно благодарен:
Здесь в свой отряд возьмет тебя Чапай,
В бескрайний космос позовет Гагарин.

А в целом — в нашей жизни иногда
Так важно оглянуться, оглядеться.
Давайте ж возвращаться мы туда,
В свое незабываемое детство!

Городское село

Двадцатый век —
Любитель парадокса:
За годом год
Строительство росло,
По всей долине
Город наш растекся,
И оказалось в городе —
Село!

На вид — как настоящее:
Из бревен
Добротные старинные дома,
И дым из труб,
Медлительен и ровен,
Ползет, как строчка
Древнего письма.

На окнах —
Пирамидки помидоров,
И расписные ставенки
Скрипят,
И петухи
Орут со всех заборов,
Но почему-то
Часто непопад!

— Ну, как дела,
Вчерашние крестьяне,
Пополнившие
Наш рабочий класс,
Как жизнь идет,
Сельчане-горожане? —
Наведавшись,
Спросил я как-то раз.

И мне,
Слова неспешно подбирая,
Ответили спокойно,
Как всегда:
— Живем по-прежнему,
Дрова — в сарае,
В колодце —
Родниковая вода.

Придешь сюда
Из шума заводского,
Наш сельский воздух,
Свежий и родной,
Вдохнешь едва —
И оживаешь снова,
Усталости как не было
Дневной!

И, сам с деревней
Связанный корнями,
Подумал я:
Быть может, наконец
Здесь предстает сегодня
Перед нами
Гармонии желанной
Образец?

Кончался день.
Гудок электровозный
Прорезал
Вечереющую даль,
И вдруг
На бывшей улице колхозной
Почувствовал я
Тихую печаль.

И ощутил
С невыразимой силой,
Как панораме
Здесьних вечеров
Недостает
Кизячной дымки милой
И теплого
Мычания коров.

Все, как в музее,
В наилучшем виде,
Наличники резные
Хороши,
А я печалюсь:
Что ни говорите,
А сельской нету все-таки
Души!

Перевел с бурятского
Илья ФОНЯКОВ.

ак-то отдыхал я в деревне, в одном из колхозов Вологодской области. Там живет мой фронтовой друг, старшина-разведчик Федор Макаров.

Уж очень хотелось мне поглядеть человека, вместе с которым прошел тысячи километров по дорогам войны. Но была и другая мысль. В лесах, окружающих колхоз, водится много всякой дичи, а я, как и Федя, заядлый охотник. Поохотиться в вологодских лесах — этому стоило посвятить свой отпуск!

Охота оказалась отменной. Правда, чаще я ходил в лес один: Федор — колхозный бригадир — лишь изредка мог вырваться на охоту.

В один из таких дней, когда мы с ружьями и собакой вышли на улицу, Федя неожиданно остановился.

— А, чтоб тебе пусто было! — сердито произнес он и, повернувшись ко мне, добавил: — Дело ясное — не будет нам сегодня удачи!

— Это почему? — удивился я.

— Кошка дорогу перебежала.

Я посмотрел на друга, не понимая, шутит он или говорит серьезно.

— Что ты смотришь? Такая, брат, примета!

— Ты что, веришь в приметы?!

причины, вызвавшие их к жизни, а наивное суеверие все живет. Оно таится где-то в нашей памяти рядом с огромным запасом полезных, нужных для жизни знаний и вылезает наружу порой помимо нашей воли.

Невозможно подсчитать, сколько различных суеверных примет — смешных, нелепых, неожиданных — накопило человечество за свою долгую историю! Как и все в мире, они не остаются неизменными: одни забываются, исчезают из памяти народа, другие кочуют из века в век, получают как бы новую жизнь, неожиданно входят в моду. Ну, разве не встречаемся мы сейчас, например, с такой расхожей благоглупостью? Говорят двое молодых людей, поступающих в институт:

— Привет, куда спешишь?

— На экзамен.

— Ни пуха, ни пера!

— К черту!

Тут я уже слышу возражение иного читателя: «Да есть ли в этом что-либо серьезное? И стоит ли об этом вообще говорить всерьез?»

Есть, и стоит! Поговорим о подобных суевериях серьезно и откровенно.

Можете ли вы положить руку на сердце сказать, что вас совершенно не трогают, не интересуют никакие суеверные представления, пришедшие к нам из далеко-

дителей! У истоков всех современных религиозий стоят именно те представления о мире, которые породили суеверия, дожившие до наших дней, в том числе самые бессмысленные. Суеверные приметы были ступенькой к религии, а впоследствии стали ее постоянными спутниками. «Религия шествует в сопровождении всевозможных суеверий», — вполне справедливо говорил В. Гюго.

Богословы стараются отмежеваться от верований первобытных людей, но многие остатки этих верований нетрудно разыскать в Библии, увидеть в религиозных обрядах. Достаточно вспомнить ритуал христианского крещения — кому неизвестно, как много в нем от древней магии «язычников».

В сознании религиозного человека мирно уживаются современная вера в единого бога и мировоззрение дикаря, ибо в основе того и другого лежат одни и те же представления о природе.

Почему же нередко самые наивные суеверные представления передаются от поколения к поколению, не умирают веками? Почему они живут и в наши дни, когда наука все в большей степени проявляет себя как могучая производительная сила общества?

Как видно, причины живучести предрассудков и суеверий (не будем касать-

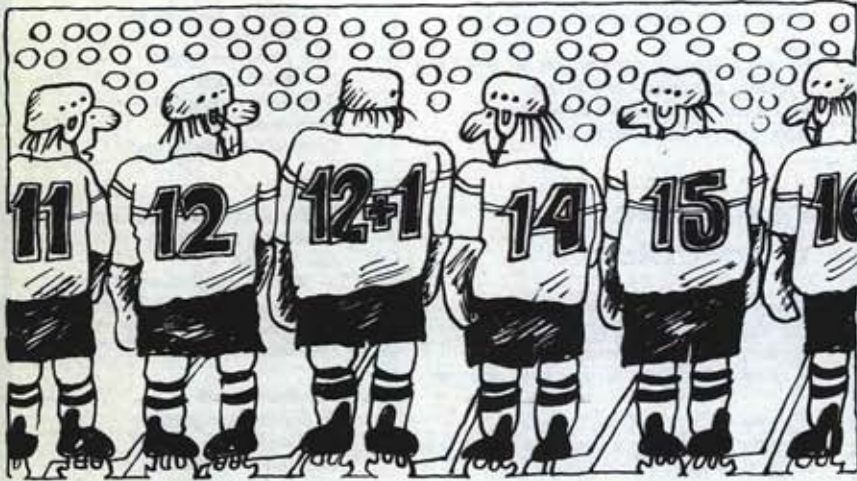
денные, повседневные дела человеческие связаны с мыслями о будущем, со стремлением увидеть, предугадать его. Лишь очень немногие живут сегодняшним днем, говорил когда-то мудрый Дж. Свифт, большинство готовится жить позднее. Так было всегда. Необходимость предвидеть возникла у людей с того времени, как они стали заниматься трудом. Засевая весной землю, ухаживая за садом, человек хотел знать, будет ли год урожайным, пройдут ли вовремя дожди, не поубьют ли урожай морозы. Отправляясь в далекое путешествие, люди старались предусмотреть, какие трудности и опасности ожидают их в пути, чтобы подготовиться к ним. Начиная новое дело, человек всегда думает о том, как он будет осуществлять задуманное. И очень часто, увы, он ищет путь в грядущее на тропках человеческих заблуждений.

Уверенное, вполне реальное предвидение будущих событий возможно только на основе глубокого знания законов, по которым развиваются природа и общество. Только наука позволяет нам с уверенностью предсказывать будущее. В этом с особой убедительностью сказывается могущество человеческих знаний. В. И. Ленин говорил: «Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт».

Чтобы предсказать какое-то событие, необходимо очень хорошо знать законы того круга явлений, к которым относится предсказание. Надо глубоко и всесторонне изучить все качественные особенности этих явлений, их причины и необходимые связи. Наконец, для успешного научного предвидения надо хо-

Владимир МЕЗЕНЦЕВ

13 чаш

— Да не то чтобы верю, но ведь бывает, что и примета не врет.

— Неужели ты серьезно думаешь, что кошка, перебежавшая дорогу, приносит неудачу?

Видимо, в моем вопросе было столько удивления, что Федор не решился сразу ответить.

— Всяко, друг, бывает, — помолчав, сказал он. — Бывает, что и кошка... А впрочем, что там говорить, вот пойдем и увидим.

— Это правильно, — согласился я.

В тот день охота нам особенно удалась. Мой друг был очень доволен.

— Ну и поохотились! Прямо как по заказу — для гостя, а? — сказал он, когда мы вышли из леса и присели отдохнуть.

— Даже кошка не помешала! — ехидно заметил я.

— Что? А-а! Ты об этом... Я, знаешь ли, даже и забыл о ней, о кошке-то. Вообще-то какая связь может быть между кошкой и удачной охотой? — продолжал он, как бы разговаривая сам с собой. — Дело ясное — никакой!

Было заметно, что Федору не особенно хотелось продолжать этот разговор.

Мы сидели молча, и я подумал: почему порой грамотный, просвещенный во всем другом человек верит в самые что ни на есть суеверные приметы, порожденные невежеством и страхом наших пращуров перед неизвестными им силами природы?

Дорогу перебежала черная кошка — быть неприятности. Тринадцать — роковое число. Разбилось зеркало — большое несчастье. Поговорить через порог — поспорить... Кто не знает этих примет, пришедших в наш век из далеких времен? Уже давно забыты и

го прошлого? Вы не верите в «счастливые» и «несчастливые» приметы, в гадание на кофейной гуще и столоверчение, в охранительную силу драгоценных камней, в цифровую мистику? Превосходно! Но, может быть, вы не здороваетесь через порог? Или плюете через левое плечо, чтобы избежать неприятности?

«Сравнили!» — возразит мне снова читатель. — Одно дело верить в зловредную черную кошку и ходить к гадалкам, совсем другое — не здороваться через порог. Это же вросшая вежливость, ничего больше».

Хорошо, если так. Только далеко не все, кто предпочитает здороваться, перешагнув порог, думают в этот момент о вежливости; у многих — мысль: «Есть такая примета».

Кстати, знаете ли вы, как возникла привычка не здороваться через порог? Наши предки, древние славяне, поклонялись духам умерших, верили, что те могут вмешиваться в их жизнь, вредить или помогать живущим. Хоронили они своих покойников под порогом дома и старались не разговаривать около этого места: неровен час, духи могут обидеться и поспорят хозяина с гостем.

Вот какова основа этой бытовой приметы, а ведь в наши дни она превратилась для многих чуть ли не в норму поведения — неприлично-де здороваться или прощаться через порог.

Чем же это разумнее гадания на картах? И то и другое — суеверие.

Нельзя не сказать и о связи суеверий с религией. Проповедники современных религиозных верований открещиваются от суеверий. Это-де заблуждение дикарей, ложная вера. Но ведь это весьма похоже на тот случай, когда неблагоприятный сын отказывается от своих ро-

ся терминологических разночтении этих двух слов) имеют более глубокий характер, кроются в особенностях нашей психики, нашего восприятия окружающего мира через призму чувств, а не разума.

Выясняя причины столь распространенного пристрастия ко всякого рода гаданиям, суеверным приметам, прежде всего надо говорить об извечном стремлении человека узнать, что его ожидает в будущем — завтра, через неделю, через год.

Из неоглядной дали времен идет эта волнующая мечта человечества. Появившись вместе с сознанием у наших далеких предков, она живет и в нашем сознании.

Настоящее всегда и неизменно содержит в себе будущее. Даже самые обы-

рошо знать наиболее общие законы развития природы и общества, надо руководствоваться таким методом познания действительности, который позволяет правильно оценивать и обобщать явления природы и общества. Такую возможность нам дает марксизм-ленинизм — высшее достижение философской мысли в истории человеческого общества.

...Один из источников, который питает мир суеверий, — случайные совпадения. Совпадения — по месту и времени — двух различных, ничем не связанных событий дали в прошлом начало многим суеверным приметам. Это одна из причин их живучести и в настоящем. Десятки и сотни раз мы наблюдаем, как дорогу перебежала черная кошка. Ничего неприятного после такой встречи не происходит, и человек не вспоминает о

четвероногом «носителе зла». Но вот после одной из таких встреч у него происходит какая-то неприятность. И память тут же услужливо напоминает: перед этим была черная кошка! Теперь этого человека уже не так легко убедить, что совпадение ни о чем не говорит. Ведь он хорошо запомнил именно этот случай и забыл все остальные. Если из десяти, даже двадцати случаев какая-либо примета окажется верной хотя бы один раз, мы запомним это скорее, чем все несовпадения! Таково, к сожалению, свойство нашей памяти.

Жизнь преподносит нам иной раз столь редкостные случаи, которые у многих и на многие годы способны породить мистические настроения.

В конце прошлого века в США была издана приключенческая повесть М. Робертсона. В ней описывается путешествие на пароходе, имевшем длину более 800 футов. В то время таких гигантов еще не строили. Взяв на борт около 3000 пассажиров, пароход отплыл в свой первый рейс из Европы в Америку. Недалеко от берегов Нового Света в одну из апрельских ночей он столкнулся с айсбергом и затонул.

Прошло шестнадцать лет, и история, выдуманная от начала до конца писателем, повторилась в жизни. В ночь с 14 на 15 апреля 1912 года у берегов Америки столкнулся с айсбергом и затонул только что построенный огромный океанский лайнер. На его борту было более 2000 пассажиров. Пароход назывался «Титаник», длина его составляла 820 футов...

Двадцать лет назад на уральском Нижне-Сергинском металлургическом

прошлого столетия Чарльз Коглен родился на острове принца Эдуарда, в заливе св. Лаврентия. В 1899 году на гастролях в городе Галвестон он умер. Похоронили его здесь же, положив в герметический оловянный гроб. Через год над Галвестоном пронесся страшный ураган, названный позднее «ураганом века». Ветер нагнал из Мексиканского залива такое количество воды, что город был затоплен. Потоки бушующей воды размывали кладбищенские могилы, и гроб с телом Коглена был унесен в море. По воле волн он попал в Гольфстрим, а это течение занесло гроб в залив св. Лаврентия. Здесь его обнаружили рыбаки с острова принца Эдуарда. Плававшая почти девять лет в океане, ящик был покрыт ракушками и водорослями. Рыбаки очистили его и прочли на крышке имя умершего. Дом, где он когда-то родился, находился в нескольких милях (!).

Три невыдуманные истории. Три редкостных совпадения. Трудно сказать, какая из этих историй наименее или наиболее вероятна, но легко представить себе, какой «мистический резонанс» может вызвать каждый из этих рассказов. О первом из них скажут что-нибудь вроде: «Как интересно!», «Вот ведь как бывает!». Вторая исто-

стоит лишь близко подружиться с суеверием — и перед вами нескончаемым потоком, один за другим, пойдут предвестники грядущих событий. Завоет во дворе собака, просыпается соль, разобьется зеркало, прикурят трое от одной спички, загудит самовар и т. д. и т. п. — все о чем-то говорит, предостерегает, пророчит. Вот почему даже самый откровенный суевер опасается обычно нескольких примет — тех, которые ближе задевают его бытие.

В том, что профессия человека накладывает свой отпечаток на его отношение к различным суевериям, нет ничего удивительного.

Собственный «суеверный набор» с давних пор имеется, например, у моряков. Широко распространена у них примета о том, что женщина на борту приносит несчастье. До наших дней не исчезло предубеждение против числа «13» и «тяжелых» дней — понедельника и пятницы, — в эти дни лучше не выходить в море. Множество морских суеверий связано с ветром.

Известный советский капитан дальнего плавания Герой Социалистического Труда А. И. Щетинина дает убедительное объяснение суеверных представлений у моряков. «Моряк не боится явной

блуждение первобытного ума! Хранилось и сохранилось до наших дней. Ведь именно с этим заблуждением связано, например, поверье: встретить зайца — не к добру. В его основе древняя вера в то, что заяц, встретившись с человеком, может передать ему свою трусовость.

Когда-то на Руси крестьянки, сажая капусту, одевались в рваную одежду и плотно убирали свои волосы. Это делалось в надежде, что капуста уродится хорошей — на ней будет много листьев, как лохмотьям на одежде, а кочаны будут плотными, как гладко причесанная голова. Подобное принесет подобное.

Ложная вера породила очень много пустых, вздорных примет вроде: «Наступил на чужой след — заболит нога», «Чешутся глаза — к слезам». Некоторые из таких примет возникли и того проще — по звуковому сходству совершенно различных по смыслу слов: «Разлить чай — к нечаянности», «Увидеть во сне печь — к печали» и т. д.

Надо ли говорить о том, что все подобные приметы ничего не стоят?

Не представляет большого труда показать и всю беспочвенность наивной веры в амулеты и талисманы. Имей они ту силу, которую им приписывают, как все было бы у каждого из нас просто в жизни! Вы не хотите болеть? Чего проще — держите при себе всеисильный амулет, оберегающий от болезни. Счастье в семье? Его обеспечат семь слоников. А чтобы оно было совсем безоблачным, носите, кроме того, изделия из бирюзы... Пожалуй, не потребовалось бы и двадцати чудодейственных предметов, чтобы оградить свою жизнь от всех неприятностей.

Такое можно воспринимать всерьез только в сказке. Однако миллионы разумных людей носят с собой самые разнообразные талисманы — от зубов акулы до чертиков, висящих на нитке в автомашине. Не так-то просты эти «перевитки прошлого», как они иным кажутся!

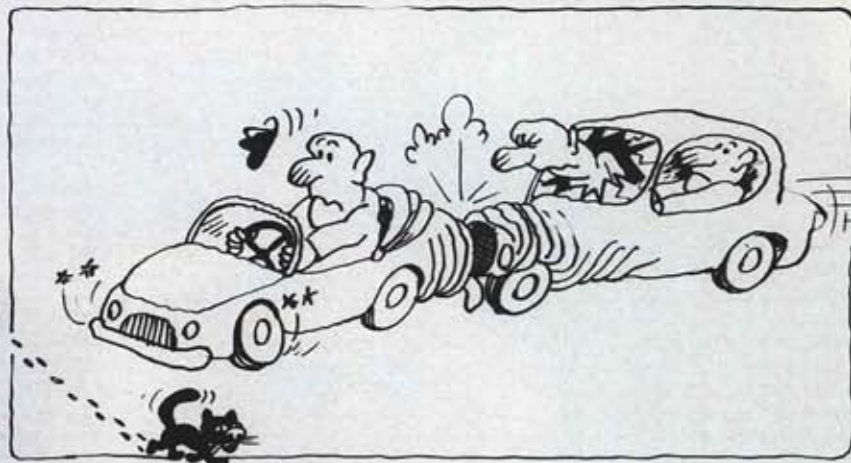
Суеверный человек забивает голову бесполезным грузом предрассудков. Суеверие мешает ему жить, подрывает веру в свою волю, порождает чувство бессилия перед «судьбой», перед тем, что якобы должно случиться. Люди впечатлительные, легко возбудимые доходят иной раз до полного бессилия — они не могут выполнить то, что в обычном, спокойном состоянии делают прекрасно. Такие люди нередко становятся жертвами откровенных шарлатанов — знахарей и гадалок, наносит себе непоправимый вред. Живя в призрачном мире суеверий, человек незаметно для себя все больше окунается в этот мир.

Вот почему не следует думать, что суеверия приносят меньший вред, чем религиозное мировоззрение. Особенно если учесть, что в нашей стране не так уж много людей, которых можно отнести к истинно и глубоко верующим, а суеверные приметы и гадания еще находят многих приверженцев.

Перевоспитать суеверного человека столь же трудно, как и переубедить искренне верующих. Заблуждения эти, как правило, связаны с особенностями психики индивидуума, зависят от общего психологического настроения человека. А «настрой» этот формируется и ценится всесторонней идейной закалкой.

Если человек овладел материалистическими знаниями, то любое явление в природе и обществе, каким бы оно ни казалось загадочным и таинственным, он воспринимает без мыслей о «потустороннем». Ибо он хорошо знает истину: все в окружающем нас мире материально, все живет по нерушимым законам развития материи.

...Прав был Эмиль Золя, сказав однажды: «Суеверие опасно, допускать его существование — в этом есть даже известная трусовость. Относиться к нему терпимо — не значит ли это навсегда примириться с невежеством, возродить мрак средневековья?»

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

рия — с каской отца — может вызвать мысли уже о каких-то неведомых нам явлениях в природе: «Смотрите-ка, каска отца разыскала сына! Ведь ни к кому другому попала. А говорят, что ничего «такого» нет». Ну, а последний случай наверняка не оставит равнодушным того, кто не чужд суеверного восприятия окружающей действительности: «Ну, разве вы не видите в этом чудесном возвращении на землю своих предков руки судьбы?! Молились за своего сына старики родители — хотели увидеть его еще раз, — и бог внял их молитвам».

Суеверия, пророчащие человеку горе и радость, заботы и удовольствие, долгую и короткую жизнь... Сколько их в арсенале человеческой фантазии! Далекие от истины представления о природе создали (и создают) такое множество поверий, что они способны преследовать нас буквально на каждом шагу.

опасности, тяжелого труда, лишения, — пишет она. — Но... неведомое! Вот перед чем может дрогнуть даже самая смелая морская душа. И в наше время, несмотря на достижения в технике судостроения, навигационном, океанологическом и метеорологическом обеспечении мореплавания, морская стихия еще далеко не покорена, и человечество ежегодно приносит морю жертвы — многие десятки судов и тысячи человеческих жизней».

Вот и еще одна из причин живучести древних поверий. Страх! Страх перед опасностями, перед неведомым, что ждет человека сегодня и завтра. Недаром суеверия особенно распространены среди тех, чья профессия связана со случайностями, с каждодневной опасностью. «Люди поработаются суеверием только пока продолжится страх», — писал философ-материалист XVII века Б. Спиноза. Находясь между страхом и надеждой, они чрезвычайно склонны верить вымыслам. Боязнь за своих близких, находящихся в тяжелом состоянии, ожидание грядущих бед, грозящая опасность — все это питательная почва для суеверий, даже если их бессмысленность очевидна.

Чтобы увидеть полную несостоятельность суеверных примет, полезно заглянуть в их далекое прошлое, совершить путешествие к тем дням, когда наши предки начинали свой путь к человеку разумному. Наблюдая природу, человек видел, что многие ее явления чем-то похожи друг на друга. Не означает ли это, что одно из них вызывает другое? Или, может быть, явление, вещь, животное передают свои качества другим? Так, еще в первобытном обществе возникла и укрепилась в человеческом сознании вера: подобное может вызывать подобное.

Остается только удивляться, в каких закоулках сознания хранилось тысячи и тысячи лет это столь очевидное за-

воде произошло событие, взволновавшее весь коллектив. При разгрузке вагона со скрапом (металлический лом и отходы производства, идущие на переплавку), прибывшего из Горького, рабочие обратили внимание на старую солдатскую каску. На подкладке ее была надпись: «М. А. Далматов». Вспомнили, что на заводе есть моторист Нико-

лай Михайлович Далматов. Взглянув на надпись, тот взволнованно сказал: «Это, кажется, рука отца... Он всегда неумело писал заглавную букву нашей фамилии».

Каску показали И. Д. Мешкову, воевавшему с Далматовым. Тот подтвердил: «Его каска! Мы вместе получали их и вместе подписывали».

Михаил Алексеевич Далматов погиб в октябре 1944 года в Восточной Пруссии. А через шестнадцать лет его каска волею редкого стечения обстоятельств попала на вечное хранение в его родную семью.

И третий пример, опять взятый из реальной жизни. Известный актер конца

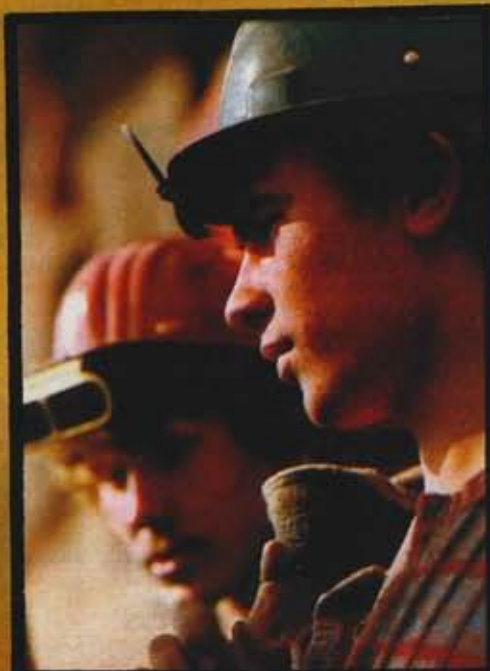
ЛЮБОВЬ К О

**XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ**

ШКОЛА
РАБОЧИХ
ТРАДИЦИЙ

50 ЛЕТ НАЗАД, В ФЕВРАЛЕ 1932 ГОДА, ПЕРВАЯ ДОМНА МАГНИТОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА ДАЛА ПЕРВУЮ ПРОБНУЮ ПЛАВКУ. ВЕС ЕЕ БЫЛ 24 ТОННЫ.

НЫНЕ ЗА ОДНУ МИНУТУ КРУПНЕЙШИЙ В ЕВРОПЕ МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ОРДЕНОНОСНЫЙ КОМБИНАТ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ВЫПЛАВЛЯЕТ 21,5 ТОННЫ ЧУГУНА, 30,5 ТОННЫ СТАЛИ, ВЫПУСКАЕТ 23,4 ТОННЫ ПРОКАТА.

БОЛЬШЕ 13 ТЫСЯЧ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ ПОДГОТОВИЛО СГПТУ № 13 ЗА ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

И МЕТАЛЛУРГАМ
НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ
ОСНОВЫ СЛЕСАРНОГО ДЕЛА.

БОРИС ЗАВЬЯЛОВ — БУДУЩИЙ ДОМЕНЩИК.

Алексей МЕЛЬНИКОВ,
Герой Социалистического Труда,
Почетный металлург, мастер-наставник СГПТУ № 13

Меня по-человечески радует, что в этом номере журнала «Смена» один из моих воспитанников, простой рабочий парень Виталий Вектин обращается с письмом к комсомольскому съезду. У него есть на это право. В таких, как он, — будущее Магнитки, продолжение ее рабочей славы. В словах Вектина выражены чувства каждого, кто завтра начинает свою самостоятельную трудовую биографию. И вот гляжу я на них, нашу смену беспокойную, упрямую, ищущую и вспоминаю свою юность, юность моего поколения. Трудную, но прекрасную.

Мне повезло в жизни. Тридцать пять лет я отдал делу, которое беззаветно люблю. Я варил сталь, мирную сталь и военную, такую, какая нужна была стране. Пройдут годы, и моя сталь переживет меня, должна пережить, потому что я варил ее честно. За три с половиной десятилетия моя жизнь, как и жизни тысяч моих товарищей, срослась, сплывилась с судьбой нашей Магнитки, моего цеха, моих мартенов. Мы уже второе поколение металлургов, потому что малость опоздали родиться, чтобы встать у колыбели металлургического гиганта, построить его своими руками, как это сделали наши предшественники и учителя. Мы поколение военное. Но и на нашу долю хватило трудностей с лихвой, с избытком, и наш хлеб тоже был не легким.

Наверное, меня можно упрекнуть в пристрастности, когда я говорю о своем деле, наверное, есть профессии не менее интересные и нужные, чем наша. Все так. Но человеку дано по-настоящему, всей силой души любить только одно дело. Для меня таким делом стала работа сталевара мартеновских печей. И сейчас, вспоминая о том, как состоялось мое приобщение к рабочей Магнитке, я еще раз благодарю судьбу за то, что она почти лишила меня выбора. Ведь ошибиться, выбирая для себя дело всей жизни, когда тебе от роду пятнадцать лет, немудрено. К тому же ни о какой профориентации мы тогда понятия не имели. Не то что нынешняя молодежь.

В конце лета 1943 года мы получили похоронку на отца. Он погиб под Ленинградом. Жили мы тогда уже на Урале, в сельском поселке Увалька. Мать и я работали в колхозе, она ходила за скотом, я подсоблял в кузне старому мастеру-инвалиду, заготавливал дрова,

«А ФОРМА МНЕ ИДЕТ».

Фото Сергея ВЕТРОВА

СНЮ

пахал и вообще делал всякую колхозную работу. Хозяйство и держалось-то в те годы на нас, подростках, женщинах да пенсионерах.—мужчины все были на фронте. Старший брат Николай к лету 43-го года оканчивал в Магнитогорске ремесленное училище и считал уже себя записным сталеваром.

Узнав о смерти отца, я почувствовал, что не могу отсидеться в колхозе, мне хотелось бить врага, мстить за отца. Но кому мы были в армии нужны—пятнадцатилетние! И все-таки пошел в райком комсомола проситься на фронт. А там сказали: «Хочешь драться, выучись делу и дерись, браток, ударной работой на Магнитке, там тоже фронт, и еще какой!» Выбора у меня, повторяю, не было. И я поехал по комсомольскому набору на Магнитогорский металлургический комбинат, вернее, в ремесленное училище № 13. Вот и получается, что призвала меня и моих сверстников к мартован войну. Но тогда я еще не знал, что это на всю жизнь.

Нас, будущих горновых, газовщиков, огнеупорщиков, сталеваров, разместили по баракам, холодным, продуваемым насквозь, ремонтировать их было некогда и некому. Только одну неделю мы занимались в училище по нормальному расписанию, а потом перешли на фронт-режим. До обеда—занятия теорией в кабинетах, с двух дня до вечера—практика у мартенов. Нас распределили по 2—3 человека на печь, дали брезентовые спецочки, чуни (была такая обувь из кордовой резины, тяжелая, холодная). Я попал в бригаду с Иваном Дмитриевым, моим одноклассником, надежным, добрым товарищем, пришедшим в училище, как и я, по комсомольскому набору. И так уж случилось, что всю дальнейшую жизнь мы с Иваном не расставались, да и судьбы наши схожи между собой, как две искры одного костра.

Работа была непростая. Дело в том, что в первые же недели войны комбинату срочно пришлось освоить выпуск броневой листа для танкостроительной промышленности. Чтобы выполнить это чрезвычайной важности правительственное задание, нужно было в корне менять производство. До этого мировая практика не знала иных способов выплавки броневой стали, кроме одного—в небольших мартенах с «кислым» подом, способа не очень производительного. Но делать было нечего, пришлось освоить его.

Варить броню решили в двух мартеновских печах, дуплексным методом: в первой печи получать расплав, а затем в специальной оборудованной «кислой» печи доводить металл до нужного качества. Для этого в рекордные сроки переделали обе печи. 23 июля 1941 года сталевар Дмитрий Жуков и мастер Егор Сазонов на третьем мартене дали первую плавку броневой стали. Но нужды фронта в этой продукции были велики, дуплекс-процесс не удовлетворял всех потребностей. И металлурги решили попробовать выплавлять броневую сталь в большой мартеновской печи с основным подом. Дело рискованное, сложное, многие сомневались, удастся ли нагреть высоколегированный металл до нужной температуры, а стало быть, получить его однородным, с низким содержанием серы и фосфора. И вот первая экспериментальная плавка, вторая, третья. И пошло дело—прочнейшую броневую сталь начали варить в основных мартеновских печах, увеличив ее выпуск уже в декабре первого года войны по сравнению с августовским в семь раз. Это был настоящий подвиг советских металлургов, вошедший в аналогии мирового сталеплавления.

Представьте, как нам повезло, мы попали как раз на третьего мартеновскую, к тому самому Егору Степановичу Сазонову, который был одним из зачинателей нового метода плавки брони. Наш наставник, как сейчас принято называть учителей, считался опытным металлургом и уже тогда за свою работу был награжден орденом Ленина. К нам, мальчишкам, он относился с

поистине отеческой заботой, сочетая ее с высокой требовательностью. Но, что важнее всего, Сазонов видел в своих учениках не мальчиков на подхвате, а будущих сталеваров, завтрашний день Магнитки. Бывало, подзовет к себе и объясняет: «Смотри, Алексей, какая искра—легкая, воздушная, частая, значит, углерода в металле много». А то возьмет пробной ложкой жидкой стали, плеснет на пол—и по форме застывшего блина определяет тепло металла с точностью до десяти градусов. Словом, специалист своего дела он был превосходный, и первыми шагами к мастерству мы обязаны ему.

Учиться и работать было тяжело. Уставали мы после смены так, что сил уже не оставалось ехать в общежитие, забирались в душевую и валились спать прямо на влажный пол. Да и было с чего уставать: тогда печи заправляли вручную, одного магнетита перед плавкой надо было лопатами тонн 5—6 перекидать, да раскислителя, да добавок всяких. А инструмент—в основном лопата да носилки. Сейчас такого нет, все подается в печь машинами, и все равно труд сталевара тяжел. А тогда вдвойне тяжелее был. Но ведь весь тыл так работал, с величайшим напряжением, наши сверстники на коксохимическом производстве, на блюмингах, в механических, котельно-ремонтных цехах да, пожалуй, на всем Урале давали по несколько норм. Нам, мартеновцам, отставать было негоже. Да и комсомол Магнитки не давал нам продоху. Почины, ударные вахты, соревнования за право носить звание фронтовых бригад—все это дело его рук. Комсомол был огромной организующей силой, которая увлекала за собой. Вот и старались мы, плавки давали скоростные, верили: каждая сверхплановая тонна стали—удар по врагу. Но все же горячий цех, он и есть горячий, да и силенок у нас было не ахти как много.

А тут еще голод, постоянный, изматывающий. Молодой, растущий организм, высокие физические нагрузки требовали усиленного питания. Пайкового хлеба не хватало, так мы ловчили—жидкий суп доливали горячей водой, чтобы было его больше. За настоящей праздничной почитали, если удавалось разжиться кислой капустой или пачкой концентрата. Как-то во время завалки печи я, обессиленный, заснул на куче еще теплого шлака. Разбудил меня Сазонов. Вскочил я и от стыда не знаю, куда глаза деть. Мастер достал из кармана сухарь, сунул его мне в руку и отошел, ничего не сказав. И помню, до смерти хочется мне этот сухарь съесть, а не могу, совестно перед Сазоновым, перед ребятами.

Вечером мастер позвал нас с Иваном Дмитриевым к себе домой. Поставил на стол угощение—миску вареной картошки (тогда уже у многих рабочих были свои огороды), подождет, пока мы ее опустошим вместе с кожей. Потом говорит: «А знаете, ребята, что наша магнитогорская сталь—это каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, и броня каждого второго советского танка». Ну мы, понятно, рты разинули от удивления и восторга. «Так что мы с вами,—продолжал Сазонов,—будь здоров как с фашистами воюем»... После того вечера мы уже в цех шли как в бой, а в бою, известное дело, надо держаться до последнего.

Надо сказать, что марка нашего училища уже в то время была очень высокой. Помню, как-то стояли мы с другом под утро в очереди отovarить продовольственные карточки. Холодно, зуб на зуб не попадает, мороз шинелишки наши прошибает насквозь. Старушка одна из очереди смотрит на нас с сочувствием и спрашивает: «Что ж, хлопчики, вам одежонку потеплее в училище не справят». А мы так это бодро, весело: «Ничего, мамаша, мы у своих мартенов вечером отогреемся». Кто-то из очереди спрашивает, не из тринадцатого ли мы училища. «Да,—отвечаем,—из него».

—Валейя, пацанва, вне очереди,—авто-

ритетно заявляет какой-то дядя,—будущим сталеварам можно». Мы с достоинством отovarили свои карточки морковью и тут же слопали ее, уж очень были голодны.

В этом незначительном, казалось бы, факте отразилось многое. В Магнитогорске профессии сталеваров и доменщиков вообще в почете. А наше училище, считавшееся лучшим в городе, даже в отрасли, было основной кузницей кадров для горячих цехов, и люди это знали.

Зачем я все это рассказываю? Про голод, например, про холод, про давно, казалось бы, пережитое? Не для того ли, чтобы еще раз упрекнуть в отсутствии у нынешней молодежи тех самых трудностей, с которыми сталкивались мы? Нет, не для того. Тем более что у каждого поколения свои проблемы. Я просто верю, что молодежи небезразлична история рабочей Магнитки, интересен и опыт приобщения к профессии моего поколения. И еще история нашей любви к огню. Именно любви. Не любя своего дела, человек не сварит хорошую сталь, не испечет вкусного хлеба, не создаст трогающей сердце музыки. В этом я глубоко убежден.

Кончилась война, и Магнитка перешла на мирный металл. Мы варили сталь для возрождающихся из руин городов и заводов, для первых телевизионных вышек и опор высоковольтных линий электропередач. И для машин. Нам нужно было их очень и очень много—тракторов, комбайнов, самосвалов, строительных кранов, словом, самых разных машин. И сталь для них нужна была разная, много стали.

Сознание собственной необходимости наполняло нас желанием как можно быстрее освоить все секреты сталеварения. Мы пользовались каждым удобным случаем, чтобы расспросить о чем-нибудь старших товарищей, вывести очередную профессиональную «тайну» у Сазонова.

Летом 1951 года, я помню это очень отчетливо, меня назначили сталеваром и доверили первую самостоятельную плавку. В тот же период я стал членом КПСС. Пора моего взросления кончилась, началась пора взрослости. Казалось бы, не так уж и сложно было сварить 300 тонн обычной конструкционной стали. За девять лет, которые проходил в подручных, какие только марки стали не доводилось выпускать, конструкционная считалась одной из простейших. Вся хитрость, выражаясь языком сталевара, была—«поймать» углерод. Каюсь, хотелось выдать первую плавку быстро, показать, на что способен. Но сдержался, выбрал оптимальный тепловой режим, рассчитал присадки, начал завалку печи. Волновался—словами не выскажешь. Помню, взял пробу—норма. И так мне стало радостно, что я чуть не запел. Словом, выпустил я свою первую сталь качественной. Собрался уже было в душевую, но тут остановил меня Сазонов. «Подожди,—говорит,—Алексей, вот, оставь на память, для тебя эта вещь дороже золота должна быть». И протягивает мне стальной слиток размером с ладонь.

—Храни, это сталь первой твоей плавки.

Взял я этот слиток, а он еще теплый. И такое чувство, словно вручили мне самую дорогую награду. Никогда не забуду этой минуты. Так и началось мое сталеварство. Не скажу, что все шло ровно и гладко. Ошибался, запарывал плавки, не часто, но бывало. Металлургия—дело тонкое, как подсчитали ученые, труд сталевара на 64 процента—умственный. Не всегда в некачественных плавках виноваты и мы, мартеновцы, многое зависит от тех, кто готовит присадки, от качества чугуна, мутья, да мало ли причин. Дело не в этом, главное, чтобы ошибки учили, шли впрок.

С каждым годом плавки усложнялись. Промышленность требовала точнейших сплавов, то, что вчера ее удовлетворяло, сегодня уже не годилось. И снова

приходилось учиться, садиться за книги, идти к специалистам. И не только нам, сталеварам. Иной подход к работе требовался и от подручных. Практики не всегда хватало, нужны были знания теории.

Потом меня назначили мастером, наградили первым орденом—Трудового Красного Знамени, появились и у меня ученики: Макаров, Оглобля, Мальцев... И у них тоже были свои первые самостоятельные плавки, и я им так же, как когда-то мне Сазонов, вручал слитки из их стали. Много чего было—скоростные плавки, сверхплановые сотни тонн стали, освоение новых технологий, новых, морозостойчивых марок металла, новые ученики. Три года работал в Бхилаи, на индийской Магнитке, как мы ее называли, учил сталеварению молодых индийских металлургов. В 1975 году товарищи поздравили меня с высокой наградой Родины—Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. А спустя еще три года я протиснулся с цехом, ушел, как говорится, на заслуженный отдых, 35 лет работы у мартеновских печей давали себя знать. Уходить мне было трудно, я любил свое дело, но это был вынужденный шаг.

Еще тогда, подводя предварительные итоги, я мог сказать, что почти вся моя жизнь, все значительные события в ней были так или иначе связаны с моей работой, с горячим металлом. У кого-нибудь это может вызвать сожаление—ну, не скучно ли три с половиной десятилетия делать изо дня в день одно и то же. Нет, не скучно. Я каждый день все эти годы шел в цех, как на театральную премьеру. И каждый день одаривал меня открытием, я узнавал что-то новое о своем деле. Мне всегда оно было интересно. Я постигал тайны профессии, но постигнуть до конца, наверное, не под силу никому. Тем не менее я, вероятно, знал и умел немало. Трудно было расставаться с мартенами и поэтом тоже. Вместе со мной ушел на пенсию мой друг, знатный металлург, Герой Социалистического Труда Иван Андреевич Дмитриев.

Но отдыхали мы недолго. И Дмитриев и я тосковали по работе, по своим печам, чувствовали, что рано нам на покой. А тут как-то пригласил нас директор СГПТУ-13 Алексей Николаевич Хлоповских. Поговорить. Мы знали, о чем будет идти разговор. Надо сказать, что с училищем за последние годы связь наша окрепла. Приходили туда частенько на торжественные вечера и так просто—поговорить с будущими сталеварами, рассказать им о комбинате. Да и самим было приятно оказаться в стенах училища, которое когда-то дало нам путевку в рабочую жизнь, вспомнить, глядя на подрастающую смену, свою юность. Правда, «стены» изрядно с тех пор преобразились. Училище располагалось в новых, светлых корпусах, имело свои лаборатории, прекрасные мастерские, оснащенные по последнему слову науки и техники учебные кабинеты, свой спортивный комплекс с плавательным бассейном.

Разговор с директором все решил. Так и началась моя новая жизнь. Я принял группу. Не скрою, на первых порах боялся, что не хватит педагогического опыта. С чем, думаю я, приду к ребятам, ведь они вправе ждать от своего наставника больше, чем рассказ о сталеварении, в конце концов есть же учебники, в которых все это изложено достаточно подробно. Да и не мастер я особенно говорить. Но вот я познакомился с моими учащимися и понял, чего они от меня ждут. Я должен научить их любить огонь мартенов. Три года, которые они проведут в училище, обогатят их знаниями в самых различных областях, но чтобы эти знания пошли на пользу, надо разжечь в ребятах интерес к их рабочей профессии. В этом я вижу первоочередную задачу мастера.

Поясню. В свое время у моего поколения сороковых годов не было особенно-го выбора—фронт или работа на оборо-

ну в цехах комбината. Я имею в виду магнитогорцев. Ныне ситуация изменилась. У молодого человека, вступающего в самостоятельную жизнь, есть возможность выбора почти неограниченно. Правда, и не без основания, профессия металлурга по сию пору считается самой почетной среди магнитогорцев. По результатам опроса, проводимого среди молодежи, металлургические специальности стоят на первом месте. На чем же основан престиж металлургии? Прежде всего на авторитете самого производства, играющего решающую роль в жизни города. Затем, конечно же, на богатейших трудовых традициях рабочей Магнитки. Нельзя не учитывать здесь и то, что на комбинате трудится чуть ли не каждый восьмой житель города. С детства впитывая разговоры взрослых о делах на производстве, юноша незаметно для себя часто делает выбор в пользу отцовской специальности. Можно привести десятки, даже сотни примеров, когда сын наследовал профессию отца, со временем заменяя его у доменной или возле прокатного стана. Да, Магнитка сильна своими рабочими династиями, достаточно вспомнить о представителях прославленных фамилий Голушковых, Фефановых, Кашириных, Бондаренко, Степановых и других. Одних только Фефановых трудится в мартеновских цехах комбината около двадцати человек. Миллионы тонн стали дала стране только одна эта семья, чей общий рабочий стаж составляет больше 300 лет.

Мы с Дмитриевым оказались не первыми металлургами, вернувшимися в родное ПТУ в новом для себя качестве. Почти все нынешние мастера училища вышли из него, когда-то молодыми рабочими, трудились в цехах комбината, потом пришли отдать свой опыт подрастающей смене. Удивительные люди, по-настоящему талантливые, они принесли в училище огромный заряд духовной энергии, профессиональной мудрости, подлинно рабочее самосознание.

Не могу не сказать здесь о Константи-не Филипповиче Хабарове. Один из первых выпускников училища, ученик знаменитого мастера-доменщика Шатилина, Хабаров достиг в своем деле высот необычайных. Он прожил яркую, как самая горячая плавка, жизнь, воспитал десятки опытных металлургов. Рабочий талант этого человека столь велик, что мы называем Хабарова доменщиком № 1. Он владеет не только всеми секретами плавки, но и много раз спал печи от аварии при обстоятельствах, когда казалось, что исчерпано все возможное и невозможное. Имя Хабарова в Бхилаи, например, произносят с уважением до сих пор. Это и понятно, он за 10 дней задул печь, находившуюся в аварийном состоянии, на ремонт и доводку которой американцы требовали год. Не так давно Хабаров, уже работая в училище, был по личной просьбе министра командирован на один из отечественных металлургических комбинатов спасать домну. И спас-таки, хотя положение было самым критическим.

А ведь он еще и художник, яркий, самобытный. Но и в своем творчестве Хабаров верен рабочей теме, Магнитке. Он изображает людей труда, своих товарищей, изображает правдиво, красочно. Умеет Константин Филиппович увлечь творчеством других, умеет разжечь в сердцах своих воспитанников огонь интереса к труду доменщиков. Да разве у одного Хабарова есть чему научиться! Немало доброго можно рассказать о таких мастерах, как Герои Социалистического Труда Александра Андреевна Цыба, Евгений Дмитриевич Борзенков, Степан Яковлевич Нижник. Они представляют в училище основные металлургические профессии, их судьбы — пример беззаветного служения делу.

Вспоминаю такой эпизод. Как-то в наш мартеновский цех пришла экскурсия школьников старших классов. В цехе к экскурсиям привыкли, работа шла своим чередом. У одной из печей

ребята остановились, и бойкий молодой инженер из техотдела принялся рассказывать о мартенах и сталеплавлении. Я находился неподалеку, подошел послушать. Инженер буквально сыпал формулами, марками стали, сложными терминами. Мне стало жаль ребят, они ничего не понимали из этого пояснения, вижу по их лицам — скучают. Что даст им эта экскурсия? Ну вспомнят, что в цехе было жарко, и все. А ведь тогда, возможно, кто-то из них решал для себя самый важный в жизни вопрос: «Кем быть?»

Я не выдержал, извинился, прервал инженера. В это время как раз шла загрузка одной из печей. «Пошли, — говорю ребятам, — я вам кое-что покажу». Показал, как подаются мульды в печь, объяснил, как из разнородных сплавов выдаем мы сталь нужной марки, рассказал, как много при этом зависит от опыта сталевара и его подручных. Смотрю, заинтересовались, посыпали вопросами: «А это что? А зачем это?» Потом сходили мы на выпуск плавки. И тут они ожили полностью, особенно когда узнали, что печь выдает сталь специально для морозоустойчивых районов (мы тогда заказ для БАМа выполняли).

Вот тогда-то и понял, что ребячьи сердца не терпят фальши, безразличия, казенщины. Но они всегда открыты для правдивого, откровенного слова. А теперь могу добавить — восприимчивы к доброте, к справедливой требовательности.

Живет в нашем училище давняя прекрасная традиция — с первых месяцев учебы воспитанники ПТУ проходят практику на рабочих местах. Два раза в неделю они надевают спецовки и идут к домам, мартенам, к прокатным станам. Так начинается их приобщение к огню.

Пережил я этот период, трудный, даже волнующий. Пришел в цех, где прошла вся моя рабочая жизнь, где все мне знакомо и дорого. Пришел не один, с тридцатью будущими сталеварами. Волновался ужасно. Сумеют ли они за всем этим грохотом, полыханием огня, кипением металла увидеть, угадать то, что накрепко сплывало когда-то мою судьбу с мартенами, — сотворение стали. Сумеют ли взрастить в себе гордость за первую свою плавку?

На все эти вопросы я смог ответить себе не сразу. Прошло немало времени, прежде чем применительно к большинству своих воспитанников я ответил: «Да, сумеют!» Но как не просто дался мне этот ответ. Все было — сомнения, неудачи, разговоры по душам, все, кроме безразличия. Были и по-настоящему радостные мгновения — мои ребята заменяли на рабочих местах подручных сталевара, участвовали в юбилейных комсомольских плавках; я знакомил их со своими товарищами по цеху, мы соревновались за быстрое овладение рабочими навыками.

Летом этого года я прошусь со своими учениками и начну все сначала, приняв новое пополнение. Ну, о тех говорить еще рано. А вот какими придут на комбинат мои нынешние воспитанники, поразмышлять можно.

Три года училища не прошли для них впустую. Они могут и умеют работать. Почти треть группы выйдет с повышенным разрядом. Среди этих ребят есть такие, о ком я уже сегодня могу сказать: пройдет совсем немного лет, и они сами поведут плавку уже в должности сталеваров. Пономарев, Гордеев, Черняков, Яковлев, Вектин, Пензин, за них я спокоен. Эти встанут к печам уже сложившимися рабочими. И не удивлюсь, если прочту спустя несколько лет в газете о том, что бригада сталевара, скажем, Пензина, выдала скоростную плавку, применив новейшую технологию. Но есть ребята и послабее, им еще многого предстоит учиться уже в цехе. Важно, чтобы это поняли их будущие наставники. За одно ручаюсь: они не изменят своему делу, не пожалуются на трудности. Потому что приняли его сердцем. И это для меня самая высокая из наград — видеть наше рабочее продолжение.

НА РАБОЧУЮ ТЕМУ

ВО ПОЛЕ ВЫЙДЕШЬ...

Очутись в поле, войдешь в вымывавшую чуть ли не в рост человека рожь, и вдруг щелкнет легонько по носу тяжелый колос. Разомнешь его на ладошках, сдуешь чешуйки, и зернышки — в рот. А пахнут они теплым солнцем, вспаханной землей и свежим, живым еще хлебом. А еще горячим запахом работающего мотора и трудовым потом хлебороба.

Мне очень нравится эта профессия, а вот узнала я ее по-настоящему только здесь, в училище. До этого мои представления о работе механизаторов были самыми смутными. Казалось, что это тяжелая, неинтересная, грязная работа, не приносящая никакого удовольствия. Сейчас даже неловко об этом вспоминать. Лучшие вспомните свою первую рабочую весну, первое поле, которое надо было вспахать, первую борозду, которую я сама проложила.

Думаю, человек всегда волновался и волнуется, когда пашет землю. Нельзя холодно, бессердечно работать на земле. У меня все как будто не ладилось сначала. То за плугом не успевала смотреть, то съезжала в борозду, но рядом были ребята старших курсов, тут же был и наш мастер производственного обучения. Они подсказывали, как лучше отбить загонку, как правильно использовать мощность трактора. Уже через некоторое время я работала на тракторе одна. Оглянешься назад, а за тобой тянутся ровные темные полосы влажной земли. Земли, на которой потом поднимется хлеб. И каким он будет, зависит от тебя...

Я считаю, что это самое почетное и самое ответственное дело: выращивать хлеб, дающий людям жизнь. Это дело, которому стоит посвятить всю свою жизнь без остатка.

Светлана ЕВСТРАТОВА,
ССПТУ-7, Мосальск,
Калужская обл.

ЛЕНИВЫЙ — ЗНАЧИТ ПУГЛИВЫЙ

Я выбрал себе профессию электросварщика. Серьезная, очень нужная специальность. Посмотришь ночью на промышленный район нашего города или на строящиеся кварталы — всюду сполохи пламени, сыплется огненный дождь. Это работают сварщики.

После окончания училища я буду работать в производственном объединении «Минудобрения». Но быть рабочим, по-моему, это не значит только стоять у станка и ходить в замасленной спецовке. Самое главное, чтобы коллектив, в котором ты начинаешь трудиться, признал тебя за своего. «Посвятить в рабочие» — для меня это не просто красивое выражение. День посвящения в рабочие — это день, когда ты становишься настоящим членом рабочей семьи, со всеми вытекающими из этого последствиями. У меня этот день еще впереди, и я сделаю все, чтобы быть готовым к нему.

Из сочинений участников Всесоюзного творческого конкурса среди учащихся ПТУ, проводимого журналом «Смена» и Госпрофобром СССР

Сейчас у нас практика только раз в неделю. Если честно, то не всем нравится возиться с молотками, зубилами. Конечно, это не сварка конструкций на большом предприятии вместе со взрослыми рабочими. Так, может быть, труд взрослых — одно, а наш — другой? Вот окончим училище, тогда... Только разве станешь настоящим мастером своего дела, дисциплинированным работником, если в училище был безвольным, ленивым?

Лень — это страх перед работой. Человек, увливающийся от скучного, как ему кажется, труда, представляет себе, что его жизнь становится от этого интереснее. А на самом деле он попадает в рабство к своей лени, бездеятельности. Становится каким-то робким, скучным. А работа любит смелых и решительных. Добросовестное отношение к труду лишь возвышает человека. А настоящая радость приходит только после того, как, несмотря ни на что, добился поставленной цели.

Андрей ПЕТРОВ,
СГПТУ-15,
Воскресенск

СТРОГАЯ ТРАДИЦИЯ

Наша семья Куваевых — рабочая семья. Двадцать лет мы уже живем в Тюмени. Душа нашей семьи, самый дорогой человек для меня, брата и отца — наша мама. Уже очень много лет она работает крановщицей на ремонтно-механическом заводе, сейчас руководит бригадой.

Отец у меня электросварщик с трудовым стажем более двадцати лет. Завод свой он очень любит, часто рассказывает о его успехах. Он уважает свое дело и поэтому так же прямо и открыто говорит обо всех недостатках. Брат, Сергей, окончил наше училище, отслужил в армии, сейчас работает на моторном заводе.

Я всегда считал, что к выбору профессии надо относиться серьезно, лучше всего выбирать так, чтобы сразу на всю жизнь. Так, как это принято в моей семье. Я думал, кем стать, выслушал много советов. Но самым авторитетным, самым главным советом для меня, конечно, был совет семьи. Потому что это люди, которых мое будущее волнует не меньше меня самого. И потому что за их советом — большой жизненный опыт. Счастливым опытом — никто из моих родных никогда не жалел об избранном пути, все они считают свою жизнь удавшейся. Я поступил в училище, которое окончил брат.

Через три года я приду на завод. Не знаю, буду ли я учиться дальше. Сейчас об этом трудно сказать что-либо определенное. Время подскажет. Но рабочим человеком, мастером своего дела я обязательно буду. Так принято в нашей семье. И это сейчас главная цель моей жизни.

Игорь КУБАЕВ,
СГПТУ-25, Тюмень

Алексей КОРЗУХИН

ТАЛАНТ К ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ

Заметки с VII выставки произведений молодых художников в залах Академии художеств СССР

Каждое поколение художников, обретя свое выраженное лицо, уверенность и зрелость, стремится вырастить достойную смену, передать молодежи накопленное мастерство и мудрость жизненного опыта. Обеспечить процесс передачи — от элементарных навыков до самых сокровенных секретов этой сложной и тонкой, многотрудной профессии — и призвана Академия художеств. Если до недавнего времени ее миссия в основ-

ном сводилась к непосредственной учебе в стенах вузовских мастерских, где ее члены, находясь в постоянном контакте со студентами, делились своими наблюдениями и размышлениями, то после Постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» эта традиционная деятельность дополнилась новыми гранями. В том же году была проведена первая выставка молодых художников в залах самой Академии, где до этого, как правило, мы привыкли видеть лишь имена маститых. Были созданы по

разным районам страны творческие мастерские для совершенствования художников, только-только нащупывающих собственный путь. С молодыми художниками стали заключать творческие договоры на создание капитальных, значительных и требующих затрат, больших усилий работ. Практика показала, что простого последипломного распределения мало: художнику нужна повседневная поддержка, чувство, что его искусство желанно, что его правильно оценят, а если необходимо, то и поправят в минуту

В. АЛЬШЕВСКИЙ. МЕДСЕСТРЫ.

колебаний. Значение регулярных академических выставок, становящихся каждый раз заметным событием художественной жизни, а кое для кого и переломной вехой, в этом смысле трудно переоценить.

Итак, год 1981-й, выставка седьмая. Если учесть интенсивность развития в минувшем десятилетии — поистине «десятилетия творческой молодежи» — многих направлений,

без которых мы сегодня уже не представляем себе любую выставку недавних выпускников художественных вузов, то путь пройден порядочный. Но для большинства участников, собравшихся со всех концов страны, это дебют, а следовательно, открытие себя в искусстве и открытие каких-то

**В. ЛИПЕЦ.
НА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДАЧЕ.**

**Т. ЦИГАЛЬ.
ПРИШИВАЮЩАЯ БАХРОМУ.**

неизвестных сторон окружающего мира для нас, зрителей.

Тут приходится отвыкать от знакомых имен и предугадывать успехи и проблемы почти никому не ведомых, но подчас сложившихся в незаурядные величины мастеров. Тут в молчаливых, но ничуть от этого не менее острых дискуссиях, заявленных в той или иной картине, графическом листе, скульптуре, рождается характерный облик искусства завтрашнего дня, рушатся устаревшие каноны, а порой и незаслуженно превозносимые репутации. На том временном отрезке, в котором художник числится молодым, он порой успевает миновать несколько фаз, созреть, а то и «состариться», замкнуться в рамках выработанной однажды манеры; ходить в «молодых» стало настолько популярно и даже престижно, что многие как бы боятся переступить этот возрастной порог, связанный с резким повышением критериев спроса, качества и профессионализма.

Сколько споров и недоумений вызывали еще несколько лет назад упорно проводимые некоторыми начинающими художниками ретроспективно-музейные симпатии: такая «альбомная живопись», составленная из цитат далеких и близких классиков, с целью создать атмосферу высокой интеллектуальности, увенчанной духовности, экзотических чувств и переживаний. Теперь, по прошествии этой волны, стало очевидным, что подобный романтический пафос прикосновения к ценностям предков обуславливался не только модой на ретро, в большей мере он исходил из потребности напиться, пополнить современную тематику соками возвышенной и тонкой временной памяти. Исторический жанр как таковой — всегда для молодых рискованный и трудный — только отчасти удовлетворял эту потребность. И вот возникла картина, трактующая прошлое как непосредственно живое, непреложное качество внутреннего мира героя, как его культурный облик и духовный стержень.

Полотен такого типа на седьмой выставке несколько; их объединяет деликатность, тщательность письма на лаке, строгость классического рисунка, опыт копирования музейных образов прошлого и позапрошлого веков (кстати, не недостаток ли именно прямого копирования в программе наших учебных заведений, ориентирующих всецело на работу с натуры, и объясним отчасти такой «музейный взрыв»? Памфлет о системе старой академии. нетрудно сде-

лать вывод, что так губятся лишь бездарности, а таланты обретают виртуозность).

Ленинградцы на этой выставке особенно увлеченно пишут себя и своих друзей в манере передвижников, портретистов екатерининского времени — неудивительно, ведь сам город располагает. Но если раньше диалог с традицией шел, так сказать, от первого лица, то теперь на первом плане оказались мысли и настроения самих моделей. В картине «В музее» Т. Федорова заинтересовалась одухотворенными, просветленными от встречи с прекрасными лицами посетителями Русского музея. В другой ее крупной и скрупулезно разработанной вещи — «Вечер в Петергофе» — исторический ландшафт с памятниками составляет хотя и обязательный, но отдельный фон повествования о той среде, которая взрастила этих мягких, явно влюбленных в прошлое, но ничуть от этого не удаленных от нас молодых людей. Тихично ленинградская интеллигентность и погруженность в мир мечтаний, выявленная тут, содержит в равной мере обобщение и олицетворение: это то, что знакомо нам по истории искусства как «портрет-биография». Не беда, что сама по себе биография еще довольно коротка — как, скажем, у искусствоведа Гали Чередниковой, героини портрета В. Романова. Важно то, что герой начал жить среди картин не так, будто он «там», «не от мира сего», а

**А. ПОЛОЗОВ.
ЭКСКУРСИЯ В ГОРЯЧИЙ ЦЕХ.**

словно приглашая нас разделить с ним его радости и восторги.

Не всегда, правда, удается расстаться с «музейностью» без потерь, отыскав в самом герое равноправные величины. То оказывается мелковат и одномерен этаким «просто хороший парень», то начинается несколько слащавое сюсюканье по поводу того, как хорошо быть молодым и как прекрасно счастливое детство. И только...

Аккуратненькие, причесанные мальчишки и девочки исправно позируют для ничего не значащих, но снабженных многозначительными, а то и вовсе «романтическими» подписями этюдов, неизвестно по какому поводу ряжеными ходят хороводом по деревенским улицам, старательно выводят каракули в жюковской студии или коньками по льду, а слегка повзрослев, начинают духовно переживать собственную духовность, заслушиваясь под шорох осенних листьев стихами (мы не сомневаемся, обязательно красивыми), или засматриваться на себя в зеркало, любуясь своими златыми кудрями, новыми мольбертами и неначатыми холстами.

Художник сам по себе — одна из избланных тем, но не от бестемья ли? Точно так же, не от незнания ли, куда приложить свои руки, знания и темперамент, этакое витринное, пассивное предстояние перед зрителем во весь рост, во весь аршинных размеров холст? Никакие ультрасовременные условия действия не заменят самого действия, если герой просто «вписан» в картину, а не порождает все ее составляющие из соб-

ственной самобытной — не внешности, не профессии, не исторической эпохи даже, нет, — а из неповторимой образной содержательности, иными словами, личностной значимости. Никакие пластические ухищрения не задекорируют ее отсутствие, скорее, наоборот, нарочитая усложненность, витиеватая манерность языка как раз и есть первейший признак лжеэстетизма и лжегероя.

Как-то сразу веришь не тем полотнам, где нас стараются опарашить десятками разнообразных ситуаций, перечислением деталей национальных костюмов и утвари, не тем, где за дотошностью потогонного письма «точь-в-точь» исчезает сокровенный смысл любого события, будь то хирургическая операция или же выход в море на рыбный лов, не тем, наконец, которые за нарочитой небрежностью, простоватостью и незамысловатостью (превратившимся кое у кого в ивывернутую и тем более опасную манерность) опять-таки скрывают поверхностность восприятия бытия. Доверяешься таким произведениям, в которых автор верно и искренне следует своей музе, какой бы скромной и неприятной она ни оказалась. Тогда, сколь бы ни был «невывышен», банален, попросту зауражен сюжет, результат наверняка окажется если не впечатляющим, то во всяком случае обнадеживающим.

Нет никакого греха в показе художника за работой, которая по природе своей ничем не хуже любой другой. В Липецу удалось даже с долей тонкого юмора «населить» свежий, ядреный зимний пейзаж академической дачи фигурками пишущих этюды живописцев; первый план занимают явно персональные портреты. Пускай они, эти

В. ЗИНКЕВИЧ. СТАРОЕ ДЕРЕВО.

художники, на минуту задумались, — эта пауза органически вошла в ткань творческого процесса. Можно представить, как это сделал ташкентский мастер М. Нуритдинов, молодого солиста балета, казалось бы, не делающим вообще ничего, отвлеченным от своего основного занятия, на которое не намекает ни одна примета антуража. Но взгляните, как наэлектризовано все тело молодого танцора, как пластичны и подвижны кисти его рук, привыкшие следовать мельчайшим движениям мысли, и у вас не останется сомнения в том, что этот юноша готов до конца, без остатка отдаться своему призванию.

Картина способна вобрать в себя практически любые образные величины при условии претворенности их через непосредственную художническую заинтересованность. И тогда бездельничающие на зимних канюлах горожане, приехавшие погостить в деревню, как в «Зиме» (латышка И. Илтнер), оказываются способными возбудить в нас чувство бодрой приподнятости, а деловито-подтянутые студенты-экскурсанты, пришедшие в горячий цех на картине А. Полозова, заражают своей пылливой внимательностью и целеустремленностью. Состояние ничегонеделания, отдыха, расслабленности — еще не причина для превращения героя в мертвую обряженную куклу, — существенно, в каком конкретном жизненном контексте возникло это, пускай даже немного нарочитое «самопредставление» себя зрителю, как в вытянутом по горизонтали полотне А. Блюк «Праздник «Алые паруса» в Ленинграде». Если это массовое гулянье,

Продолжение на IV обл.

СВЕТЛЫЕ ВЕРСЫ

Евгений ЛЕБЕДЕВ,
народный артист СССР,
лауреат
Государственной премии СССР

Родился я в январе 1917 года в небольшом городке Балаково, что под Саратовом, в детстве слушал рассказы отца о больших актерах, певцах, со многими из которых его связывали добрые и дружеские отношения. Например, со знаменитыми братьями Пироговыми. Отец мой сам пел в синодальном хоре, в частной опере Зимина. Когда, случалось, он ездил по Волге, вокруг него на пароходе всегда собирались люди, и далеко окрест звучала чудесная русская песня. Многие из волжских капитанов знали отца, проплывая мимо и слышав знакомый голос, они приветствовали певца протяжным гудком.

Мама была просто доброй и тихой женщиной, растила пятерых детей.

С двенадцати лет стал я жить самостоятельно. Окончил шесть классов и поступил в ФЗУ при куйбышевском заводе КИНАП. Часто писал и посылал корреспонденции в «Пионерскую правду». Это были небольшие рассказы, репортажи, заметки о том, что нас, молодых, волновало в ту пору. Моя комсомольская юность совпала с годами коллективизации, индустриализации, с рождением совершенно новых, поражающих своим размахом начинаний. Мне довелось и самому принимать участие в коллективизации, в создании комсомольских ячеек в деревне. Однажды зимой меня послали в одну из деревень, что под Куйбышевом. Там наш комсомольский штаб расположился в церкви. Сегодня я с улыбкой вспоминаю, что именно в церкви организовал этот штаб... сын священнослужителя.

Люблю Волгу. Перед тем, как поступить в ФЗУ, я решил стать капитаном. И, подправив в метрике дату рождения (было мне тогда шестнадцать), хотел подрядиться машинистом на один пароход. Но пароход этот мне не понравился, был он каким-то скрипучим, допотопным, и не стал я на нем работать, ушел в ФЗУ. Там впервые приобщился к сцене: выступал в художественной самодеятельности, пел (голос, видимо, достался мне от отца), танцевал, играл в различных маленьких сценках, скетчах.

Однажды на таком вечере играл в скетче симулянта, который пытался вызвать к себе сострадание, жалость окружающих, чтобы его освободили от работы. Помню, мне почему-то очень не хватало текста, и я, не стесняясь, совершенно, как говорится, в открытую использовал слова, которые говорил герой Игоря Ильинского в популярной в то время киноленте «Праздник святого Йоргена». Все очень смеялись над моим героем (а может быть, над моим бессовестным плагиатом?), и был успех.

Неожиданно на этом вечере подошли ко мне актеры Антонов и Каменская и спросили:

— Хочешь поступить в ТРАМ?

В Самаре в ту пору был создан Театр рабочей молодежи, которым руководил Евгений Николаевич Белов. Преподавали в ТРАМе — в порядке шефства — актеры местной драматической труппы В. Меркурьев, А. Кистов, Ю. Толубеев и Н. Симонов.

Был я тогда молод, книг читал мало и потому никакого отрыва из прозы представить на суд комиссии не смог. Показ своих «тантов» ограничил чтением басни Крылова «Щука и кот». Меня приняли в штат театра — в так называемую «освобожденную труппу».

Мастерство актера преподавал Меркурьев. Позже, уже в Ленинграде, до самой кончины Василия Васильевича я сохранял с ним самые дружеские отношения и всегда восхищался талантом этого

выдающегося мастера русского советского театра. В Самаре же был так в него влюблен, что не только отчаянно подражал Василию Васильевичу, но старался даже в жизни разговаривать в его совершенно неповторимой, как оказалось, манере...

Потом я уехал в Москву и поступил учиться в техникум при Театре Красной Армии, которым руководил тогда Ю. Завадский. Моими педагогами стали Алексей Митрофанович Петров, отец ныне известного актера ЦТСа Андрея Петрова, и Иосиф Моисеевич Толчанов, будущий вахтанговец.

В то время, о котором рассказываю, в Реалистическом театре у Н. Охлопкова готовилась постановка «Железного потока» по одноименному роману А. Серафимовича. Чтобы найти хоть какое-то постоянное пристанище, ибо жил я где придется, иной раз и на улице, я взялся делать всю бутафорию к этому спектаклю, и таким образом в моем распоряжении оказался подвал. Одновременно работал в кузнице молотобойцем, так как в подвале все-таки не мог отогреться. Позже стал работать арматурщиком на одной из строек.

Пройдя через все эти «прелести» самостоятельной жизни, поступил на первый курс актерского отделения Центрального техникума театрального искусства, ныне ГИТИС имени Луначарского. Вот тогда появилась у меня постоянная крыша над головой — дали койку в общежитии на Трифоновке, где, к слову сказать, и сейчас живут — правда, в новых корпусах — иногородние студенты ГИТИСа и других театральных учебных заведений Москвы.

В этот же год на режиссерское отделение ЦТТИСа поступил молодой парень. Был он старше меня на три года, и во время учебы в техникуме знакомы с ним мы были только визуально, никаких между нами контактов не произошло. Откуда мне было знать тогда, что родная сестра этого парня станет через несколько лет моей женой, а сам он сыграет в моей жизни огромную, до сих пор не до конца, видимо, мною оцененную роль, станет добрым другом, учителем и постоянным режиссером во всех моих актерских поисках. Этим парнем был Георгий Александрович Товстоногов.

Я сильно болел в ту пору: фурункулезом, малярией, — и педагог Протасевич однажды сказал, что мне надо уйти из техникума и вообще не следует думать о театре.

Короче, снова пришлось распрощаться с ученической скамьей. Поступил я рабочим на кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», на которой проработал два года. Там втянулся в художественную самодеятельность, стал выступать на фабричной сцене. А тут подоспел Всесоюзный конкурс самодеятельного творчества, который проходил в Харькове. Досталась мне премия — костюм, который вручил Анастас Иванович Микоян, бывший в то время наркомом пищевой промышленности. После такого успеха я воспрянул духом и, продолжая работать, поступил на первый курс студии Камерного театра, руководимого замечательным мастером Александром Яковлевичем Таировым. Днем работал, вечером учился. Ко времени выпуска премьеры Камерного театра «Богатыри» произошло объединение нескольких московских театральных студий: нашей, Реалистического театра, Театра имени Мейерхольда и Театра революции. Образовалось Московское городское театральное училище — вот его-то без всяких обидных срывов я окончил в 1940 году.

Выпускался я из МГТУ как «романтический герой». «герой-любовник», но ни разу так и не вышел на сцену в этих амплуа.

Распределили меня в Тбилисский ТЮЗ, и попал я к замечательному, талантливейшему режиссеру Н. Я. Маршаку, человеку, понимавшему и любившему детвору. Всю свою жизнь посвятил Николай Яковлевич детскому театру, создавал его еще в первые годы Советской власти. Уже будучи старым, больным, он приехал в 1960 году в Калинин, создал в этом городе ТЮЗ и показал юным калининцам почти все сказки Е. Шварца. Некоторые из актеров, составивших костяк первой труппы Калининского ТЮЗа, работают ныне в Ленинграде. Они всегда вспоминают Николая Яковлевича самыми добрыми словами. Н. Я. Маршака считает первым своим учителем и Георгий Александрович Товстоногов.

В Тбилиси я работал девять лет, по очень плотно, как это обычно бывает в ТЮЗе, графику. Сыграл, наверное, ролей пятьдесят. Среди них отмечу Павку Корчагина. Работа над этой ролью была для меня в известной мере этапной. Не только потому, что впервые довелось «пойти на сближение» с удивительной, легендарной личностью, с героем, чье имя до сих пор остается символом огромной, всепобеждающей веры в духовные возможности человека. Мне довелось прожить на сцене яркую человеческую жизнь. Не говорю уже о том, какой нравственный, идейный, гражданский заряд получил я, работая над образом Павки Корчагина и впоследствии играя эту роль не один раз.

Когда началась Великая Отечественная война, многие из нас, актеров, растерялись. И причиной тому были начавшиеся вдруг разговоры о том, нужен или не нужен сейчас наш театр, ТЮЗ. А мы, актеры, видели хмурые лица как-то сразу повзрослевших детей, многие из которых уже в первые дни войны потеряли на фронте своих отцов и матерей, старших братьев и сестер. Мы поняли тогда, что наша, тюзовцев, задача — и без всяких споров! — хоть немного заслонить своим искусством детей от войны, смягчить горечь бед и потерь, выпавших на детскую долю. И мы трудились, играли сотни спектаклей, которые старались превратить в яркие, красочные представления. И для нас было огромной радостью видеть на лицах ребятишек улыбки, слышать их смех, потому что мы так хотели вернуть детей в их внезапно прерванное войной детство. И когда это получалось, мы не стеснялись собственных слез.

Во время войны мне довелось выступать на кораблях Черноморского флота, встречаться с моряками-черноморцами. Поразило: люди, совсем недавно и не раз смотревшие смерти в лицо, испытывавшие самые суровые будни и тяготы той поры, говорили с нами о мирных, житейских делах. Узнав, что мы актеры ТЮЗа, они спрашивали о детях, о том, как им живется, как смотрят они наши спектакли, что мы им показываем и как часто. И после выступлений, после этих встреч мы понимали, что нужны, что нас ждут, что никакая война не убьет в человеке вечную тягу к тому прекрасному и светлому празднику, каким было, есть и навсегда останется Искусство.

Мы возвращались с кораблей и вновь репетировали, играли спектакли, готовили концертные программы. Мы возвращались с кораблей и шли в госпитали, к раненым, и выступали, выступали... Встречаясь с ранеными, я всегда становился свидетелем поразительной воли людей, которых война сделала калеками.

Никогда не забуду одного выступления в госпитале. Я подготовил комический танец и, придя в

госпиталь, неожиданно попал в палату, где находились люди... без ног. Поначалу растерялся: люди без ног, а я буду плясать... И я плясал этот комический танец. А раненые... хохотали! Понимаете, хохотали! Со мной творилось что-то непонятное, невообразимое, я плясал и внутренне содрогался от плача. Раненые этого не знали. Они смотрели мой танец и смеялись, потому что, несмотря на постигшее их несчастье, они сохранили в себе живое человеческое чувство. И я был счастлив подарить им эти минуты искреннего веселья... Никогда не забуду этого случая.

Едва ли в какой-либо другой период жизни чувствовал я так сильно, так остро свое духовное родство с совершенно незнакомыми людьми, как это было в годы Отечественной войны.

Война опрокинула многие из моих давних представлений юности. В частности, представление о нашем актерском труде, его смысле, назначении. Именно в те годы убедился я в глубинной и неразрывной связи актера с обществом, актерского труда — с теми социальными задачами, которые общество ставит перед собой. Убедился в той огромной и постоянной ответственности, которую несет актер как гражданин, за то, что и как он делает. Вот почему мне всегда претит пустое кривляние на сцене, стремление к той, с позволения сказать, оригинальности, которая порой не только граничит с пошлостью, но оскорбляет и даже, случается, дискредитирует всегда нелегкий, совершенно необходимый людям, обществу благородный наш актерский труд.

Это, поимите меня верно, не «лирические отступления», вызванные воспоминаниями о военной поре, это постоянные, не дающие мне покоя размышления, то, что, собственно, в какой-то мере организует меня самого, поддерживает постоянную неуспокоенность каждого моего дня.

В 1949 году я приехал в Москву. Через девять лет я вновь оказался в городе, где не только прошла мучительная «одиссея» моих мытарств, но где, совсем тогда еще молодой, наслаждался игрой выдающихся мастеров московской сцены.

Свой приезд в Москву я связывал со вступлением в труппу Малого театра. Встретился я тогда с двумя прекрасными актрисами — В. Н. Рыжовой и Е. Д. Турчаниновой. Варвара Николаевна проходила со мной роль Мити в пьесе «Бедность не порок», а Евдокия Дмитриевна — роль Подхализина в пьесе «Свои люди — сочтемся»... Но так случилось, что в этом же году неожиданно встретил в Москве Г. А. Товстоногова, которому предложили руководить Ленинградским театром имени Ленинского комсомола. Он позвал меня с собой, и я уехал в Ленинград. Позже вслед за своим наставником и другом перешел в Большой драматический театр имени Горького. Я благодарен судьбе за то, что она связала меня общей работой и долгой дружбой с замечательным художником, мастером сцены, под руководством которого я сыграл лучшие свои роли.

Оглядываясь на прожитое и пережитое. В жизни моей было много горького и радостного, трагического и светлого. И, верно, этим и хороша жизнь, и счастье мое, считаю, в том, что многое узнал я не из книг, но через труд, через людей, с которыми общался, дружил и продолжаю дружить до сих пор. Я приобрел немало рабочих профессий, которые в трудные моменты судьбы давали мне хлеб насущный. И когда, уже будучи актером, я встречался — и продолжаю встречаться — с рабочими, наше общение не ограничивалось и не ограничивается разговорами о театре, о моих ролях на сцене и на экране. Мне всегда интересно выслушать в ту или иную «профессиональную мастерскую» потому, что, чем бы человек ни занимался, его дело всегда требует творческого подхода — так я считаю. И радость в своем труде, по-моему, находят те, кто воспринимает его не просто работой, каждодневным занятием, но творчеством.

Что до театра, то знаю в нем все профессии. Во время войны мы, актеры, были и исполнителями, и монтажниками декораций, и бутфорками, и я даже «обшил» однажды кукольный спектакль: сделал эскизы костюмов, а затем и сами костюмы. И дело вовсе не в том, что не хватало рабочих, но в той общей заинтересованности, общем волнении, общей ответственности за то, чтобы в результате твой труд принес людям радость. Конечно, сейчас нет нужды в такой «всеядности» актера. Я про другое: все мы, работники театра — режиссеры, актеры, тримеры, костюмеры, портные, бутфорки и т. д., — абсолютно зависим друг от друга. Актер не вовремя, позже, чем следует, пришел на примерку — портному остается меньше времени, чтобы сшить костюм для премьеры, он торопится, нервничает. Актер неловко чувствует себя в костюме, не «освоил» его — это отражается на игре. Все в театре взаимосвязано, все требует абсолютной дисциплины, сосредоточенности. Думается, потому и говорят, что театр — искусство коллективное. И пусть меня не упрекут в том, что, рассказывая о себе, я как бы скользнул в сторону, ушел от темы. Это не так, потому что я не отделяю свою жизнь, свою судьбу в театре от всего, чем театр жив, что происходит в нем — от пошивочной мастерской до сценической площадки.

Вновь хочу обратиться к первым моим годам работы в Тбилиском ТЮЗе, к первым моим актерским поискам, которые хоть и были, наверное, навязными, но без которых — в этом я убежден — не было бы моих сегодняшних более серьезных работ. Играл в ту пору в сказках, причем многократно и в разных сказках, и Бабу Ягу, и всех

Иванушек, и пуделя Артемона в «Золотом ключике»... И это было школой выразительности, пластического решения образа.

Помню, как смеялся над тем, что студийцы Станиславского изображают животных, думал, что мне, слава богу, никогда не придется этим заниматься. Отнюдь. Я не только изображал «братьев наших меньших», но и понял, что изучение животных, их повадок, движений, взглядов, неожиданных проявлений их характеров не раз помогало мне на сцене. Мог бы привести в пример работу над ролью Артура Уи в спектакле по брестской пьесе «Карьера Артура Уи». Правда, показать зверя в человеческом образе не было моей главной задачей. Мне важнее было показать процесс восхождения Гитлера на фашистский «олимп» и вызвать у зрителя ярую ненависть к самой системе человеческой несправедливости. В своей работе я попытался напомнить о том, что победа нашего народа в Великой Отечественной войне не есть конец борьбы с фашизмом, что точно такие же процессы восхождения других артуров уи не только возможны, но и реально происходят в различных местах нашей планеты. В работе же над самой ролью я старался применить мои скромные знания повадок самых свирепых представителей животного мира, да простят они мне этот плагиат. Что касается жанра, то пытался изобразить Артура Уи в остросатирической манере, и тут в полном смысле слова наглядным пособием служили хлесткие рисунки Кукрыникова военных лет.

В моей жизни, работе большое место занимает литература. Человеку надо как можно раньше начинать читать, потому что именно с чтением хороших, добрых, умных книг начинается духовный рост человеческой личности. Очень, на мой взгляд, важно, чтобы первыми прочитанными юным человеком произведениями были произведения серьезных, достойных авторов. От этого в большой степени зависит, появится ли у него страсть к чтению всего подряд, не задумываясь ни над тем, о чем книга, ни о том, как она написана.

Мне повезло: мое первое знакомство с русской классической литературой началось с Островского. Стал читать его пьесы, проникал в их суть, в суть изображенных этим замечательным драматургом характеров, событий, явлений, даже не думая о том, придется ли мне когда-нибудь играть в пьесах Александра Николаевича.

Затем Пушкин! Это необыкновенно. И навсегда. «Евгений Онегин», «Повести Белкина»... Как написано! Просто, доступно... современно.

С ранней юности и до сегодняшнего дня не расстаюсь с Лермонтовым, Гоголем, Достоевским, Толстым. И не только как читатель. Десять лет я «состоял» на сцене при Достоевском (Рогожин), четырнадцать — при Гоголем (Монахов, Бессеменов), пять — при Толстом («Холстомер»).

Вижу неразрывную связь русской классической литературы — от Пушкина до Горького. Я вижу эту связь в развитии, в традициях современной реалистической прозы, в частности в произведениях В. Шукшина, С. Залыгина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Тендрякова... Герои произведений этих замечательных писателей так и просятся на сцену. Одно дело — прочитать прекрасное произведение, другое — увидеть полюбившихся героев воочию, во плоти. Для нас же, актеров, встреча с этими героями — просто подарок судьбы.

И когда возникает и дискутируется вопрос о том, нужна ли театру инсценировка, мне прежде всего непонятно, откуда и почему в принципе возник этот вопрос. Для меня лично такого вопроса не существует: перевод на язык театра глубинной реалистической прозы — классика ли это или современность — необходим, как воздух. Разве можно себе представить Художественный театр без «Анны Карениной» или «Воскресения», «Бронепоезда 14-69»?.. Разве можно себе представить МХАТ без Каренина — Н. Хмелева, Вершинина — В. Качалова, Лариосика — М. Яншина?.. А князь Мышкин И. Смоктуновского? Это же просто история нашей театральной культуры, это «высший пилотаж» актерского мастерства! А разве — обращая уже к современной прозе — не блистательной была одна из последних работ Б. А. Бабочкина в «Плотничьих сказках» В. Белова?..

Другое дело — перевод художественных произведений на язык театра. Он не может, не должен исчерпываться написанием диалогов с ремарками типа «входит-выходит», — современному театру необходима пьеса, предлагающая, как конкретно миропонимание писателя можно выразить на сцене. И тому, кто берется за переделку прозы в пьесу, следует всегда помнить об авторе, который, случается, «за давностью лет» не может возразить вольной драматургической версии своего произведения...

Прошу великодушно простить меня, но, рассказывая о себе, я не могу не говорить о том, что меня глубоко волнует. Ради одной лишь хронологии событий, чистой, так сказать, информации о своей жизни, я едва ли начал бы этот рассказ. Да и что значит рассказывать о своей жизни? О том и рассказывать: чем ты жив, что тебя волнует, что дорого, что ненавистно.

А теперь действительно информация, которая, сдастся мне, может показаться читателю забавной. В 1956 году я отправился на встречу с первыми строителями Красноярской ГЭС. Моим постоянным попутчиком в этих встречах был молодой журналист, который подолгу разговаривал со строителя-

ми, что-то записывал в свой блокнот. Разговоры велись откровенные, начистоту: о трудностях первого времени строительства, о недостатках...

Встречи те были удивительно живыми, и не знаю, как для строителей, но для меня не только интересными, но и очень полезными: я много узнал об этих бесстрашных, решительных молодых людях, которые дело делали в невероятно трудных условиях сибирской тайги. Именно тогда я понял одну из непреложных истин: человек сильнее машины! Случалось, трактор завязнет в грязи, из которой, кажется, уже не выйти. Выходил! С помощью людей!

Так вот, попутчик мой, журналист, славный такой человек, должен был сделать несколько репортажей. Ездили мы с ним, ездили, бродили-бродили из одной бригады в другую, а как зовут его, забыл я узнать.

Прошло несколько лет. В 1972 году получаю бандероль, в ней две книжки и письмо. Уж не помню почему, но как-то так случилось, что сразу не прочитал это письмо, не просмотрел книжки. Положил бандероль на полку... и завертели меня дни. Словом, забыл я об этой бандероли.

Прошло еще шесть лет. Как-то перебрал книги и обнаружил ту бандероль. Читаю письмо, в котором бывший мой попутчик-журналист вспоминает наши «грязевые ванны», разговоры, ночевки «где придется»... И вдруг — батюшки! — читаю подпись в конце письма: «Ваш В. Астафьев». А я уже давно зачитывался его книгами, не мог нарадоваться удивительному таланту этого писателя. Бросился к полке, на ней — «Пастух и пастушка» и отдельно изданные рассказы. Обе книжки — с теплой дарственной надписью.

Я мечтал познакомиться с ним, хотел многое рассказать ему о своих впечатлениях от его книг, и Владимир Андреев, главный режиссер Московского театра имени Ермоловой, обещал поспособствовать в этом деле. И я ждал с нетерпением.

А тут — такое... Как говорится, «не отходя от кассы», написал Астафьеву письмо, в котором честно рассказал, как все получилось, слезно просил писателя простить меня и пригласил в гости. Вскоре получаю телеграмму: «Выезжайте...» А еще через пару дней Виктор Петрович с женой были у меня. Мы сидели, пили чай и вспоминали «дела давно минувших дней». Между прочим, тогда же рассказал мне Виктор Петрович о том, что «заказчики» остались недовольны репортажами своего корреспондента, обнаружили в них незнание Астафьевым особенностей мест, где он побывал по заданию редакции. «Заказчики» и не подозревали, что молодой журналист, которого они командировали в Сибирь, ехал... в родные места. Рассказывая об этом, Астафьев улыбался.

Я думаю о том, что моя жизнь была и продолжает оставаться нелегкой, неспокойной. И все-таки я счастлив. Занимаюсь любимым делом, встретил на своем сценическом пути прекрасного режиссера (коллеги в любом театре подтвердят, какое это имеет значение в творческой судьбе актера), знаком и дружен с интереснейшими людьми совершенно различных профессий, людьми, наделенными щедрой душой и талантом, всегда способными понять меня, поддержать в тяжелую минуту, помочь, если нужно. Таким, например, всегда был и остается для меня Андрей Андреевич Мыльников, народный художник СССР, прекрасный, искренний, честнейший в искусстве человек. Мы живем с ним в одном доме на Петровской набережной, часто встречаемся, и на этих встречах всегда какая-то неповторимая атмосфера доброжелательности и откровения. Таими же неизбежными остаются в сердце встречи с Федором Абрамовым, Даниилом Гранинным, другими литераторами. Я мог привести бы здесь большой список имен людей (иных, увы, нет в живых), знакомство, общение с которыми считаю не только большим счастьем, но и честью для себя...

Я думаю о своих коллегах, актерах БДТ имени Горького, с которыми роднит меня каждый прожитый в театре день. Мы все очень разные, с непохожими характерами. Каждому из нас кажется, что мы все друг о друге знаем. Но вот начинается новый день, новые репетиции — и каждый из нас открывает в другом что-то новое, до того неведомое. И мы радуемся этим своим открытиям, потому что они не только наши, они открытия для театра. А театр — наша общая забота и любовь. Придя в него, мы должны ни на секунду не забывать, что, служа сцене, служим людям. Ибо театр, по точному определению мхатовца М. И. Прудкина, дает людям высшее душевное образование.

...Вот уже сорок с лишним лет моя работа — сцена. И мой каждодневный праздник, мое неспокойное счастье — она.

Записал Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.

Дмитрий МЕЩАНИНОВ

ФАНТАЗИЯ

«Дорогая редакция! Во многих газетных и журнальных статьях, посвященных зарубежному кино, встречается слово «Голливуд». Хорошо известно, что это центр американской кинопромышленности. Но, быть может, вы могли бы подробнее рассказать о его истории? Как он возник, как выглядит сегодня? Что определило характер «голливудского боевика» — вчерашнего и сегодняшнего?» Это письмо прислала школьница из Норильска Светлана Серегина.

Предлагаем вниманию читателей репортаж о путешествии по Голливуду — журналистские впечатления и раздумья по поводу увиденного.

Вне всякого сомнения, это самый необычный город в мире: 420 акров гор, передвигающихся холмов, океанов, озер, водопадов, созданных человеком, сотни домов без интерьеров, километры улиц, собственная железная дорога, почта, банки, пожарная охрана и торговый центр, даже свой мэр. Этот город ежедневно «посещают» миллионы людей — каждый смотрящий художественные фильмы и телевизионные передачи... Так начинается рекламный проспект, продающийся в киосках у входа в Голливуд и настоятельно рекомендующий совершить путешествие по «фабрике чудес».

За воротами столицы американской кинематографии посетителей уже поджидают красно-белые, словно завернутые в фантики вагончики (они похожи на те, что снуют по ВДНХ в Москве), именуемые здесь «волшебный трамвайчик». Как только набирается нужное число людей, девушка-гид опускает ограждение, поясняя, что это делается для того, чтобы никому не взбрело в голову выпрыгнуть из трамвая во время путешествия. «Такие случаи бывали», — очаровательно улыбаясь, добавляет она. Загадочный смысл ее слов станет ясен немного позже, а пока есть время вспомнить кое-что из истории «самого необычного города в мире».

В конце прошлого — начале нынешнего века это был небольшой полустанок на железной дороге из долины Сан-Фернандо в Лос-Анджелес, захолустная деревенька, жители которой выращивали бобы и разводили цыплят. Они и не подозревали, что их неторопливую, размеренную жизнь скоро дотла разрушит надвигающаяся эра кинематографа.

Первый киносеанс в Америке состоялся в апреле 1896 года, то есть спустя четыре месяца после того, как братья Люмьер на бульваре Капуцинов в Париже представили на суд изумленных зрителей свою первую кинопрограмму. Фильмы в те далекие времена демонстрировались в так называемых «никеллодеонах» и «пенни-аркадах» — нечто похожее на современные автоматы с газированной водой. Опустив монету сквозь щелочку, можно было лицезреть небольшой фильм или целую кинопрограмму.

Киноаттракционы прибрали к рукам предприимчивые дельцы, прекрасно разбирающиеся в чем угодно, только не в кинематографе: меховщик Адольф Цукор, красильщик Уильям Фокс, лавочник Маркус Лоев, продавец мужского белья Карл Лаемелл. Постепенно эти «кинодеятели» обзавелись проекционными аппаратами и открыли кинозалы, а позже стали владельцами крупнейших американских кинокомпаний.

В 1915 году Карл Лаемелл, посетив упомянутую выше деревеньку, пришел к выводу, что двигающиеся картинки могут принести куда больше удовольствия и дохода, чем ошпыливающие цыплят. Не долго думая, он построил на участке земли, занятой прежде курятниками, киностудию. Так родился Голливуд.

С тех пор все здесь неузнаваемо изменилось. И все же между первым и сегодняшним днем Голливуда есть одно-единственное сходство — путешествие по студии. Будучи уверенным, что деньги надо делать всеми возможными способами, Лаемелл воздвиг трибуны вокруг съемочных площадок. Всем желающим позволялось за 25 центов давать актерам дельные советы, аплодировать или гневно возмущаться, благо их эмоции оставались за кадром.

Звуковое кино, однако, выдвинуло свой лозунг: «Тише, идут съемки!». Трибуны разобрали, а зрителей выставили за ворота Голливуда почти на четверть века. Лишь в 1964 году местные власти возродили давнюю традицию, организовав путешествие по Голливуду на волшебных трамвайчиках и заодно увеличив цену входного билета до 6 долларов 25 центов.

Проехав несколько сот метров от входа, трамвайчик долго огibtает огромное, размером в три футбольных поля, крытое помещение. Чего только в нем нет: антикварные статуи и стоптанные домашние тапочки, выдавшие виды ковбойские фургоны и современные детские коляски. Если режиссеру позарез понадобится, к примеру, дворец султана или космический корабль наших возможных братьев по разуму, и это найдется. Как утверждают знатоки, в складских помещениях Голливуда есть все, что может вообразить

человек даже с самой необузданной фантазией. Через несколько минут трамвайчик вкатывается в киногородок, состоящий из нескольких сотен сооружений, представляющих архитектурные стили всех эпох и народов. Мощенная бульварником европейская улица петляет по закоулкам европейской истории от современной Англии до средневековой Испании. Типичная американская улица XX века сменяется проселком времен Гражданской войны. Но, пожалуй, самое бойкое место голливудского киногородка — перекресток шести улиц. Здесь снимают вестерны — нередко на всех улицах одновременно.

Родоначальником художественного кино в США, по единодушному мнению историков и критиков, стал фильм «Большое ограбление поезда», снятый Эдвином Портером в 1903 году и давший жизнь двум наиболее типичным творениям американского кинематографа — ковбою и гангстеру. С тех пор вестерны и гангстерские фильмы прочно заполнили западные киноэкраны — их штамповали и штампуют до сих пор десятками, сотнями в год.

Еще в 20-е годы режиссер Эрих фон Штрогейм не без основания утверждал: «Выпуск картин с регулярностью машины для выделки сосисок делает их такими же одинаковыми, как сосиски».

Что верно, то верно: подавляющее большинство героев голливудских «кинососисок», так же как и сюжеты, в которых герои задействованы, практически не отличаются друг от друга. Одна из американских газет как-то весьма мудро заметила, что если с героя вестерна снять обшитые кожей штаны, широкополую шляпу и пояс с кольтом, то останется пустое место...

Видели ли вы, чтобы кинематографические ковбои занимались своими прямыми обязанностями — пасли скот или обрабатывали землю? Что вы! Им не до этого. Они пьют виски в салуне, а потом устраивают потасовки, грабят diligencansы, пускают кровь индейцам. Затем в кадре появляется основной «герой». Он, разумеется, красив и мужествен. На нем широкополая шляпа и пара кольтов на бедрах. Он блестяще владеет всеми приемами мордобития и без промаха стреляет из любого положения с двух рук одновременно. «Герой» быстренько устанавливает в городке и окрестностях мир и порядок, а в награду получает руку и сердце красивой девушки.

Кстати, о девушках. Киногероини вестернов сами частенько попадают в жуткие передраги, но всегда выглядят так, словно вот-вот выйдут из салона красоты. Киногероиням положено быть привлекательными в любых ситуациях, а «кинососискам» положено давать долларовой доход. Тут уж не до достоверности.

Волшебный трамвайчик движется теперь по зоне специальных эффектов. Из окон и с чердака двухэтажного особняка вырываются клубы едкого

черного дыма и языки пламени. Вот так и горит особняк уже четверть века, но когда догорит, никто предсказать не берется. Жалобно скрипит и шатается под тяжестью трамвайчика хлипкий деревянный мост. Неожиданно одна из его опор падает в озеро — слаонервные пассажиры пытаются выскочить кто куда, но ограждение предохраняет от нецелесообразных поступков, и все в целости и сохранности добираются до противоположного берега.

Теперь дорога петляет у подножия скалистого склона. Земля движется и стонет, а с вершины холма прямо на вас летят огромные каменные глыбы. Они вот-вот проломают хлипкую крышу вагончика и... Без паники! Глыбы то резиновые — их без труда поднимет и младенец. К тому же они попадают в специальную ловушку и возвращаются на исходную позицию, как шары в кегельбане.

Справа по курсу — небольшое спокойное озеро. Рыбак мирно удит рыбу. К его лодке, стремительно разрезая водную гладь, приближается острый серый плавник какого-то морского чудовища. Через мгновение огромная акула набрасывается на рыбака и проглатывает его вместе с лодкой — на месте разгравшейся трагедии показывается алое пятно крови. Еще через минуту хищница, раскрыв гигантскую, усеянную острыми зубами пасть, выныривает в метре от трамвайчика и плюхается в воду, обдавая брызгами окаменевших от ужаса путешественников.

В озере, оказывается, нашла пристанище главная «героиня» нашумевшего фильма ужасов «Челюсти». Что-то, а нагонять страх на зрителей голливудские умельцы научились в совершенстве.

Справедливости ради стоит заметить, что не американцы стали пионерами в создании фильмов ужасов. В 1919 году на экранах Германии появилась картина «Кабинет доктора Калигари». Режиссер Роберт Вине — растерянный мелкобуржуазный интеллигент, которому казалось, что после поражения Германии мир перевернулся вверх тормашками, что он бесмыслен и жесток, так же как и люди, его населяющие, — наводнил свои творения маньяками, убийцами, потусторонними силами.

Из «Кабинета доктора Калигари» по экранам германского кинематографа расплозились вампиры и колдуны, инкубы, суккубы и прочие представители оккультного мира, преступники-психопаты и разного рода монстры. Все эти персонажи постепенно перековывались за океан и прекрасно «прижились» в лентах Голливуда. Из фильма в фильм, к примеру, кочевал Франкенштейн — злобное искусственное чудовище с заложенным в него мозгом преступника. На ниве «черных» фильмов отменно потрудились в Голливуде Альфред Хичкок, перебравшийся из Англии в конце сороковых годов.

С конца шестидесятих годов наряду с нечистой силой мелкого ранга в американском кинематографе все чаще стал появляться ее предводитель — дьявол. Кинодемонологию «удачно» дополнили фильмами-катастрофы: падали на дно морское

вместительные «боинги», терпели кораблекрушение роскошные океанские лайнеры, пылали, как высохшие елки, небоскребы, катастрофические землетрясения сметали с лица земли города и континенты, кровь людская текла полноводными реками.

Фильмы о земных и внеземных катастрофах ставились в Голливуде и раньше, но никогда они не приносили столь баснословных барышей (к примеру, фильм «Война звезд» дал 127 миллионов чистой прибыли). Их популярность — весьма показательный социальный феномен, отражающий характерные для современных американцев настроения: неуверенность в сегодняшнем дне, страх перед днем грядущим. Люди идут в кинотеатр, чтобы хотя бы на пару часов отвлечься от каждодневных забот и тревог. К тому же после катастрофических экранных ситуаций не начинается ли жизнь казаться более стабильной и привлекательной?

В последние годы Голливуд активно «изобретает» все новые катаклизмы. Махровым цветом расцвела «черная фантастика», страшащая обывателя ужасами во вселенском масштабе, космическим апокалипсисом. Для постановки таких фильмов требовались не столько талантливые актеры, сколько опытные инженеры-электронщики, способные помочь режиссеру воспроизвести чудеса автомататики и телемеханики на экране. Любопытно, что после сокращения программы НАСА и увольнения специалистов по космическим полетам многие из них пристроились при кинофабрике.

Заметное место в «новой космической волне» принадлежит и фильмам о так называемой «советской угрозе», повествующим о «спутниковых войнах», о «коварстве русских космических шпионов». Даже далекие от объективности американские газеты вынуждены признавать, что подобные «произведения» финансируются и вдохновляются Пентагоном и ЦРУ, что «новая космическая волна» не что иное, как порождение милитаристского ажиотажа, захлестнувшего США.

Путешествие идет своим чередом. Сквозь редкие деревья рощи показались допотопный паровозик. Воистинно пыхтя и изрыгая клубы дыма, он стремительно приближается к дороге и... останавливается в полуметре от волшебного трамвайчика. Дальше — больше. Мощный грязевой поток, выкорчевывающий на своем пути вековые деревья, чуть было не смыкает путешественников. Их «нетактично» атакует подводная лодка, притаившаяся в голливудском океане. Но тот разверзается и позволяет трамвайчику с пассажирами по узкому бурлящему коридору перебраться на противоположный берег.

Потом дорога куролесит среди голливудских гор, поднимаясь все выше и выше. Надписи на километровых столбах указывают высоту над уровнем моря. Медленно трамвайчик поднимается до отметки 24 тысячи футов, огибает выступ скалы и въезжает в тоннель, прорубленный в покрытом снегом леднике. Внутри тоннеля

холодно и тревожно. Слышится странный звук. Что это? Поздно — вместе с всепоглощающей альпийской лавиной вы катитесь вниз. (По правде говоря, никуда вы не катитесь, а продолжаете сидеть на скамейке вагончика. Но внутренняя часть тоннеля вращается, и создается впечатление, что вы куда-то летите кубарем.)

Из коварного тоннеля волшебный трамвайчик снова въезжает в яркий, солнечный день. Внизу, как на ладони, виден весь Голливуд. Прямо под нами высится гигантская рука (метров этак с десять), оставленная как реликвия после съемок «супербоевика» под названием «Страна гигантов». С помощью подобных «кинопопей» Голливуд пытался отбиться от наступающего на него ненавистного телевидения.

В преддверии особенно ожесточенных баталий между кинематографом и ТВ один из знатоков американского кинобизнеса, Самуил Голдвин, пророчески писал: «Конкуренция, пугавшая нас в прошлом — автомобиль в ранние дни кино, радио в двадцатые и тридцатые годы и недавний бум вечерних спортивных зрелищ, — покажется незначительной по сравнению с той борьбой, которую нам предстоит выдержать, чтобы заткнуть в кинотеатры тех, кто предпочитает оставаться дома и смотреть развлекательные программы по телевидению».

Мысль о приближающемся крахе голливудской киноимперии казалась невероятной. С момента создания Голливуда никакие экономические депрессии в стране и за ее пределами не могли поколебать могущество «фабрики иллюзий». И все же... Если в лучшие годы Голливуда кинотеатры в США посещало до 90 миллионов зрителей в неделю, то к концу семидесятых годов это число сократилось до 15 миллионов. Некогда всеильные кинокомпании, испытывая финансовые трудности, в суматохе распродала реkvизит, закрывали пустующие съемочные павильоны.

После периода истерики («Голливуд умер!») кинобоссы попытались защититься от энергичного и бесцеремонного соперника с помощью технических нововведений (широкий формат, высокочувствительная цветная пленка, панорама) и съемок роскошных «супербоевиков». Если раньше на съемки фильма тратили миллион долларов, что считалось верхом расточительности, то в «супербоевики» вкладывали раз в двадцать больше. Одним из рекордсменов стал фильм «Клеопатра», снимавшийся в течение пяти лет под несмолкаемые раскаты рекламы и обошедшийся в 42 миллиона долларов.

Но ничто не помогало. И тогда Голливуд был вынужден вступить с «великим убийцей» (так окрестили ТВ) в любовный союз. В прошлом оголтелые конкуренты начали сотрудничать в производстве, прокате и, что самое трогательное, во взаимной рекламе.

На территории Голливуда начали появляться телестудии, занимающие пу-

стующие павильоны и отчисляя часть доходов кинокомпаниям. К тому же кинобоссы продавали художественные фильмы телевизионным гигантам, а также местным и региональным телестанциям, которых расплодилось в Америке великое множество, снимали по их заказам сотни телефильмов. Голливуд снова «ожил», хотя о прежней «независимости» мечтать уже не приходилось.

На сегодняшний день три четверти рабочей силы Голливуда прямо или косвенно связаны с ТВ, а каждый доллар, заработанный от проката художественных фильмов, включает 40 центов, поступивших с телевидения.

Теперь наш путь лежит к современному 15-этажному зданию (оно фигурирует, кстати, в десятках голливудских фильмов), где располагается администрация Голливуда. Многосложная компьютерная система держит в памяти все, что касается финансового благополучия «фабрики грез». Доллар — божество, которому поклонялись, поклоняются и будут поклоняться здесь.

Осталось побывать только в голливудском развлекательном центре, заполненном различными аттракционами. Можно постоять на пристани, где всегда, даже в солнечную погоду, идет дождь, и посмотреть на вечную битву между боевым кораблем и подводной лодкой; посидеть в кафе с интерьером из шумевшего боевика; зайти в гримерную, где тебя разукрасят так, что мать родная не узнает; сняться в эпизоде из фильма, а через несколько минут увидеть себя на экране рядом с известнейшими актерами.

Перед посетителями выступают дрессированные животные и птицы — к примеру, шустрый и сообразительный какаду Фредди, блиставший в нескольких фильмах. Неподалеку происходят триюковые шоу: ковбой, увлекаемый зыбчим песком, проваливается все глубже и глубже, пока на поверхности не остается лишь его лихая шляпа; профессиональные «ребята из салуна» что есть силы лупцуют друг друга, не получая ни единой царапины; подстреленные гангстеры гроздьями падают с крыши, но остаются целыми и невредимыми.

Попробуем зайти в симпатичное строение, пристроившееся рядом с воротами кинофабрики и отданное в распоряжение «звезд» американского кинематографа. Они смотрят на нас с рекламных плакатов и афиш, их фотографиями плотно завешаны стены Комнаты знаменитостей, их увеличенные автографы красуются на спинках высоких кресел в ресторане. «Звезды», «звезды», «звезды» — они вспыхивают и гаснут на небосклоне Голливуда с самого первого дня его основания.

Почти каждый голливудский фильм

начинается словами: продюсер такой-то имеет честь представить актера и актрису таких-то. За этим коротким и скромным представлением кроется пресловутая «система звезд». Эта система, как и сам Голливуд, претерпевала периоды расцвета и упадка, видоизменялась, приспособляясь к вкусам аудитории, но всегда преследовала единственную цель — доход. «Звезды», необходимо оговориться, — отмечает американский киновед Холлис, — гораздо более важны для кинобизнеса, чем для кинотворчества».

Примеров тому более чем достаточно. В 30-е годы владельцы кинокомпаний «XX век — Фокс» заработали на популярности Ширли Темпл 20 миллионов долларов. А Дина Дурбин в 1938—1939 годах просто спасла «Юниверсал» от банкротства — каждая из ее картин приносила 250 тысяч долларов чистого дохода. В наши дни участие в фильмах таких «суперзвезд», как Пол Ньюмен или Барбара Стрейзанд, обходится в один-два миллиона, но компании охотно идут на подобные затраты, зная, что получат в десятки раз больше.

«Звездная система» замешана на изощренной крикливости и дешевой сенсационности. Десятки журналистов, прочно окопавшиеся при кинофабрике, исправно держат американцев в курсе всех «звездных» дел: кто женится, кто разводится, кто кому и с кем изменил, кто раскошелится на новую яхту и сколько тысяч за нее выложил, у кого издохла любимая болонка, кто бросил курить «марлборо» и перешел на «кэмел» и т. д. и т. п. В свое время сообщалось, к примеру, что Натали Вуд получила на конкурсе уголовников, томящихся в американских тюрьмах, титул «девушки, с которой приятно было бы посидеть в камере»; что Мерилин Монро признана военными врачами «первой среди девушек, которых хотелось бы обследовать»... Широкое отражение на страницах желтой прессы нашло описание драки на одном из великосветских банкетов между Джейн Мэнсфилд и испанской танцовщицей Альмой Дель Рио — потом, правда, выяснилось, что драка была подстроена. Реклама, реклама...

Пресса, радио, телевидение с четкостью отлаженной машины возводят актеров до ранга идолов, героев, богов,

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В РУКАХ СЕКТАНТОВ

Стало известно, что тридцатилетняя Лиза Мария, дочь умершего несколько лет назад «короля рок-н-ролла» Элвиса Пресли, находится во власти секты так называемых «сайентистов», руководимой неким Ронам Хуббардом. В секте дочь Пресли подвергают активному «промыванию мозгов», чтобы в конце концов стать чьей-то вроде работа без собственной воли. Такую же воздетацию подвергается и ее мать Присцилла. Лиза Мария лишена свободы передвижения — при ней постоянно находится сектантка-охранница.

Один из бывших членов секты

заявил: «Нет абсолютно никаких сомнений, что все эти методы промывания мозгов используются с целью завладеть миллионным наследством Элвиса Пресли. Два года сайентисты обрабатывали Присциллу, убеждая ее, что только они могут уберечь ее дочь от наркотиков, жертвой которых стал Элвис». «Обращение» Лизы Марии и Присциллы в секту считают своей крупнейшей победой. Теперь деньги рядом — только протянуть руку».

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПЕНИЦИЛЛИН ДЛЯ КАШАЛОТА

Ежегодно большое число китов выбрасывается на берега морей и океанов и погибает. Ученые до сих пор не могут объяснить это массовое «самоубийство». Одни считают, что виной здесь болезни, которыми страдают морские гиганты, другие — что речь идет попросту о потере животными чувства ориентации; наконец, существует и мнение, что здесь проявляется инстинкт, который толкает китов на сушу, где ждали их далекие предки. Недавно стал известен первый случай, когда был спасен кашалот, выброшенный на отмель у побережья США. Береговой охране удалось

отбуксировать огромное животное длиной около 8 метров и весом 10 тонн на расположенную поблизости спортивную базу. Взяв анализы, специалисты установили, что кашалот страдает пневмонией. Ему «прописали» пенициллин, лекарство, которое давали вместе с кальмарами — любимой пищей кашалотов. Вскоре кашалот начал самостоятельно сползать к более глубокой воде. Через десять дней ученые выпустили его в открытое море.

«ТАЙМ», США

ШВЕЦИЯ — СТРАНА НЕКУРЯЩИХ?

Агнета Фальтсберг, певица из популярной группы «АББА», смотрит с сотен плакатов, расклеенных на улицах шведских городов, в молодежных клубах, дискотеках, школах, университетских общежитиях. «Некурящее поколение» — написано на ее майке. Под таким лозунгом в Швеции развернута кампания по борьбе с курением среди молодежи. В рядах движения — студенты, популярные артисты, известные спортсмены. Всего активных членов движения — около 30 тысяч. Оптимисты предполагают, что к 2005 году с курением в Швеции будет полностью покончено. По более осторожным оценкам — например, министерства социальных дел, — через 25 лет потребление сигарет снизится до уровня потребления 1920 года. Это оставит примерно десятую часть

того количества, которое 4 миллиона шведских курящих выкуривают в настоящее время.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

СТАРИК И ЛЬВЫ

На северо-востоке Кении, на расставленном дневнике перешла до ближайшего селения, живет одинокий старик, окруженный львами. Речь идет о Георге Адамсоне, исландца по происхождению. Недавно ему исполнилось 70 лет. Адамсон полвека назад приехал в Кению и почти всю жизнь прослужил егерем. Затем он сменил профессию и решил посвятить остаток дней возврату львов к естественным условиям жизни, которые по разным причинам были ими утрачены. Речь идет в основном о львах, оставшихся без родителей или выросших в зоопарках европейских стран. Адамсон рассказывает: «Многие годы я посвятил охоте на львов. Теперь я хочу сделать хоть что-нибудь для их благополучия».

Известно, что даже если львы родились в неволе, у них все же сохранились рефлексы диких животных. Задача Адамсона заклю-

чается в том, чтобы помочь «домашним» львам сблизиться со своими сородичами. Бывший егеря накопил уже немалый опыт по адаптации львов к природе.

Некоторым своим питомцам Адамсон надвешивает ошейники с мониторирующей и него портативной радиостанцией. Это дает возможность следить за передвижением львов. При необходимости им подает дупные команды, и львы послушно бегут к своему хозяину. Слово льва, они трутся о его ноги.

Адамсон намерен расширить свою «клиентуру» за счет леопардов и гепардов, которые были в недавнем прошлом широко распространены в этих краях. Однако «старинным» браконьеров численность их была сведена до критического уровня.

«КУТЕЗЭТОРИ», РУМАНИЯ

СОЛНЕЧНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Каких только идей не рождает изобретательское «человечество» в надежде если не предостеречь, то хотя бы отсрочить наступление сырьевых кризисов! Предлагаются новые и новые варианты использования энергии приливов, естественного тепла ветра, бу и, конечно, энергии солнца.

Варианты на тему «электромобиль будущего» — излюбленная тема автомобильных. Очередной об-

разчик такого электромобиля разрабатывает сегодня на улицах Берна. Он неведом, «чистоплотен» и шумлив. Разработал эту модель житель швейцарской столицы Маттиас Лаутербург, редактор одной из радиостанций. Автор детализировал свои замыслы: максимальная скорость электромобиля 50 км/час, дальность пробега без подзарядки батарей — 30 километров. А для того, чтобы батареи полностью зарядились при обычном дневном свете, швейцарский Лаутербург сконструировал на крыше машины солнечный коллектор. «Солнечное авто» обладает и еще одним преимуществом: проблемы, где бы привариваться, для него практически не существует — длина «машины» равна ширине среднего легкового автомобиля.

«ВОНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ДВИГАТЕЛЬ В ОДНУ ЛОШАДИНУЮ СИЛУ

Говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Видимо, этим принципом и руководствовался английский изобретатель Филип Барнес. В конце 1981 года он подаст патентную заявку на двигатель электромобиля, использующий конскую силу.

Поскольку на дворе все же вторая половина XX века, изобретатель позаботился об удобстве не только пассажиров, но и лошадей. Теперь им не придется прыгать в ослепляющую аэродинамическую кабину, разрабатываемую Барнесом, представляющей собой мини-автобус с сиденьями для пяти пассажиров и воздушный двигатель. В центральном отсеке автобуса на бесконечной конвейерной ленте располагается лошадь. Она питается, вода движется и через коробку скоростей приводит в движение электродвигатель. Тот, в свою очередь, питает электрический мотор, который и дает ход всему экипажу.

Преимущество такой конструкции, полагает Барнес, состоит в том, что лошади движется по ровной поверхности и не может повредить копыта. На ее хвост помещается термодатчик, который соединен с цифровым индикатором на панели, так что водитель-лошадник в любой момент может судить о температурном режиме животного «двигателя».

НЬЮ САЙЕНТИСТ,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ЗАГАДКА ЧЕРНОГО БУРНУСА

Группа ученых решила выяснить, почему женщины-бедуины, наделившие на сильную жару, носят бурнусы из шерсти черного цвета. Было бы логично, если бы этот цвет был белым — ведь белый поглощает меньше солнечных лучей. Да и сама по себе шерсть — разве она защищает от высокой температуры?

Исследователи тонкими современными методами определили поступление и потерю тепла у людей одетых в черный и белый бурнусы. Было установлено, что в пустыне черная шерсть поглощает тепла больше, чем белая, но в то же время она способствует большому испарению. Все еще неизвестно, почему температура на поверхности черного бурнуса при температуре воздуха 48 градусов достигает 47 градусов тепла, а внешняя температура белого бурнуса — только 41 градус, тогда как температура кожи человека в обоих случаях одинакова — 33 градуса.

Такая черная шерсть стала еще более любопытной, когда было установлено, что она поглощает радиацию в два с половиной раза больше, чем белый, а тело тем не менее не перегревается. Возможно, что этот эффект связан с длиной волн солнечного света или с не изученными пока особенностями прохождения света через черную шерсть.

СЬЕНС Э ВИ,
ФРАНЦИЯ

ВИРТУОЗЫ ИЗ КИШКУНШАГА

Тройка жмется, тройка смеется. А женщины, которые упряжили их, расхохотались, как вышло изопытывать мушкетера. Так деконструируют свое великолепное мастерство в обращении с ло-

шадьми виртуозы из северского муниципалитета округа Кишкуншаг. Пастухи или артисты? Пожалуй, все вместе, к то в другое одновременно.

ЛНВ - ГЛР

ПРЕСТУПНЫЕ «ЗАБАВЫ»

Доктор Томас Носс, врач детской клиники Мюнхенского университета предупреждает об опасности алкоголизма родителей для детей. Поглощение алкоголя в ФРГ растет из года в год. В 1980 году на душу населения в стране приходилось 12,7 литра потребленного чистого спирта. Неудивительно, что и дети вступают в опасный контакт с алкоголем, что может иметь роковые последствия. Например, только 20 граммов чистого алкоголя могут убить ребенка. А ведь такое его количество содержится в одной бутылке пива и четверти литра вина.

Даже стакан пива или вина может стать причиной острого отравления.

Многие родители не знают, какую опасность алкоголь представляет для детского организма, и позволяют себе преступную «забаву» — угощают ребенка спиртным. Анкета федерального министерства по делам молодежи, семьи и здравоохранения показала, что 41 процент родителей не видит ничего плохого в том, что ребенок «примет от времени немножко хлебнуть». К чему это приводит, показывает статистика: 150 тысяч детей в юности в ФРГ — алкоголики. И большинство пристрастилось к спиртному под влиянием родителей. Некоторые, например, дают выпить ребенку, чтобы тот, «крапче спал».

Результаты детальной Алкоголь вредит в первую очередь мозгу, а также сердцу, желудку, нервам. Мозг, например, резко замедляет свое развитие, что приводит к самым катастрофическим отклонениям в формировании личности.

ЭНИК - ФРГ

РАБЫ XX ВЕКА

Неподалеку от гантского городского госпиталя Пар-де-Ле каждый вечер разыгрывается одна и та же сцена: около 600 сельскохозяйственных работников-негров после продолжительных целых дней каторжного труда возвращаются в «лагерь» при помощи одного из крупнейших патрифундистов Ганты. Возвращаются смертельно уставшие, съедают скудный ужин и выстраиваются перед примитивными лампами, в которых жгут. После этого приходит надзиратель и надевает каждому надругавшему. Все ночь люди спят в цепях. Утром цепи снова снимают. Дикое хозяйство имеет сам помещик, личный друг диктатора Довалье-младшего. «Я подсчитал — завыли он — и у меня вышло: кто надругавки обходится гораздо дешевле, а главное — они надежнее, чем высокая плата заводит лагерь».

На Ганте и сейчас еще господствует рабство. Десятки тысяч безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих подписывают — «добровольно» — трудовые договоры с помещиками и становятся фактически их рабами. Работают по

12 часов в день и больше за ничтожную плату, терпя бесчеловечное обращение, поскольку, согласно подписанному «трудовому договору», они обязаны «вытерпеть спокойно случиться своего голодания». За каждый день, даже пустяковый проступок наказывают — ударами палок, лещами, замками на всю ночь, а то и более жестокими способами. Гантский священник Андре Марано собрал ценный документальный материал о современном рабстве на Ганте, установил, что сельскохозяйственные рабочие выдерживают в «лагерях» помещиков пять самых больших семь лет и умирают, плодятся, ть — сорокалетними. Однако патрифундистам не приходится опасаться нехватки рабочих силы на Ганте: 50-процентная безработица и всегда найдутся новые «добровольцы».

А поскольку современное рабство процветает и в поместьях диктатора Довалье оно на Ганте не только не преследуется, но, напротив, охраняется законом.

БОУМБА, КУБА

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ПОДГОТОВКА ОБРАЗЦОВ—ОПЕРАЦИЯ СРЕДНИ ХИРУРГИЧЕСКОЙ.

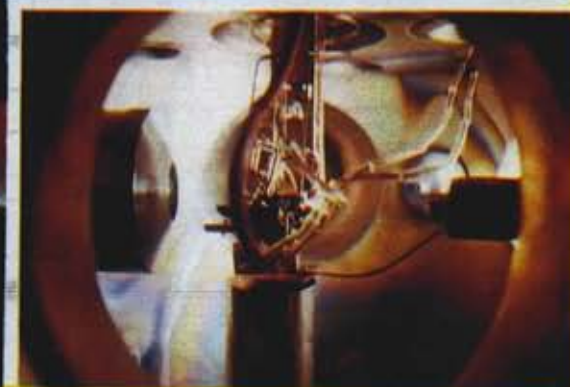
СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК НИКОЛАЙ КИРИЧЕНКО ИСПЫТЫВАЕТ НОВЫЙ СПЕКТРАЛЬНЫЙ ПРИБОР

В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ КАМЕРЕ ПРИ ГЛУБОКОМ ВАКУУМЕ ИССЛЕДУЕТСЯ ПОВЕРХНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ.

Репортаж об интересном

Станислав НИКОЛАЕВ.
Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

ГЛУБОКАЯ ПОВЕРХНОСТЬ

Термин «глубокая поверхность» придумали московские физики-метрологи для обозначения точного района своих исследований. Ну что такое «поверхность», все знают: внешняя, наружная сторона предмета. А вот как это поверхность может быть глубокой?

...Ступив на старинное монастырское подворье, я остановился в нерешительности. Как будто все было правильно—и адрес верный, и табличка у входа подтвердила, что я попал именно туда, во Всесоюзный научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума.

За массивной дверью открылся светлый коридор с лампами дневного света. В комнате, куда я попал, мерно гудел кондиционер, а у гигантской машины спокойно работали люди вполне современного вида.

— Мы привыкли оценивать все поверхности на глаз и на ощупь: «Вот эта шероховатая, эта гладкая, а та и вообще блестит, словно зеркало...»—улыбнулся руководитель центра лауреат Государственной премии СССР, профессор Николай Георгиевич Рамбиди.—Науку и технику такие, с позволения сказать, «градации» не устраивают. Специалистам необходимо точно знать, насколько та или иная поверхность чиста. Для этого в промышленности существует 14 классов чистоты или шероховатости поверхности, каждый из которых строго ограничивает высоту неровностей в миллиметрах и микронах.

Однако сейчас и этого оказывается мало. Например, при изучении таких физических явлений, как трение, износ, прочность деталей, необходимо видеть, как возникают микротрещины. Именно они зачастую оказываются первопричиной всех бед. Многие процессы радиоэлектроники, электротехники, сверхчистой химической технологии также требуют доскональных знаний «внешней стороны предметов».

Добычей таких знаний и занялись ученые-метрологи, чьей областью исследований стали поверхностные слои толщиной от микрометров до нескольких ангстрем. Вот она, глубокая поверхность,—не только по самым «верхам», но и чуть-чуть глубже.

И дается это самое «чуть-чуть» столь же трудно, как проходка сверхглубокой скважины. Впрочем,

такое сравнение не совсем правомерно: в каждом деле свои трудности. Но попробуйте-ка придумать, каким инструментом можно проникнуть на площадке не более квадратного миллиметра вглубь на считанные микроны... Сверлом, иглой из сверхтвердого сплава, алмазным резцом?... Ионным лучом!

Ведущий инженер Михаил Булеев показывает мне аналитическую машину—ту самую «подкову», о которой уже говорилось вначале. По внешнему виду она еще похожа на пульт управления какой-нибудь грандиозной установкой, скажем, ядерным реактором. Вот панели с многочисленными кнопками и индикаторами, вот телевизионный экран, вот печатающее устройство ЭВМ, выдающее уже обработанную информацию...

Но рядом с пультом расположилось нечто, напоминающее, пожалуй, металлического ежа. Шар размером побольше баскетбольного мяча весь усеян отростками труб и шлангов.

— В этот «мяч», а точнее в рабочую камеру аналитической установки, мы и помещаем исследуемые образцы,—поясняет Михаил.

Затем включаются вакуумные насосы, устройства для сильного разогрева или, напротив, глубокого охлаждения исследуемого образца. И через 10—12 часов в камере будет создан глубокий, прямо-таки космический вакуум. Он необходим потому, что иначе (при нормальном давлении) к чистой поверхности не пробиться; она вмиг покрывается слоем молекул и атомов различных газов, воды, масел—всего того, что в избытке содержит окружающая нас атмосфера. Лишь надежно оградив поверхность от незваных гостей-прилипал, физики могут приступить к исследованиям. В ход идут электронный микроскоп, ионные пушки, лазерный луч...

Ионным лучом, как своеобразным сверлом, и «выгрызают» мельчайшую, от 5 до 50 ангстрем глубиной, лунку в поверхности образца. Говоря другими словами, в распоряжении исследователей появился инструмент, позволяющий снимать с образцов отдельные слои атомов, точно анализируя структуру и состав каждого слоя.

Понятно, что управлять столь сложными процессами вручную так же сложно, как слону работать

продавцом в посудной лавке. На помощь исследователям приходит ЭВМ. Вычислительная же машина ведет и распечатку получаемых результатов, выдавая их в виде готовых таблиц, диаграмм, графиков.

В соседней лаборатории вместо одной установки я увидел сразу несколько. Правда, размерами они были поменьше, а вот работу, как выяснилось, выполняли ничуть не менее уникальную.

Человек в белом халате щелкнул тумблером, и полутьму комнаты прорезала алая молния лазера.

— В некоторых случаях бывает необходимо анализировать не только саму поверхность, но и те пары, которые образуются при атомной, ионной или лазерной бомбардировке исследуемого образца,—пояснил мне руководитель одного из секторов центра Расим Мухтаров.—И снова нам на помощь приходит квантовый оптический генератор. Лазерный перестраиваемый спектрометр может обнаруживать и измерять ничтожные концентрации газов—вплоть до 0,000000000000001 грамма на кубический сантиметр объема!

Это число Расим написал в моем блокноте, потому что его трудно и представить и произнести.

При помощи такой аппаратуры и удалось получить ответы на многие вопросы. К примеру, электронный сканирующий микроскоп дал возможность зафиксировать все подробности зарождения микротрещин. А исследования глубокой поверхности двух образцов, казалось бы, одинаковых сталей помогли разгадать загадку морозоустойчивости одной из них.

Метрологи продолжают работу. В их лабораториях рождаются все новые приборы, которые помогут досконально разобратся в сложной внешности окружающих нас предметов.

...Я вышел из бывшего монастыря. Большой город вокруг жил стремительной жизнью второй половины двадцатого столетия: по набережной бежали разноцветные «Жигули», «Волги», «Москвичи», катили степенные грузовики. Прошмыгнула на мост шустрая электричка. И, глядя на застывшую поверхность Москвы-реки, вспоминая об увиденном, я подумал: «Внешность все-таки обманчива. Истинная природа вещей и явлений открывается лишь тогда, когда смотришь хотя бы чуть-чуть глубже...»

СЛЕЗЫ И ЛАВРЫ

Станислав ТОКАРЕВ
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Много лет назад в тренировочном зале я наблюдал такую сцену. У брусьев стояла Тамара Лазакович, известная гимнастка начала семидесятых годов, чемпионка мира и Олимпийских игр в команде, — то-ненькая, беленькая, фарфоровая. Злая стояла Лазя, аж уши светились, польская. А рядом со мной сидел на скамеечке ее тренер Дмитриев, тот самый Викентий Дмитриевич, о котором упоминала Петрик.

— Ну не получается, Викентий Дмитриевич, ну не выходит, — твердила она жалобно и свирепо.
— Отдохни, — советовал Дмитриев.
— Ну остыну же!
— Работай. — На широко, простом лице Дмитриева черточки не дрогнуло.
— Так ведь устала!
— Так ведь отдохни!
— Ос-стыну! — Она шипела уже, фыркала.
— Работай.

Она вдруг набьчилась, дунула, плюнула в руки, напряжилась, задрожала каждой жилкой, и шепотом приказала себе: «Лазя, надо!» И кинулась на жерди. И все получилось.

Рассказано к тому, что в эпизоде этом природная, а пуще того нарочитая флегма Дмитриева оказалась полезным раздражителем для темперамента Лазакович.

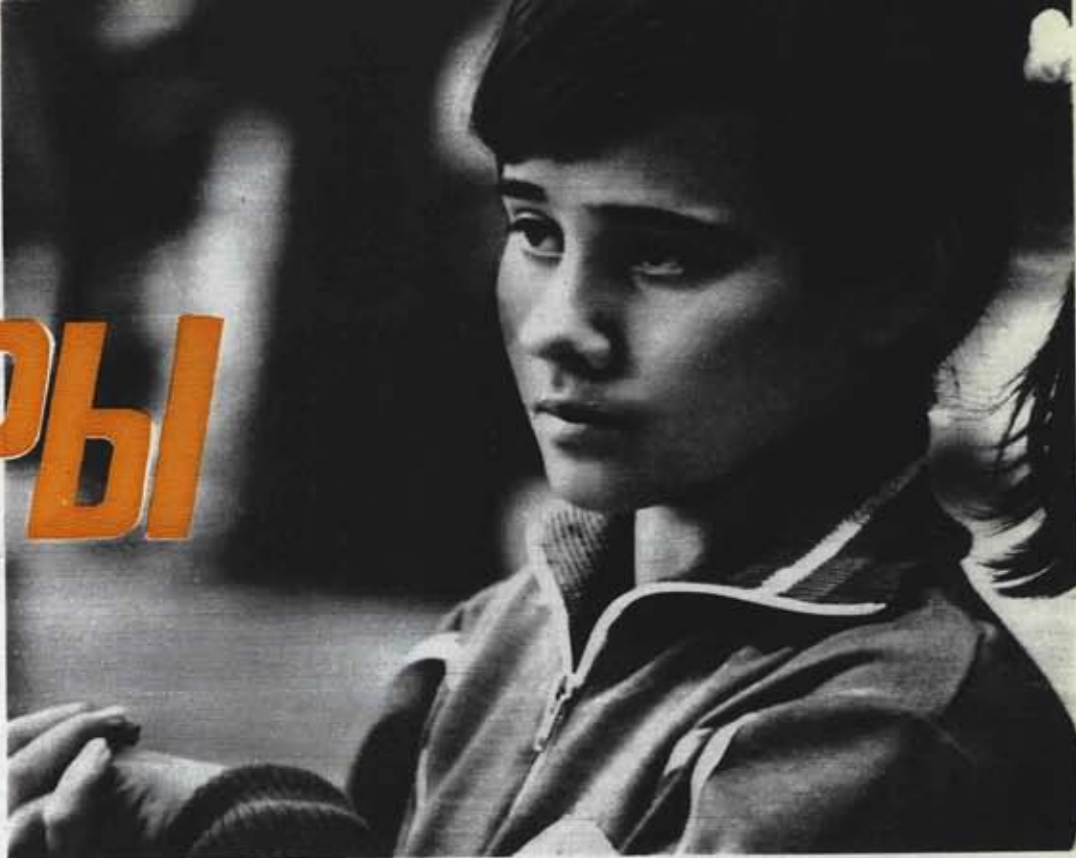
Известный тренер по прыжкам в воду Татьяна Максимовна Петрухина называет такое состояние «холодной злостью» — это когда крайнее напряжение самолюбия обостряет работу мозга, и движения обретают предельно сознательную чуткость. Дмитриев на моих глазах показал себя тонким психологом, но помогло ему то, что он по природе спокоен и ровен, и Тамарина ярость, словно отражаясь от его толстой кожи, обретала силу направленного взрыва.

О Растороцком же и Шапошниковой мне один спортивный врач-психолог сказал: «У нее сильная мотивация, и у него сильная мотивация, он горит, и она горит. В данном случае плюс на плюс дает минус».

Как ни понимал — умом — Владислав Степанович, что с Наташей надо вести себя иначе, чем с Людой, что переделывать, перестраивать себя нужно, но многолетняя привычка — вторая натура, а пуще того натура первая препятствовала ему в этом. Тихий ребенок с челкой был камешек, который то холоден, как ледышка, высокомерно холоден, то вмиг накалялся, кажется, до того — пальцы обожжешь, страхуя. Неуправляемо было это дитя. «Улыбайся», — а оно словно мышь на крупу; «Уйди из зала», — а оно застыло. Да еще скажет такое: «Сами уходите».

Хоть ты стой, хоть падай.
И ведь все, что мог, сделал, кажется, Растороцкий, чтобы стала она лучшей на земле, второй Турицевой, если не сильнее. Создал ей программу по высшим мировым меркам, выше этих мерок, и что ни чемпионат мира, то заграничные специалисты, заграничные журналисты заранее его спрашивали, как, что да почему, и в газетах «Шапошников... Шапошников...», а она в последний момент — бац, и заваливается, как назло.

На давнем первенстве страны был случай — она «завязалась» на брусках. Владислав Степанович, честное же слово, ее не ругал — просто, как надо, все объяснил, ну, может, в повышенном немножко тоне, а она с бревна упала. Он плюнул, на другой день совсем не пошел на соревнования, лежал в номере, небритый, мрачный, ждал, что будет. Вечером приехали друзья: «Слава, ну и молодец твоя Шапа — выступила просто безукоризненно!»

ЗАЧЕМ ЖЕ ДОЛОГ ТАК К УСПЕХУ ПУТЬ?.. ГИМНАСТКА НАТАЛЬЯ ШАПОШНИКОВА.

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Она это дело, должно быть, запомнила. И на Олимпиаде в Москве к нему подошли — осторожно так, вежливо: «Владислав Степанович, вы только, пожалуйста, не обижайтесь, но Наташа просила вам сказать, чтобы вы к ней не подходили». Не сама — через третьих лиц передала, как все равно чужому.

Он вспомнил, как Люда всегда искала его глазами, ловила взгляд, и знаки, которые он ей делал, понятные только им двоим, были ей необходимы, и однажды она не могла понять, что вдруг шатнуло ее на бревне, а это он, как после мне рассказывал, решил поэкспериментировать, пропустил в уме элемент, и тотчас ее шатнуло — он этого простить себе не мог.

Во Дворце спорта Лужников Растороцкий сидел под самым потолком. Даже смотреть не хотел на Шапошникову. Не хотел, но смотрел, безошибочно угадывая среди всех — крохотных — ее микроскопическую фигурку. Она получала высокие баллы, но он тренерским оком видел (и неумной душой жаждал), что все можно делать еще легче, еще шире, еще шикарнее. «Я знал, ты пойми, я знал, где ей что подсказать, если бы я рядом был, она бы Олимпиаду выиграла».

В финал многоборья Шапошниковой вошла второй, финишировала четвертой.

«Потом подошла ко мне, вот так вот головушку, как под крыло мне, спрятала: «Владислав Степанович, я знаю, я была неправа».

На этом фоне взаимной сердечной размятченности минул последний день, когда разыгрывались медали на отдельных снарядах. Растороцкий, выбритый до того, что скулы сияли, тихо ходил возле помоста. «Поспокойней», — говорил, — ты ж все умеешь, ты ж у меня лучше всех», — и она, как могла, старалась. Приземляясь после прыжка, ножками, точно иголками, впивалась в пол. Получила «золото». И потом еще две «бронзы». Лучше ее никто из нашей сборной в тот день не выступил.

А потом снова начались нелады.
Надо сказать, что у Владислава Степановича вообще после Олимпиады пошла черная полоса. Он очень верил в талант Наташи Юрченко, девочки видной, красивой, умной. А ум он особенно ценит, когда-то в своей статье писал: «Научи ученицу вникать в то, что ты хочешь, и делать то, что говоришь. Приказать легче. Не так хлопотно. Но легкость эта — до поры до времени. Я замечал, что чаще всего в нашем виде спорта спортсмены уходят от тренеров лет в шестнадцать-семнадцать. Тут тренеру совсем обидно: спортсмен-то сложившийся, а кто его сложил? Ты. А кому-то другому готовеньким достанется. И все почему? А потому, что к тому времени в спортсмене формируется собственное понятие о гимнастике, собственное видение гимнастики. Но если с детских лет его приучали не вникать, а слепо исполнять, подавляли в нем навык думать, то он перестанет открывать тренеру свои мысли. Тем более, что тренер, привыкший к слепому подчинению, может счесть пробуждение мысли за капризы, за своеволие. В такой момент, в такой ситуации часто до того и доходит.

что у спортсмена действительно проявляются капризы, у тренера — попытки подавлять бунт ученика, и в итоге они расстаются. Расставшись же, оба многое для себя теряют. И все потому, что мальчишка и девочку с детства приучили не вникать в указания тренера, а принимать их на веру. Доверие, даже самое безоглядное доверие младшего к старшему, ученика к учителю, не может быть слепым. Мы люди, а не бараны».

Так вот, думающая, читающая, серьезная девочка Юрченко, любимая Славина Юрча по непонятной для него причине на помосте буквально приходила в транс — волоокий ее взгляд делался сомнамбулическим, ладони тряслись и промахивались.

О другой ученице, Лене Пономаренко, Владислав Степанович мне говорил: «Начали учить «перелет Ткачева» на брусках. Она ж брусистка, она этот снаряд на юношеском первенстве Европы выиграла. И она по пять подходов — по копейке, без страховки — делала. На второй месяц стала плакать, появился симптом усталости. Стала бояться. И сейчас все время плачет. Не могу детских слез видеть. Не то чтобы у меня не плакали — ревели. Пора бы привыкнуть, а не могу... Не разгрузишь нервную систему, ребенок попадает в тупик. Когда даешь перегрузки и чувствуешь, что даешь, обязательно ребенок сомневается. Он может даже бросить: «Не хочу вашей гимнастики». Даже у ребенка, который тренеру доверяет, такое может быть».

Приведу на ту же тему высказывание Ирины Родниной — тренер-то она пока начинающий, но двадцать лет в спорте не шутка.

«Сейчас все сложно, очень уж спорт помолодел: в пятнадцать лет — член сборной, а он еще ребенок. И вот он стоит перед тренером, а тренерское начало — диктаторское, а это так опасно, поскольку тренеру, каким бы незаурядным он ни был, трудно проникнуть в чужое нутро, тем более детское. Дети, например, с точки зрения физической неутомимы, и мы, взрослые, этим качеством пользуемся. Не изучаем, а пользуемся. А морально дети горят, перегорают. Взрослый, если он нервно переутомлен, он это сознает, он может сказать себе «стоп», а у ребенка не поймешь иногда, то ли он утомлен, то ли перевозбужден. Взрослый может взять себя в руки, дать себе чуть-чуть поблажки, ребенок — вот он только что юлой вертелся и моментально сник, а тренер требует, чтобы он не снижал. Через год-два из состояния психологической усталости его уже трудно вывести. Потом спрашиваем: «Куда мальчишка делся? Такой был способный...» Сумасшедший век — все торопимся. Результат дать торопимся...»

Волна омоложения захлестнула мировой спорт. Представители плавания, гимнастики, прыжков в воду, фигурного катания были лишь первооткрывателями, сейчас даже штангой начали заниматься в школе, а, так сказать, «изысканными видами» — в детских садах. Причины здесь и физиологического, и психологического, и социального порядка.

Бесспорно, юный организм — это свежесть, пластичность реакций, восприимчивость к сложным навыкам, та неутомимость, о которой говорит Роднина. Спортивная наука ломает головы над пробле-

мой восстановления физических сил (реабилитации — по-современному) после нагрузок, которые все объемней. А маленький сбегается во дворе, наиграется так, что, кажется, сейчас пластом ляжет и до завтра не встанет, а полежал, глядишь, немножко, и готов к новым проказам.

Маленький, он безоглядно верит тренеру, он воск в тренерских руках: «делай так» — и он хоть на голову встанет. Повзрослев, он пытается выскочить в ход мыслей тренера (тут-то прав Растороцкий), и не только потому, что тренер его к этому приучил. Даже если не приучил, все равно стремится. Во-первых, ему интересно, его мозг, развиваясь, требует информации. Во-вторых, что немаловажно, взрослеющий спортсмен — сперва подсознательно, потом все сознательнее — стремится выскочить в секреты методики просто из чувства самосохранения: правильно поставленная техника гарантирует ему безопасность от травм, неправильной он сопротивляется, он уже знает, что такое боль, гипс, операция, больница. Тренеру же — тому, который торопится дать результат, — такой размышляющий, сомневающийся не нужен. Чтобы объяснить, надо уметь объяснить, надо тратить силы, тратить мысли, да просто самому много знать, а в спешке тебе не до познаний, не до самоанализа.

Наконец, вот еще что. Пока твой воспитанник учится в школе, особенно в младших классах, он не задумывается о будущем, не планирует его — безраздельно, щедро отдает время и силы тренировкам.

Другое дело, что есть тренеры — скажем так: большая часть нашего тренерского корпуса, — которым вовсе не безразлична успеваемость учеников в общеобразовательных школах. Тот же мой Владислав Степанович в уже упомянутой статье писал:

«Приучи спортсмена делать все на «отлично», и он будет отличным спортсменом. Мне говорят: «Ну что, если он учится на тройки, — он же тренируется, ему же трудно». Я с этим категорически не согласен. Моя Люда училась в школе только на «отлично». В институте тоже. Я знаю, каким колоссальным напряжением ей это давалось. Я видел ее сонные глаза каждое утро в половине шестого — час начала наших тренировок — и понимал: она не выспалась, потому что за полночь просидела над уроками. Я видел, знал, но ни разу не уговорил ее сделать себе послабление. Хотя, казалось бы, как тренер, я просто обязан был сказать об этом — ведь недостаток сна порой плохо влиял на тренировочный процесс. Из чего я исходил? Из двух положений. Прежде всего — общеобразовательная школа развивает мозг так же, как спортивная — мышцы. А спортсмен, мышцы которого развиты хорошо, мозг же — неважно, никудышный спортсмен. И потом — это самое главное — волевые усилия тренируют волю. Воля нужна в тренировках так же, как сила и ум. Жизнь — это порядок. И здесь каждая мелочь пишется в общий счет. Ты пообедал и не вымыл за собой посуду. Ставим минус. Ты провалялся на диване, смотря телевизор, вместо того, чтобы решить лишнюю задачку по физике. Ставим еще минус. Ты на десять минут позже лег спать без уважительной причины. Снова минус. У тебя тройка в дневнике. Минус, и очень жирный. Сложим минусы вместе и придем к выводу, что ты плохой спортсмен, что чемпион из тебя не получится».

Растороцкий в этом, как и во всем остальном, максималист. Есть точка зрения более реалистическая, она принадлежит Николаю Григорьевичу Толкачеву, создателю знаменитой Владимирской гимнастической школы, воспитателю прославленного Николая Андрианова:

«... Два парня с одной парты получили по тройке с минусом — едва натянули. Один обалдуил, курит и выпивает уже в девятом классе, другой — мастер спорта, тренируется по несколько часов в день. Разве справедливо их равнять? Я на эту тему выступал перед директорами общеобразовательных школ, и потом одна директорша у меня спросила: «Так что же, я должна глаза закрывать на двойки?» Не надо закрывать глаза, вы их откройте: да, девочка учится неважно, но она и тренируется, и у нее трудная семья, трудная судьба. Ах, вы в это не вникали? Как же так — она у вас десять лет! Помогите ей, пусть она станет тренером — обычным, рядовым, но и это — место в жизни».

Толкачев мечтал завести в своей спортшколе должности «тренер по математике», «тренер по физике», «тренер-словесник». Чтобы подтягивать ребят, помогать им учиться.

Интересный, думающий тренер из Алма-Аты Наталья Попова-Цаленко рассказывала мне недавно, что она чуть ли не наизусть выучила программу средней школы — она сама со своими девочками всеми уроками занимается.

Но знаю я случаи, когда тренеры не только не препятствовали ребятам оставаться на второй год — просто сами это поощряли.

Дело, повторяю, в том, что, пока ребенок не задумался о дальнейшей жизни, его судьба всецело в распоряжении тренера. Но ведь приходит и время задуматься — о вузе, о будущей работе. Приходит, наконец, время пробудиться миру чувств. Словом, возникает ряд обстоятельств, отвлекающих юного человека от бдений в зале, на стадионе, на катке. Вот и торопится тренер взять от него максимум, пока эти обстоятельства не возникли.

«... Все куда-то бегут, куда-то лезут, куда-то ломаются...»

Это я вспоминаю Ленинград, Кубок страны 1981 года, куда Растороцкий Шапошникову не привез, приехал с Юрченко, уверенный, что она, как выйдет, красotka, так всех и превзойдет.

А она затерялась, растерялась среди тех, кто ей по плечу, прытких, нацеленных, с железными локотками.

Слава грустно мне рассказывает:

«На разминке она не успела к бревну подойти, а в зал вбежали человек пятьдесят, ей бы сказать, что ее очередь, а она стояла и ждала. «Что ж ты не сказала?» «Как-то неудобно было». А другие лезли... А она культурная...»

Он сидит на кровати в гостиничном номере, сгреб себя пятерней за лицо, сжал, смял, оно сделалось багровым, и белесая щетина явственной проступила на булыжных скулах.

«Куда все бегут, лезут, ломаются?.. Юрча должна переварить мои идеи, у меня еще много идей, вагон идей, вот когда она переварит, это будет дело».

Неожиданно бурчит нечто, что противоречит его прежним высказываниям. Похоже, не со мной, а с самим собой разговаривает:

«Люде говорил: «Учись на пятерки». Юрчу в школе хотят на золотую медаль вывести. Но сейчас гимнастика другая, надо побережь нервную систему...»

Снимает трубку, звонит в номер Юрченко:

«Наташа, отдохаешь? Ну, ладно, завтра бросимся. Но умно бросимся. Давай, доча, отдыхай».

Назавтра Юрченко была совсем сама не своя. Он мне сказал: «Я проиграл. Не она — я. «Я боюсь выступать, — вот какие ее слова. — Владислав Степанович, я боюсь». Чего ж такого я не понимаю?»

Перелистывая сейчас блокноты — минский, ленинградский и старые, пятилетней, десятилетней давности, — ища в них записи о Растороцком, я ловлю себя на мысли, что, может быть, Владислав Степанович просто подрастерялся, когда волна омоложения со своей спешкой, лихорадочной одышкой, бездумной недальновидностью захлестнула его. Все его взгляды, все жизненные позиции противоречат холодному прагматическому расчету. Он же сам руку себе топором отрубил, прежде чем этой рукой, например, подделает метрику своей девочке, чтобы выдать тринадцатилетнюю за пятнадцатилетнюю, получить право вывести натасканную малышку на взрослый помост...»

Я вот не пойму, в голове не укладывается, как можно, смотря в доверчивые, беззаветные детские глаза, приказать: «Если спросят, сколько тебе лет, говори, что пятнадцать». Какими высокими резонами можно оправдать ложь? Первую ложь, которая, будучи разрешенной, больше того — навязанной, может повлечь за собой цепочку других неправд по отношению к тренеру, а ему ведь необходимо — профессионально необходимо — слышать и знать об учениках чистую правду.

Однако не только в этом суть вопроса. Не только и не столько. Нравственное воспитание составляет основу тренерского дела — это понятие совершенно конкретно. Вводя ученика за собой — как гаммельнский флейтист, о котором упоминал в своем монологе Сергей Печенджиев, — в пучину физических напряжений, волевых усилий, моральных испытаний, понимая, что для победы надо бросить на чашу весов все, до крохотной крохи, и еще сверх того, и, может быть, потерпеть поражение, упасть в бессилие и опустошенности, и встать, и все начать сначала, тренер должен быть оправдания этого всего выдвигать перед спортсменом самые весомые, самые высокие, самые истинные и глубинные мотивы.

А они в конечном итоге состоят в том, что спорт высоких достижений служит прославлению нашей страны, пропаганде нашего социального строя, что победа — она не тебе одному принадлежит, но народу, от имени и по поручению которого ты вступаешь на пьедестал. Ты ответствен не только перед самим собой, но перед токарем у станка, забойщиком в шахте, комбайнером на жатке, композитором у рояля, ты им доставил радость и, наоборот, облегчил труд. И пусть видимых материальных и духовных ценностей большой спорт не приносит, душевный подъем, который он способен вызвать в миллионах людей, хоть и не выражается, скажем, в цифрах перевыполнения планов, представляет собой вполне ощутимую реальность бытия страны.

Я уже говорил о той особой, словами не объяснимой связи, которая существует в спорте между

учеником и учителем. Первоначально она односторонняя, но совместная деятельность столь тесна, а стрессы столь обостряют чувствительность спортсменов, что очень скоро связь становится двусторонней, и воспитанник читает в душе воспитателя почти так же свободно, как и тот в его душе: поразительно быстро взрослеет эмоциональная сфера детей спорта. Взрослея же, они ощущают, где тренер говорит и действует «для меня», где «для себя» и где убежден, а где кривит.

Отдавать, а не брать — закон тренерской профессии: лавры и литавры все-таки достаются ученику. Поэтому альтруизм, самопожертвование суть профессиональные качества, их же отсутствие, равно как и иные, чем те, которые тренер стремится вложить в ученика, мотивы собственной тренерской деятельности волей-неволей отталкивают, отчуждают юношу или девушку от их тренера.

Он учит сложнейшим навыкам, хотя сам к ним не способен. Это — дело техники, методики. Свойства же души можно вложить в другую душу единственным способом, и ничто тут не поможет — ни методическая изощренность, ни опыт, ни красноречие. Только собственный пример.

Я не против омоложения как такового. Смешно упираться кулаками в корпус движущегося на тебя локомотива истории спорта: история обратного хода не знает. Вопрос сегодня не в том, как рано начинать занятия спортом, но в том, как рано их заканчивать. Вопрос о сохранении человека в большом спорте — и сугубо практический, технический, и нравственный, моральный.

Спешка противопоказана законам тренерского мастерства, глядящего, что путь к освоению сложного движения состоит из цепочки движений более простых, и чем логичнее связи в этой цепочке, тем ближе цель, тем надежнее, стабильнее, а значит, безопаснее окончательный итог. Спешка заставляет не шагать по ступенькам, а прыгать через них, и вред здесь тройной. Спортсмен, выполняя сложное, ошибается в простом. Спортсмен ошибается в сложном, поскольку не знает простого, из которого составлено сложное, а ошибка влечет за собой не только снижение оценки (это бы еще полбеды), но травму, она же тем тяжелее, чем закрученной, а значит, рискованной движению. Тренер, отыкнув от углубленного продумывания упражнений, последовательно ведущих к цели (или — не привыкнув, это смотря по возрасту и опыту), перестает творчески расти.

Спешка не только изнашивает до поры нервы спортсмена, но не дает ему ощутить свое занятие как область сознательного труда, себя же самого — как систему, управляемую мозгом. Не чужим — собственным. Отсюда — тренировки становятся ему неинтересны, в них нет элемента сотворчества с тренером, есть подчинение, которое чем дальше, тем бессмысленнее ему кажется. Это, а не только физические и нервные травмы побуждают порой юного человека оставить спорт раньше, чем он реализует свою личность.

Спешка, приводя к преждевременным уходам, не дает созреть в спортсмене активному, гражданскому началу, сознательной идейности, о воспитании которой говорится, в частности, в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

Убежден, Владислав Третьяк, наш выдающийся, лучший в мире хоккейный голкипер, во многом потому совершает истые подвиги самоотреченности на страже своих ворот, что руководят им самые высокие и светлые мотивы, а не один лишь талант. Третьяку большой тренер Анатолий Тарасов доверил его пост в шестнадцать лет, сейчас ему подходит тридцать, он почти полжизни на верной службе спорту, а его-то вратарское дело куда какое нервное. Вот пример, доказывающий, что вопрос не в том, как рано начинать, а в том, как долго и полнокровно должна длиться жизнь на арене состязаний.

И, наконец, спешка — по всем статьям — просто антигуманна, она противоречит нравственным законам нашего общества.

Не будь это так, я не был бы уверен, что она явление временное, преходящее. Она ведет в тупик, а тупик невозможен в истории, этому учит нас марксистская диалектика. Очевидно, мы имеем дело с видимыми чертами некоего внутреннего противоречия между отживающим и нарождающимся. Очевидно, современная методика больших временных нагрузок пришла в столкновение с уровнем достижений, которого требует будущее, и надо научиться работать интенсивней — не быстрее, а именно интенсивней, рациональней и умней, без малейшего ущерба для качества воспитания. Решением этой задачи озабочена наша средняя школа, там сходные проблемы, но там огрехи не столь физические ощутимы.

Впрочем, может быть, в последнем утверждении я неправ, но у кого что болит, тот о том и говорит.

Однако мне легче с теоретическими посылками и оптимизмом в историческом масштабе. А каково Владиславу Степановичу Растороцкому в конкретных, сиюминутных обстоятельствах его жизни? Его словно бросает от полюса к полюсу. То он в ненасытном стремлении вновь со своими учениками оказаться на гребне, подхлестываемый сознанием, что их могут обогнать, бросается, задыхаясь, в гонку, то берется за голову: «Дурак я все ж таки (как говорил мне однажды), угробить же мог девчонку, куда, скажи, тороплюсь? Ты пойми, я жизнь посвятил детям, меня из моего зала ногами вперед вынесут... У меня все на человечности».

Вот тут я поставил точку и поехал к нему — на озеро Круглое, возле которого на олимпийской базе сильнейшие гимнастки страны готовились к чемпионату мира.

В зале на весах стояла Шапошникова, самоуглубленно гнала гиры по шкале. Я спросил: «Наташа, где твой тренер?», — готовый к тому и боящийся того, что вдруг она мне назовет иное имя-отчество. «Владислав Степанович играет на бильярде», — благонаравно пропихнула она.

Владислав Степанович грыз кулак и, сощурился, смотрел на шар. Советчики гомонили: «Замазан... Где замазан — чистый... Слава, «свояка» давай... Не бей, накати...» — Он пригнулся. Шар упал в лузу. Владислав Степанович горделиво осмотрелся: «Как я его? Ну, скажи, не король?» С треском вогнал последний и до того расслаился, что словно нимб встал над головушкой. Я сказал: «Пойдем потолкуем».

Вот этот разговор.

— Почему ты все-таки в Минске тогда на соревнования не пошел?

— Ты пойми, я в таком был состоянии... Три девчонки у меня выступали — Шапа, Юрча, Алка Шишова. Я думал: хоп, и инфаркт, хоп, и помру, — честно, я чего-то надорвался, и мне говорили: «Владислав Степанович, так нельзя, надо ходить», — а я, когда в номере лежал, я все на будущее продумывал, я себя буквально за прошлое казнил, казнил и продумывал, продумывал и казнил.

— Как у тебя с Наташей?

— С Шапой? Я с ней две недели не разговаривал. Ее летом в Турцию посылали выступать, она мне говорит: «Владислав Степанович, я считаю, мне не надо ехать, это нанесет вред моей подготовке», — а я настоял, на меня же тоже давили, что надо ехать, ты понял? Она вернулась — три кило лишнего: «Владислав Степанович, я же говорю, не надо, видите, я была права». Я ей: «Наташа, нужно же тоже голову иметь, соблюдать все-таки режим». А тут на сбор в Леселидзе мать ее приехала: «Она у вас худая, совершенно прозрачная, мне не медали нужны, а здоровье», — а сама колбасы привезла, сала, конфет, понимаешь, всяких, и я смотрю, Шапа все жует. Я говорю: «Наташа, не нажевывай, это корова нажевывает, а ты человек», — я матери говорю: «Вы Наташе родня, а спорту вы посторонняя, совершенно штатская женщина и не понимаете про режим», — а Шапа: «Вы мою маму оскорбляете», — а сама жует — назло. И я не стал с ней разговаривать.

— Ну, а сейчас-то?

— Ну, сейчас... Она ж, ты видал, какая стройная, она звенит. Она все поняла, она извинилась.

— Слава, в который раз?

— Ну, а свои дети сколько обижают родителей, мы ж терпим... Слышь, у меня еще тут целая проблема. Шишова тоже в команду попасть может, тренеры мне говорят: «Слава, она что надо девчонка», — а она, понимаешь, меня к Шапе ревнует, на бревно с ней вместе не идет, сидит в раздевалке. «Ты что сидишь?» «Я жду, пока Наташа уйдет». Понял заявочку? Я им объясняю: «Девочки, надо быть добрыми друг к другу, человечными», — а они друг на друга косятся. И я голову себе ломаю, какой к ним такой найти тонкий подход, я Макаренко читаю.

...Под этой историей нельзя подвести черту, чтобы вывести мораль. Растороцкий, как тот флейтист, ведет за собой учениц, только вот дорогу он выбирает по ходу дела, натываясь на ямы, на колдобины; мосточки через них перекидывая, чтобы легче девчонкам шагало. Как знать, с чем он еще встретится, как предугадать и предупредить?

Езда в неизвестное — педагогика спорта.

Растороцкий ушел к себе, я отправился на автобус. По дороге встретил Шапошникову. До носа надвинув капюшон куртки, одна, в себя погруженная, топала в лес.

Что в ней, в живой тайне на тонких ножках?

Р. С. В команду на чемпионат мира ни Шапошникову, ни Шишова не попали. Растороцкому придется все начинать сначала.

Валентин СОРОКИН, лауреат премии Ленинского комсомола

Юрию Пихову.

Жаркий полдень травы косит.
И звенит на тыщи лет
Чудный свет зеленых сосен
И полей зеленых свет.

Слышу дальний голос друга.
Вижу предков письмена.
Зелена моя округа,
И Россия зелена.

Да, ты, Родина, большая —
Взмахи зорь бегут из тьмы.
И обнять тебя мешают
Перелески да холмы.

Слева море, справа море.
Но все то,

что нам дано,

Затерять в твоём просторе
Никому не суждено.

Вскрикнет ветер, гикнет лихо,
И опять к тебе на грудь
Облака садятся тихо
В перелетах отдохнуть.

Баллада о ките

В океане, где волн табуны
Машут гривами в синих просторах,
Разноцветные флаги видны
Кораблей, острогрудых и скорых.

Замирает от страха Нептун,
Если видит,

движением быстрым

Человек посылает гарпун
Над пучиной древней со свистом.

И летит, серебрясь над водой,
Стреловидное грозное жало
Так, что мечется кит молодой,
Чует, дикая смерть задышала.

И стучат на ветру плавники,
И звенящее тело торпеды
Буруны рассекает напрямки
И уйдет в необъятность с победой.

Там, где небо нахмурило бровь,
Где гроза негодует с валами,
Из-под жабры струистая кровь
Польхнет и остынет, как пламя.

И куда ни толкнешься — борта,
Сталью склепаны, сварены сталью.
И зовет разъяренно кита
Высь, гремящая звездною далью.

Прохладно у речки, светло и напевно.
Скажи мне, лягушка, ну чья ты царица.

Красивая, нежная и молодая,
Льняная, иль темная, иль золотая.

Ну чья ты царица, скажи мне, лягушка,
А может, одна ты, как в мире кукушка:

Не сладит никто тебе верную крышу,
Никто в твои волосы ночью не дышит.

И тело твоё, что тоскует глубоко,
Лишь лунное видит, холодное око...

Душа болит о поездах,
О безотчетных расстояниях,
О безмятежных состояниях,
О быстро прожитых годах.

Все, как степной летящий свист,
И даже молодость, родная,
В туманах криком пропадая,
Вдруг унеслась быстрее, чем лист.

Душа болит о теплоте
Ладоней женщины любимой,
Единственной,
необходимой
Жар-птице в древней темноте.

Я много думаю теперь,
С кем мне дружить,
с кем громко драться,
Кому помочь в беде стараться,
На стук открыть полночью дверь.

Душа болит о пареньке,
В морях призвания парящем,
Тревожном, правильно держащем
Огонь призвания в руке.

Так много сошло с высоты
Кипящего, желтого зноя,
Погибли, казалось, цветы,
Не сдюжив коварство земное.

Уже гладиолус поник,
Увял и, к траве припадая,
Искал затаенный родник,
Но местность пустела родная.

Уже захлебнулась жарой
В глубинах двора маттиола.
А солнце ползло за горой
И жалами полдень колело.

И только, строга и чиста,
Предчувствуя дальние грозы,
Отважно взлетала с куста
Большущая красная роза.

Как будто кричала: — Гляди,
А я не тоскую по югу,
Вот скоро примчатся дожди
И вымоют звонко округу.

Во тьме снегов, где голос глуше,
Во мраке ночи, где тоска,
Остановись ты и послушай
Тревогу мира — у виска.

Она по вскинутым вершинам
Деревьев, ждущих теплоты,
Летит, ревет неустрашимо,
Как горной речкою плоты.

В лучах зимы клубится вихрем,
С холмов бросается волной.
И в тучах, что вдали притихли,
Нырнет мертвую луну.

О голос памяти и муки
Людей, прошедших по земле,
Все, все, и встречи, и разлуки,
И жизнь, и смерть кричат во мгле...

И ты, страстей свидетель мудрый,
Признание вечному пропой.
И на тропе, крутой и трудной,
Свою гордыню успокой:

Ведь завтра, может быть, случится,
В того, чья доля высока,
Как звездный свет, переселится,
Твоя мятежная тоска.

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига»

Недавно исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося дагестанского поэта Ирчи Казака. Он является основателем кумыкской литературы. Рожденный в крестьянской семье, узнавший всю несправедливость общественной системы того времени, сосланный в Сибирь, он сделал свой талант оружием для защиты справедливости и угнетенных. Его обличительные стихи против князей, ханов и беков мгновенно распространялись на родине поэта. Имя его стало символом свободы и честного слова. Он был зверски убит угнетателями.

Народный поэт Дагестана, мой друг Анвар Аджиев за цикл, посвященный Ирчи Казаку, был удостоен высшей литературной премии нашей республики — имени Сулеймана Стальского.

Расул ГАМЗАТОВ

Анвар АДЖИЕВ,
народный поэт Дагестана
Цикл стихов об Ирчи Казаке

Здравствуй, Лермонтов!

С прибытием тебя,
владыка слова,
В мою страну,
в страну великих гор.
Быть может,
ты пришел в наш край суровый
Вершин подслушать вечный разговор!

Иль по душе орлов могучих братство,
И потому к нам прилетел сейчас!
Быть может,
на небо решил взобраться,
Чтоб звездами засыпать весь Кавказ!

Быть может,
склонный к резкой перемене,
Усталости не зная, как поток,
Ты хочешь песню спеть нам об олене,
Увидевшем в горах зари росток!

Иль сам ты,
как гора, суров и снежен,
Стоишь, увенчан белою чалмой!
Иль сам ты,
словно степь моя, безбрежен,
Откуда дует вольностью самой!

А если ты,
как тучка, вечный странник,
Изгнанник из своей родной страны,
То не встречался ли тебе изгнанник —
Ирчи Казак?
Вы встретиться должны

В пути большом.
Он в степи шел, безмолвный,
Когда ты путь держал к моим горам,
Но в сердце он таил дар песни мощный,
И в песне той звучал друзьям салам.

Он подойти хотел,
но был бессилен,
Ведь были ноги в тяжких кандалах.
Он руку дать хотел,
но был бессилен,
Ведь цепи были на его руках.

А под черкесской сердце билось смело,
Как под твоим муңдиром, аксакал!
И как царя ты ненавидел смертно,
Так он шамхала люто презирал.

Тебя орел двуглавый неустанно
Терзал всю жизнь.
Его терзал шакал.
Ты видел «Сон» в долине Дагестана —
Казак в Сибири песнь свою слагал.

Есть памятник тебе в родных пределах —
Могиль даже нету у него.
Но пуля,
что твое пробил тело,
Убила в то же время и его.

Иду цветущим садом.
Обелиском
Гора вонзилась в гущу облаков.
Я слышу мощный гул потоков близких,
В которых бьется пульс твоих стихов.

Здесь плещется полынь, как море, без конца,
Здесь чебрецом пропитан воздух ранний.
Но памятника нет бессмертию певца,
Что песнями сердца людские ранил.

В степи, где родилась певучая строка,
Лежит Казак, завернут в саван красный,
Цветут под головой весенние луга,
У ног его — зеленоглазый Каспий.

Я вновь в простор раскованный иду.
Я здесь привык встречать свои рассветы.

И, зная, что его могилы не найду,
Кладу букет цветов на грудь планеты.

Ткет степь цветы — за яркой нитью нить
Слагаются в ковер, в цветочные созвездья,
Чтоб память Казака великого почтить
И этим утвердить певца бессмертье.

А утра синева ткет в небе кружева,
И эти своды дня, как памятника своды.
И счастлив тот певец, чья песнь всегда жива,
Как жив в душе народа дух свободы.

Сапарали*

И ярче, чем сто тысяч звезд ночных,
Свисают персики с тяжелых веток,
А грозди ягод, сочных и литых,
От ветра, что, качнув их резко, стих,
Засеребрились несказанным светом.

Под кроной яблонь дом большой
возник.
Как на струне, родник струей играет.
Неторопливо пожилой кумык
На крыше крест антенны прибывает.

Казак раздвинул ветви и спросил
У старика:
— Простите, интересно,
Где тот кутан, который темен был,
А как теперь зовется это место?

Пожал плечами тот ему в ответ.
Потом сказал:
— Отцы передавали:
В годину горя, всенародных бед
Оно звалось кутаном Сапарали...

Сапарали, Сапарали,
Солнцем выжжены пути.
Солоней земли едва ли
Возле Каспия найти.

Сапарали, Сапарали,
Горький-горький труд невмочь.
Не взошло, хоть и вспахали,
А трудились день и ночь.

Сапарали, Сапарали, —
Сердца вечный непокой.
Песни в небеса взмывали,
Опаленные тоской.

Груз судьбы своей тяжелой,
Молодой Казак, взвали
И прижми кумуз веселый
И шагай на край земли.

Будет тяжкий и печальный
Каменистый этот шлях,
Будешь ты в Сибири дальней
При железных кандалах.

Только чтоб в степи, как знамя,
Песни вольные взошли,

Ты вспахай ее цепями
И слезою напои.

— Прости, старик, еще один вопрос.
Кто ты, коль у тебя земля такая?
— Садовник я. Земля моя — совхоз,
Ему старик степенно отвечает.
— Совхоз, — теплеет голос старика, —
Имеет имя Казака!..

Как девочка,
На чьих лежит плечах
Из ранних зорь
Платок неповторимый,
Скрывая грусть
В лазоревых очах,
Венок сплетает
Степь неутомимо.

Беру кумуз.
А в сердце — непокой,
Как будто робкая любовь
Проснулась.
Я струны нежно
Трогаю рукой
На зависть
Всем красавицам аула.

И песнь звучит,
И сразу окоем
Раздвинется.
Ирчи — как полдень вешний,
На нем зарницы —
Алым башлыком,
И белой буркой —
Облака на нем,
И вокруг него,
Как всплески,
Птичьи песни.
Он держит путь.
И путь его далек...

Друзья мои за щедрыми столами
В честь Ирчи поднимают полный рог,
В честь сакли той,
где устан весь порог
Напевами, как вишни лепестками.

Как девочка, на чьих лежит плечах
Из ранних зорь платок неповторимый,
Скрывая грусть в лазоревых очах,
Венок сплетает степь неутомимо.

Беру кумуз. А в сердце — непокой,
Как будто робкая любовь проснулась.
Я струны нежно трогаю рукой
На зависть всем красавицам аула.

Так ласково не будут их любить,
Так яростно их нежить не сумеют.
Так горестно не станут говорить,
Когда обнимут трепетную шею.

И сразу вспоминается мне тот,
Кто в глубине тюремных казематов,
Любя народ
И веруя в народ,
Свободы песнь в душе своей

не прятал.
Когда глаза прикрою —
окоем

Раздвинется:
Ирчи — как полдень вешний.
На нем зарницы —
алым башлыком,
И белой буркой —
облака на нем,
И вокруг него, как всплески,
птичьи песни.

Вскипают белым снегом берега.
Танцует солнце белое в зените.
Казак идет землей, что дорога,
Вокруг цветы. Стопа его легка.
Казак идет...
Вы, горы, расступитесь!

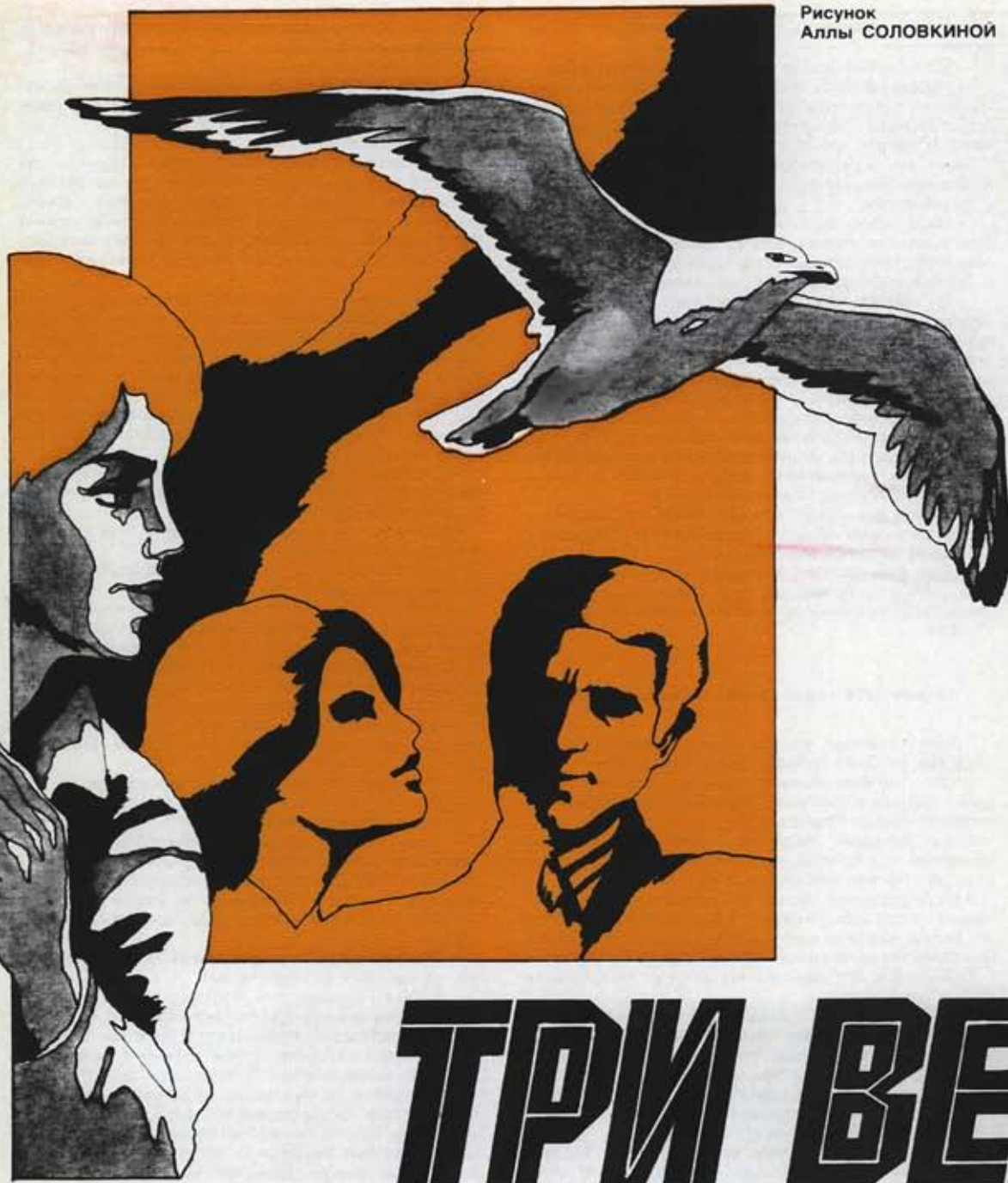
И вот — сочится дыни аромат,
Арбуз наполнен сахарной прохладой.
С кумузом входит он в огромный сад,
Где абрикось-янтари висят,
И знойные глаза их видеть рады.

* Сапарали — помещичья земля, на которой работал Ирчи Казак и где он написал первое стихотворение.

Перевел с кумыкского
Анатолий ПАРПАРА.

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

— Если не секрет, в чем именно проявлялась твоя трусость, Михаил?

— Ладно, скажу.—вдохнул он.—В общем, есть у нас в классе парень... Коляка Терех... Терехов. Здоровый такой, амбал. Железки всякие поднимает, перед девчонками фансит. И еще психованный какой-то. С ним даже десятиклассники не связываются. Терех обязательно из себя что-нибудь изображает. Ну вот, года два назад шли мы с ним вместе из школы, а он вдруг достал из кармана нож, складной такой, большой, пять рублей стоит. И говорит мне: «Тороп, будешь у меня шестерить. Я так решил. Завтра рубль принеси мне, понял?»

— И ты принес?

— Принес.—кивнул Миша.—Я же вам говорю, что был трусом. С того дня все и началось. То одно ему дай, то другое принеси, то еще чего-нибудь сделай. А откажешься, он тебе сразу в челюсть... Я даже в другую школу хотел перейти.

— Почему же ты никому не рассказывал?—удивился я.—Учителям, родителям?

— Что вы?—отрицательно затряс головой Миша.—Это нельзя! У нас так не принято. Мы взрослых в свои дела не посвящаем. Скандальить будут, нотации читать. А кому это надо?

— А остальные ребята что же, не видели?

— Видели.—пожал он плечами.—Ну и что? Терех же не к ним приставал, чего же им-то лезть?

— Ясно... Значит, один Никита решил вмешаться, так?

— Он мне давно говорил, чтобы я с Терехом бороться начал. А когда узнал, что я решил в другую школу податься, сказал мне: «Не надо переходить, Мишка. Завтра я этого дебила человеком буду делать. Но если ты и после этого снова станешь ему подчиняться, помощи от меня больше не жди!»

— И что же произошло между Тереховым и Гладышевым?—заинтересовался я. Ромашина утверждала, что Гладышев и Терехов в отношениях между собой соблюдали «воинственный нейтралитет». Кажется, она далеко не все знала об их отношениях.

— Что произошло?—переспросил Миша.—Да ничего тако-

Леонид САПОЖНИКОВ,
Георгий СТЕПАНИДИН

ПОВЕСТЬ

ТРИ ВЕРСИИ

16 мая 1978 года, вторник, 15 часов

Расставшись с Ромашинной, я вернулся в школу № 47. В канцелярии мне сообщили домашний адрес Миши Торопова. О нем классный руководитель отозвалась как об ученике среднем, мальчишке робком и пугливым. Но именно с ним дружил Никита Гладышев, лидер класса. Это уже интриговало. Торопову частенько доставалось от Николая Терехова. Почему же Никита Гладышев не вступался за друга? Неужели ему было безразлично, что Мишу обижает Терехов? Наконец, меня интересует и сам Терехов, потому что он, как и Никита Гладышев, тоже хотел быть лидером класса. Мы с ним обязательно встретимся, но чуть позднее, когда я соберу о нем достаточную информацию.

...Миша Торопов жил недалеко от нового Дворца спорта. Дверь открыл долговязый подросток, смотревший на меня удивленно-вопросающе.

— Вы Михаил Торопов?—спросил я, делая шаг вперед.

— Да-а... Здравствте...

— Меня зовут Дмитрием Васильевичем. У вас найдется немного времени, чтобы поговорить?

— Конечно.—кивнул он.—Проходите, пожалуйста.

Судя по планировке прихожей, квартира Тороповых была трехкомнатной. Миша занимал небольшую солнечную комнату. В ней было уютно и пахло деревом. Видимо, потому, что всюду стояли, сидели, лежали «деревянные люди»: пешие воины в кольчугах, с копьями и луками, пушкари времен Ивана Грозного, конные гвардейцы с саблями наголо, летчики в самолетах, трактористы на тракторах, дети, взявшиеся за руки в хороводе...

Честно признаюсь, я был ошеломлен этим уникальным в своем роде музеем. Я ведь и сам неравнодушен к дереву, в свободное время творю кое-какие поделки. Но мне было далеко до этих!

— И это все ваши работы, Миша?—спросил наконец я.

— Что вы!—смутился юноша.—Общие. Мама, папа и я сделали. А вот это...

Он подошел к остекленному шкафу и достал оттуда смешного пузатого повара.

— Яшкина работа!—с гордостью произнес Миша.—Братика моего. Он еще маленький, ему шесть лет. Но он тоже любит вырезать.

— Ого!—воскликнул я.—Яша, наверное, самый знаменитый человек в своем детском саду.

— Нет,—погрустнул Миша.—Яша в детский сад не ходит. Он вообще у нас не ходит. У него только руки двигаются, а все остальное парализовано.

И от его слов все вокруг внезапно потухло. Я сердцем прикоснулся к трагедии этой одаренной семьи, ощутил ее боль.

— Но Яшка—веселый человек!—снова заговорил Миша.—И всегда вырезает смешных человечков. А вы кто?—с детской непосредственностью перевел он разговор.

— Я следователь. Занимаюсь расследованием смерти твоего друга Никиты Гладышева. Вы же с ним были друзьями?—Я внимательно взглянул на парнишку.

— Да,—ответил Миша.—Это правда. Никита был моим самым лучшим другом. Больше таких друзей у меня никогда не будет.

— Почему?

— Ну... Не будет...

— Он что же, помогал тебе? В учебе?—незаметно для себя я перешел в разговоре с ним на «ты».

— Помогал. Но только не в учебе.

— А в чем же?

— Он помог мне однажды человеком себя почувствовать.

— Что ж,—согласился я,—это серьезно. Правда, не понимаю пока, почему ты себя раньше человеком не чувствовал?

— Долгая история,—неохотно ответил Миша.

— И все же?—настаивал я.

— Потому что я трусом был,—неожиданно твердо сказал Миша.

— А-а! Но, может быть, ты себя слишком строго судишь?

— Нет,—покачал он головой.—Я все правильно говорю. Отец призывает, надо всегда быть самокритичным.

го особенного. Никита подошел к Тереху после уроков и сказал ему: «Отстань от Мишки Торопова. Иначе я могу тебя по стенке размазать». Тот сначала обалдел, а потом полез на Никиту. Тут Никита, конечно, ему и двинул. Он ведь самбо занимался. Только об этом никто, кроме меня, не знал. Никита вообще не любил о своих делах рассказывать. Вот Терех и покотился. А потом вскочил и снова на Гладышева, а тот его на болевой прием поймал. Терех даже закатился от «радости»...

— Когда это было?—перебил я. Миша рассказывал мне очень интересные вещи, очень!

— Двадцать первого апреля. У меня как раз день рождения был. Никита и сказал мне: «Это тебе мой подарок. А теперь все от тебя зависит!» Вот с того дня я больше не трус.

— А Гладышев и Терехов потом помирились, выяснив отношения?—уточнил я.

— Нет,—уверенно ответил Миша.—Терех, конечно, затаился. Только как оказалось, ему против Никитино самбо делать нечего. Хотя он и трепался, что еще посчитается с Никитой, не забудет ему.

— Кому он это говорил?—быстро спросил я.

— Много ребят вокруг стояло...

— Миша, а что ты лично думаешь по поводу гибели Никиты?

— Обидно очень... И чего ему на этом причале надо было, чего он там забыл? Он ведь плавать не умел.

— Это мне известно, Миша. Кстати, как ребята ваши отослылись к тому, что Никита не умел плавать? Не подшучивали над ним? Мол, на Черном море живет, а плавать не научился...

— Кто же станет подшучивать?—изумленно поднял он брови.—Мы знали, что у Никиты ноги судорогой сводит. Чего ж тут подшучивать! Ну, естественно, когда узнали, что он утонул...

— Когда вы узнали о случившемся?

— В понедельник, после уроков. Никита хотел у меня взять на несколько дней лобзик, что-то вырезать ему нужно было. Я принес лобзик в школу, а Никита не пришел. После

Продолжение. Начало в № 1.

уроков я к нему сам потопал. А во дворе-то уже разговоры. Я, конечно, некоторым нашим ребятам позвонил, сообщил. В общем, я думаю, что вечером в понедельник, то есть вчера, все уже знали. А сегодня только и были разговоры вокруг этого...

— Какие же разговоры? Можешь вспомнить?

— Да разные. Кто-то сказал, что Никита, наверное, бросился кого-нибудь спасать во время шторма, это в его характере, а так как плавать не умел, то, может, и спасти-то не слас, а сам утонул. Правда, мы это мнение сразу отменили. Нереальное оно. Потом кто-то сказал, что Никита случайно упал в воду, а его волной и накрыло. В общем, много версий накрутили.

— А никто из вас не высказывал предположения, что Гладышева могли сознательно столкнуть в воду, зная, что он не умеет плавать?—осторожно спросил я.

— Как это сознательно?—установил он на меня.—Убить, что ли?

— Допустим.

— А за что его было убивать? Да нет, таких разговоров вроде не велось.

— Вот ты с ним дружил... А кто еще был его другом или близким приятелем? Может, у него какая-нибудь компания имела?

— Нет,—возразил Миша.—Я только и был его другом. А так он занимался много, рисовал. Тут еще занятия самбо... Где на все время взять, чтобы еще и в компании?

— Скажи, Миша, а не было ли таких разговоров, что Никита сам бросился в воду? По какой-либо причине? Кстати, он не дружил с какой-нибудь девушкой? Не обязательно из вашего класса или школы...

— Никого у него не было!—перешел он уверенно.—Уж это я точно знаю. А вот насчет того, что Никита покончил жизнь самоубийством, вас ведь это интересует?—Его глаза доверчиво смотрели на меня.—Правильно, такое мнение у нас существует.

— Да? Почему?

— Так ведь никто не знает. Ну, просто мнение такое, понимаете?

— Не очень. Миша. Мнение должно на чем-то основываться!

— Невеселый он в последнее время был. А почему, я не знаю.

— Но вы же с ним были друзьями, Миша!—укоризненно заметил я.—Неужели тебя не интересовало, отчего твой друг ходит грустный?

— Почему же не интересовало?—обиделся парнишка.—Я у него два раза спрашивал: «Что у тебя стряслось, старик?» А он в ответ: «Ничего. Отстань. Сам разберись!» Я и отстал. У нас не принято приставать, если тебя не просят. Зачем лезть в душу человека? Может, у него в голове какие-нибудь мысли. Захочет—сам скажет, а не захочет—пускай не говорит. А если вот так каждый будет приставать—это ведь садизм получается.

— И в школе у него тоже все было в порядке...—задумчиво проговорил я.

— Естественно!—кивнул Миша.—У него в школе всегда все в порядке, не то что у меня.

— А дома?

— Этого я не знаю. У него отец уехал в Москву. Никита почти месяц вдвоем с матерью жил.

— Никита был дружен со своим отцом?

— Еще как! Он все ждал, когда отец вернется, тот обещал ему привезти какие-то книги о театре. Никита театр любил, мечтал после школы в театральный вуз поступать. Или во ВГИК. Только об этом тоже никто из наших не знал. Никита даже в самодеятельности не участвовал. Правда, декорации оформлял, если попросят... Нет, с отцом он крепко дружил, как и я со своим. Тут у нас все нормально. С женщинами, конечно, посложнее...

— С какими женщинами?—не понял я.

— Ну, с матерями.—ответил Миша.—Они нас, понятно, любят, но все равно полный антагонизм. Все суетятся. А зачем суетиться, когда и так все ясно?

— Миша, ты у Никиты никогда не видел при себе денег, крупной суммы? Двести рублей?

— Нет,—захлопал он глазами.—А зачем они ему?

— И очки он тебе тоже не показывал?—не отвечая на его вопрос, спросил я.

— Какие очки?—вскинулся Миша.—Такие... ну... с «толстыми» стеклами?

— Да-да!—поспешно произнес я.

— Видел!—ответил Миша.—Еще заинтересовался у него, зачем они ему. А он положил их в футляр и говорит: «Не мои. Передать нужно». Я и говорю: «Жаль. У них линзы в порядке». Он на меня посмотрел и говорит: «Дурак ты, Мишка!» А почему я дурак? Я подводную лодку хочу делать, так эти линзы очень для перископа подойти могли.

— Кому Никита хотел передать очки, этого ты, разумеется, не знаешь? Или знаешь?

— Нет.

— Миша, а какие отношения были у Никиты с учителями?

— Обычные,—пожал плечами Торопов.

— И с Елизаветой Павловной тоже?

— Нет, на нее Никита за что-то взелся. Может, потому что она ему в начале второго полугодия четверку за сочинение домашнее поставила. А он считал, что надо было пятерку. Никита самолюбивый человек был.

— Ты сказал, что в последнее время он ходил невеселый...

— Ну да, испортилось у него настроение. Это все заметили.

— Но когда именно оно испортилось? Не припомнишь?

— Недели две назад. Я как раз заболел. В школу не ходил. Ну, Никита как-то пришел ко мне домой. Мрачный весь. Я у него спрашиваю: «Что у тебя стряслось, старик?». А-а, я же вам уже говорил, кажется!

Верно, это он уже говорил мне. И судя по всему, больше ничего нового не скажет. Я поднялся, протянул ему руку. Уже у дверей спросил:

— Миша, можно задать тебе не совсем скромный вопрос? Если хочешь, не отвечай на него. Чем ты объяснишь, что из всех ребят Никита решил стать твоим другом?

Торопов вдруг покраснел и тихо ответил:

— Он говорил, что я талант, раз умею так вырезать из дерева. А талант, говорит, надо охранять, потому что он чаще всего беззащитен и за себя постоять не может.

Было немного смешно услышать такое «признание». Но, услышав его, я тем не менее подумал, что какой-то раунд классный руководитель 9 «Б» проиграла своему учащемуся Никите Гладышеву. Она считала, что ему нравилось выглядеть эффектно на «среднем плане» Михаила Торопова. А вот Никита увидел в нем талантливого человека, нуждающегося в поддержке. Талантливого человека, которого не сумела разглядеть Елизавета Павловна Ромашина...

Вечером мне домой позвонил инспектор Самсонов и сообщил, что днем вернулся Федор Борисович Гладышев и что завтра состоятся похороны Никиты. В 15 часов.

Я заинтересовался у Самсонова, удалось ли ему что-нибудь сделать за прошедший день. Оказалось, он кое-что узнал. Мы договорились встретиться завтра в прокуратуре в 17 часов.

17 мая 1978 года, среда, 16 часов 30 минут

...Люди—знакомые, учителя, одноклассники—уходили с кладбища, негромко переговариваясь между собой.

Около свеженакопанного холмика остались лишь двое—Екатерина Ивановна и Федор Борисович. Мать и отец погибшего Никиты Гладышева.

Федор Борисович поддерживал жену. Лицо его было спокойным. А я понимал, какая неопишутая боль и тоска стоят за этим внешним спокойствием.

В числе других и я подошел к Гладышевым, тоже сказал какие-то слова соболезнования. Екатерина Ивановна, похоже, вообще ничего не видела и не слышала вокруг, а Федор Борисович кивал, повторяя: «Да, да... Да, да...»

Конечно, я не стал называть ему себя—до знакомства ли было в такой момент!

...Я медленно уходил с кладбища. А в глазах стояли две фигуры в черном. И холмик земли. Вот и все, что осталось от шестнадцатилетнего юноши. Неужели ничего больше? Неужели родился человек, чтобы ничего не успеть сделать за тот срок, что отвела ему судьба? Нет, это не так! Остался жить Миша Торопов, переставший считать себя трусом. Воля Никиты Гладышева сделала это возможным.

Я шел и думал, что скоро мы встретимся с Федором Борисовичем Гладышевым и он, наверное, спросит меня: «Что случилось с моим сыном, товарищ Красиков?»

И что я отвечу ему? «Видите ли, товарищ Гладышев, на вас поступила анонимка, в которой утверждается, что именно вы виновник смерти сына...» Нет, об анонимке я не имею права пока говорить ему что-либо. Все, что мне остается, так это продолжать по-прежнему поиск истины; пытаться понять, что же произошло в то штормовое воскресенье, 14 мая 1978 года, на бывшем третьем—давно уже не действующем—морском причале. Убийство ли? Самоубийство? Или же трагический несчастный случай?

«Волга» стояла чуть сбоку от ворот. Я сел в нее и бросил водителю:

— В прокуратуру, пожалуйста.—И посмотрел на часы: минут на пятнадцать я опоздаю.

...Инспектор уголовного розыска Самсонов неторопливо рассказывал по коридору.

— Извините за опоздание,—сказал я, приглашая жестом войти в кабинет.—Ну, что новенького?

— Разное есть,—степенно ответил Самсонов, усаживаясь на стул.—Из жильцов, проживающих в настоящее время в доме вместе с Гладышевыми, нет никого, кто работал бы с Федором Борисовичем или Екатериной Ивановной...

— Что значит из «проживающих в настоящее время»?—перешел я.

— До недавнего времени в доме проживал бывший шофер Федора Борисовича,—пояснил Самсонов.—Терехов Василий Петрович. Квартира Тереховых как раз над Гладышевыми.

— Ну-ка, ну-ка,—оживился я,—что за Тереховы? Где этот Терехов работает сейчас?

— В автомобильном парке, водителем. Его бывшая жена Клавдия Потапова машинистка в бюро по обмену жилой площади. Их сын Николай учился в сорок седьмой школе...

— В девятом классе «Б»?—снова перешел я.

— Совершенно верно,—кивнул Самсонов, ничуть не удивившись тому, что мне известно, где учится отпрыск Тереховых. А может, и удивился, но не подал вида.

— Весьма любопытно, Игорь Демьянович!

— Разведясь с Клавдией Потаповой, Терехов съехал с

квартиры. Он почти сразу же вторично женился и ушел жить к новой жене.

— Кто она?

— Здесь и начинается самое интересное, Дмитрий Васильевич!—усмехнулся Самсонов.—Терехов женился на секретарше Гладышева.

— Ах, вот как!

— Ее фамилия Доценко, Нина Феликсевна Доценко,—продолжал Самсонов.—Двадцать восемь лет, три года работает у Гладышева. Терехова давно подозревала мужа в измене. Пыталась повлиять на него с помощью Федора Борисовича. Но тот якобы не захотел ничего сделать, как она утверждает.

— Так вы что, успели познакомиться с Тереховой?—удивился я.

— Естественно,—хмыкнул Самсонов.—Вы ведь поручили мне достать машинописный образец. Я выяснил, что в доме живут две машинистки—Малахова Алевтина Даниловна и Терехова Клавдия Потаповна. Ну, и пришел—по очереди—к обеим. Принес им на перепечатку две лекции своего брата, он в политехническом учится. Вчера принес, а сегодня уже получил. Вот, взгляните... Я их для удобства номерами обозначил. Номер один—это печатала Малахова, а номер два—Терехова.

— Отлично, Игорь Демьянович! Я немедленно отправлю ваши образцы вместе с анонимным письмом на экспертизу. Вы меня подождите, я скоро вернусь.

Через несколько минут оформленный по всем правилам пакет был отправлен в НТО.

— А что представляет из себя эта Нина Доценко?—вернувшись назад, спросил я.

— В тресте о ней не очень высокого мнения,—ответил Самсонов.—Считают легкомысленной особой. Однажды произошел инцидент. В конце рабочего дня Терехова подстергла Доценко у подъезда треста и учинила скандал. Многие сотрудники слышали, как Терехова кричала: «Ты, Нинка, змея подкоподная, разбила мою семью! Сначала к начальнику бегала, а теперь мужа у меня увела. Накажет тебя бог!» Терехова была пьяна. В жэке мне сказали, что с ней случаются «загулы».

— Гладышеву об этом скандале стало известно?

— Да.

— Как он прореагировал?

— Никак. Между прочим, в тресте поговаривали, что у Гладышева и Доценко и в самом деле были какие-то личные отношения. Несколько раз Доценко после работы заставала наедине с Федором Борисовичем в его кабинете.

— Кто проявил инициативу в уходе Терехова с работы из треста?

— Это была инициатива самого Терехова. Водители автобуса гораздо больше зарабатывают.

— О сыне Тереховых есть что-нибудь?

— Участковый инспектор лейтенант Барышев характеризует Николая Терехова отрицательно. С «хвостом» парнишка. Имеет приводы в милицию, состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Полгода назад связался с группой спекулянтов, промышлявших запчастями к «Жигулям». Но на него было мало материалов. После того, как спекулянтов осудили, Терехов вел себя некоторое время тихо. Однако месяц назад был задержан во время драки на стадионе «Буревестник» вместе с двумя приятелями. Они старше его.

— Кто такие?—уточнил я.

— Рабочие-ремонтники парфюмерной фабрики Егор Горохов и Павел Злобченко. Они были осуждены за мелкое хулиганство на десять суток. Терехова опять простили. Мать уприслала не сообщать в школу, где сын и так на плохом счету...

— А сейчас эта троица поддерживает отношения?

— Вроде бы нет.

— А между Николаем Тереховым и Никитой Гладышевым не было, случаев, каких-либо конфликтных ситуаций, ну, скажем, на улице, во дворе?—спросил я.

— Барышеву об этом ничего не известно,—пожал плечами Самсонов.

— Вот что, Игорь Демьянович, нужно узнать, что делали весь вечер четырнадцатого мая Горохов и Злобченко.

— Вы думаете, что...?

— Для того, чтобы о чем-нибудь думать,—перешел я,— мне нужны факты. В данном конкретном случае меня интересует, что делали вечером четырнадцатого мая Егор Горохов и Павел Злобченко: как они провели вечер, встречались ли с Николаем Тереховым, куда ходили и так далее. Вот и все.

— Я должен также выяснить, что делал в этот вечер и Николай Терехов?—наспившись, уточнил инспектор Самсонов.

— Нет,—покачал головой я,—этим я займусь сам, Игорь Демьянович.

Через два часа позвонили из НТО и сообщили, что текст анонимки и текст «лекции № 2» напечатаны на одной пишущей машинке.

Что и требовалось доказать! Бывшая жена бывшего шофера Гладышева-отца Клавдия Потаповна Терехова приложила руку к анонимному письму, отправленному в прокуратуру. Да, но ведь могло быть и так, что Терехова лишь напечатала письмо по просьбе другого человека?

Легче всего верить самому себе. Однако лучше всего верить проверенным фактам. Их три. Терехова причастна к анонимке, ибо письмо напечатано на ее машинке, впрочем, может быть, в ее отсутствие! Сын Тереховой Николай—од-

ноклассник Никиты Гладышева; он конфликтовал с ним и однажды даже подрался. Николай Терехов был связан с правонарушителями, имеет приводы в милицию, состоит на учете в ИДН.

Три разрозненных факта. Дают ли они мне основание считать, что Никита Гладышев погиб насильственным образом, а Николай Терехов, в частности, причастен к его смерти?

— Не дают!.. Хотя бы уж потому, что все эти факты могут развалиться под напором одного обстоятельства: а вдруг содержание анонимки соответствует действительности?

Одним словом, пора знакомиться с Клавдией Потаповной Тереховой.

18 мая 1978 года, четверг, 10 часов 15 минут

Перед бюро по обмену жилой площадью толпились люди. Я с трудом пробился к двери.

Длинный коридор, масса дверей. Куда идти?

— Извините, девушка, вы здесь работаете? — остановил я чуть ли не пролетевшую мимо меня симпатичную девушку.

— Да, — нетерпеливо ответила она. — А в чем дело?

— Где мне отыскать машинистку...

— Третья комната направо по коридору! — не дослушав, выпалила девушка и мгновенно исчезла, растворясь в толпе спящих, озабоченных людей.

Третья комната направо по коридору значилась под номером десять. Заняв очередь, я спросил у сидевшего на стуле старичка, поразительно напоминавшего одного из гномов в знаменитом фильме «Белоснежка и семь гномов»:

— Сколько машинисток работает?

— Трое, — охотно и неожиданно густым басом ответил «гном». — Но если у вас серьезный ход на несколько комбинаций с отдельными и коммунальными, то есть если объявление будет пространством, вам лучше всего попасть к Клавдии Потаповне.

— Благодарю вас! — У меня, разумеется, был серьезный ход на несколько комбинаций, но объявлений не предвиделось.

...Откровенно говоря, я ожидал увидеть не такую женщину. Маленькая, худенькая, с огромными доверчиво-наивными глазами, с красивым, но измученным какой-то потаенной печалью лицом — вот какой предстала Клавдия Потаповна Терехова, напечатывая анонимку на Федора Борисовича Гладышева, в которой прямо обвиняла его в смерти сына.

— У вас что? — негромко, хрипловатым голосом спросила Терехова. — Текст объявления или другие документы?

— Да, улыбнулся я, доставая из кармана сложенный вдвое листок ее письма. — Другие документы. Пожалуйста!

Терехова уже ловко сложила в машинку чистые листы. Привычным движением развернув листок, она изготавилась ударить по клавишам. И вдруг лицо ее вытянулось, а глаза — полные растерянности и даже ужаса — беспомощно уставились на меня. Ее руки бессильно опустились на колени.

Произведенный эффект оказался большим, нежели я мог предположить. Я взял анонимку, спрятав в карман и, наклонившись к Тереховой, негромко произнес:

— Клавдия Потаповна, я старший следователь прокуратуры, куда вы направили свое письмо. Экспертиза дала заключение, что оно напечатано на вашей пишущей машинке «Оптим». Вы печатали это письмо?

— Да, — тихо ответила Терехова.

— Где нам удобнее будет поговорить? Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь слышал наш разговор? — Я взглядом показал на работающих машинисток.

— Н-не х-хо-чу, — заикаясь, ответила женщина, ошеломленная случившимся. Она встала и громко сказала, обращаясь к остальным машинисткам: — Девочки, я скоро приду. Поработайте пока за меня.

Я пропустил Терехову вперед. Мы прошли по коридору и поднялись на второй этаж. Клавдия Потаповна остановилась перед дверью, обитой дерматином, открыла ее.

— Входите. Здесь можно.

В комнате, не считая шкафа, забитого папками, и двух стульев, больше ничего не было.

— У нас скоро начнется ремонт. — сдавленно произнесла Терехова. — Отсюда все уже выехали... Господи, зачем я это только сделала?!

И заплакала. Успокоившись, тревожно спросила:

— Теперь меня посадят, да? Как же вы так быстро узнали, что это я напечатала?

— Не стоит на это тратить время. Клавдия Потаповна. Лучше сами скажите, что в вашем письме правда, а что — ложь?

— Так ведь все, наверное, правда, — простодушно ответила женщина, испуганно поглядывая на меня.

Вот так фокус!

— Правда?

— Само собой, правда! — Она почему-то зашептала, опасливо косясь на дверь. — Квартира-то Гладышевых как раз под нашей.

— Ну и что? — поторопил я ее.

— Слышно, что там происходит. Я сама слышала не раз, как Федор Борисович громко выговаривает Никитушке. А тот ему попробует возразить, а Федор Борисович опять на него чуть ли не в крик... Разве ж порядочный отец должен так разговаривать со своим сыном? А уж Никита у них мальчик-то

какой был! И в школе все его хвалили, а встретимся, бывало, вежливо поздоровается, золотой мальчишка был... А тут получается, что застрадал его отец, затыркал, запугал! Чего ж удивляться, что паренек и руки на себя наложил? Могли не выдержать нервы... Простите, ваше имя-отчество как будет?

— Дмитрий Васильевич Красиков.

— Только я вам откровенно скажу, Дмитрий Васильевич, это Никитушка имел-то право выговаривать Федору Борисовичу, а не тот ему. Потому что Федор Борисович сам из одной истории выпутается, а в другую снова попадет. И все с женщинами...

Я молча, не перебивая, слушал ее испущенный шепот. Неожиданно Терехова умолкла, а через несколько секунд совершенно спокойно сказала:

— Я в своем письме написала, что у Федора Борисовича была женщина, с которой я его видела на вокзале, ну, видела, как он ее целовал. Но только мне и другое известно, о чем, может, его благоверная супруга и не догадывается, а вот сынок их покойный мог знать!

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался я.

— Такое, понимаете ли, дело вышло, — внезапно сконфузилась Терехова, — примерно полгода назад я брала почту из ящика, а у нас почтовые ящики-то рядом висят — гладышевский и наш, — вот повесили когда-то, так и висят. А почталово у нас сменился. Старая, тетя Маша, на пенсию ушла, заместо нее новую прислали, прямо девчонка! Вечно она путаницу вносит. Вы хоть у кого из соседей спросите, подтвердят вам. Значит, взяла я почту: газеты и два письма. Холодно было, я в одном халате, в тапочках на босу ногу... Ну, скорей домой. И сразу за письма. Гляжу, одно Федору Борисовичу адресовано. И сама не пойму, как получилось, но конверт незаклеенный был, честное слово... Я не удержалась и вытащила оттуда письмо. Читаю и глазам своим не верю. Оказывается, есть у Федора Борисовича другая жена, и дочь от него, а он, выходит, много лет от них скрывался. Я уж все подробности не помню... Словом, разыскивала его эта женщина, пока значит, не нашла.

— Адрес женщины вы запомнили? — перебил я Терехову.

— Нет, — огорченным тоном ответила она. — Город, кажется, Кудринск называется... А зовут эту женщину Анастасия... Фамилию, к сожалению, тоже не запомнила.

— Почему вы решили, что Никита знал об этой истории?

— Думаю, что знал он! — уверенно заявила Клавдия Потаповна. — Я письмо прочитала и назад его в конверт вложила, а после в гладышевский почтовый ящик бросила. И видела, как Никитушка брал письмо из ящика. Мог он его прочитать: конверт ведь не заклеен был.

Глаза у Тереховой теперь блеснули. Она полностью оправилась от нервного шока, вызванного моим визитом.

— А ту женщину, о которой я написала, Федор Борисович целовал на вокзале, — оживленно продолжала она. — Своими глазами видела. Наверное, после свидания провожал ее. Целовались они — точно вам говорю, Дмитрий Васильевич! Он ее все к себе прижимал, по лицу гладил... Точно говорят: седина в борозду, а бес в ребро! Наверное, Никитушка и об этом тоже узнал, вот и... Разве ж не обидно сыну-малолетке, когда такие вещи про родного отца узнает? Э-эх!

— Насколько я догадываюсь, Клавдия Потаповна, ничего хорошего о Федоре Борисовиче вы сказать не можете? — сощурился я.

— Нет, ничего! Раньше и вправду думала, что он мужчина самостоятельный, порядочный. И человек справедливый. Квартиру нам распорядился выдать. Мой бывший муж у него шофером работал.

— Да, я знаю.

— А из-за чего мы с Василием развелись, это вы тоже знаете? — зло выкрикнула Терехова. — Также ведь из-за Гладышева. Да, да! Мой Василий с его секретаршей свазался, с Нинкой Доценко. Я так думаю, что Федор свет-Борисович сам с ней сначала всякие шашни имел, а потом, чтоб скрыть их, и переправил Нинку моему дураку!

— А какие у вас, собственно, имеются основания утверждать, что Гладышев был в близких отношениях с Доценко? — строго спросил я.

— Господи боже мой! — всплеснула руками Терехова. — Это и слепому ясно! Она девка пригожая, гладкая, ничего не скажешь. Без мужика была. А у Федора Борисовича жена в возрасте. Неужель устоит он? Я не маленькая, понимаю, как такие дела варганят. А потом взял и обкрутил моего Васеньку с ней! И ушел мой подлец из дома, бросил жену с сыном. Но Федор Борисович не дурак. Он их обженит, затем Василия с работы из своего треста уволил, чтоб разговоров лишних не было. Только Нинку-то все равно при себе оставил. Что ж он, если честный и принципиальный, и ее не уволил, а? — Лицо Тереховой покрылось красными пятнами, голос звенел. — Вот и получается, что теперь всем хорошо, кроме меня с Колякой, это сын мой от Василия. И никто не придерется. Ну, ничего, всем отольются мои слезы...

Она всхлинула, забормотала сквозь слезы:

— Я однажды, дело прошлое, выпила малость, чтоб хоть как-то свое бабье горе заглушить, взяла да и позвонила Екаторине Ивановне, жене Гладышева, не назвалась, конечно, и говорю ей, что скурвился, мол, муженек-то ваш со своей секретаршей и другим людям жизнь портит. А она, дура, мне отвечает: «Меня подобные слетни не интересуют!» И трубку положила. Вот уж дура так дура. Ничего, когда он ее на старости лет бросит, закудахчет, однако поздно будет!.. Ох, эти семейные истории-драмы... Кто в них разберется? Но для меня, безусловно, важным обстоятельством было то,

что Терехова по-прежнему продолжала уверять, что Федор Борисович явился причиной смерти. Она в этом была убеждена. Ей было легче, чем мне. Я ни в чем не имею права быть до конца убежденным, пока не удостоверят факты. Кое-что в ее рассказе, несомненно, было интересным при условии, что это... правда. Что и говорить, дети-подростки тяжело, болезненно переносят семейные неурядицы и дрязги. Не случайно и термин такой появился: «неблагополучная семья». Неужели Гладышевы тоже относились к разряду неблагополучных семей?

— Я бы ему сама сказала! — яростно говорила Терехова. — Но боюсь, что он козьи начнет против меня строить. Кто я и кто он?! Придумает чего-нибудь, у него ведь всюду дружки-приятели, и высылает меня из квартиры в другое место. А мне от дома до работы близко, да и Коляка с первого класса в сорок седьмой школе, тоже близко.

— Никто вас никуда не высылит! — сухо возразил я. — Что за ерунда!

— Вы меня извините, ежели я чего не так говорю! — испугалась Терехова.

— Клавдия Потаповна, ваш сын учился вместе с Никитой Гладышевым...

— С ним, с ним, — поддакнула она.

— А какие отношения между ними существовали? Коля не знал о вашей обиде на Федора Борисовича?

— Бывало, и при нем говорила. — Женщина пожалала плечами. — А что?

— Да нет, ничего. Меня просто интересуют их отношения.

— Какие отношения у них могли быть? — удивилась Терехова, с недоверием поглядывая на меня. Почуяло материнское сердце, что мой вопрос неспроста. — Он ведь у меня год проболел. С трудом догнал остальных в классе. А Никита мальчик ухоженный был. И отличник. Какие у них могли быть отношения, Дмитрий Васильевич?

— Ну, как-никак в одном доме жили, — неопределенно заметил я. — Вероятно, встречались после школы во дворе.

— Нет, — решительно прервала Терехова, — они не дружили.

— Вы друзей своего сына знаете?

— Черт их знает! — сердито ответила Клавдия Потаповна. — Я ведь как живу? С работы да за работу. Приносят мне разные рукописи, лекции. Подрабатываю на машинке. Говорят, что не положено. Ежели фининспектор узнает, плохо мне может быть. — Она заискивающе взглянула на меня. — Вы уж не говорите никому, хоть и следователь, а? Тяжело мне одной-то сына тянуть

— А разве вы не получаете по исполнительному листу? — удивился я. — Алименты от бывшего мужа?

— Провалился он пропадом со своими алиментами! — ожесточенно воскликнула Терехова. — У меня своя гордость имеется. Коли он таким подлецом оказался, ничего мне от него не нужно! И Коляке наказала, чтоб никогда с ним не встречался, потому что нет у него отца, нет! Так и сказала Коляке...

А в ней была сила, в этой маленькой, худенькой и обозленной женщине. Она вызвала к себе сочувствие: жизнь не устроена, а ведь женской гордостью своей не поступалась, однако...

— Клавдия Потаповна, когда вы узнали о смерти Никиты Гладышева? — снова спросил я.

— В понедельник, — ответила Терехова. — Пришла к вечеру с работы, а весь дом гудит: «Никита Гладышев утонул в море, у причала!»

— А Коля ваш когда узнал?

— Коля? — Она вдруг смутилась. — Да он уже знал, когда я пришла.

В ее голосе звучала фальшь. Однако я сделал вид, что этой фальши не услышал.

— У вашего сына несколько приводов в милицию, — помолчав, снова заговорил я.

Она опустила голову, ее руки нервно комкали носовой платок, который она достала из кармана жакета. Потом женщина подняла на меня глаза, в которых зависли слезы.

— А вы думаете, — тихо, с мукой в голосе произнесла, — одной-то легко воспитывать такого парня? Что ему мои слова!

— Ответьте, пожалуйста, четырнадцатого мая Коля был дома или уходил куда-нибудь?

— Не знаю. Я в субботу уехала к матери в деревню, а вернулась в воскресенье около двенадцати ночи. А чего это мой Коляка вас заинтересовал? — забеспокоилась Терехова. — Может, он снова небезобразничал, наозорничал где-а? Так вы уж мне сразу скажите!

— Нет, нет, — поспешил я успокоить ее. — Я подумал, что Николай мог видеть четырнадцатого мая Никиту Гладышева и разговаривал с ним

— Вот не знаю, — успокоилась Терехова. — Вы у него сами спросите.

— Пожалуй, воспользуюсь вашим советом.

— Дмитрий Васильевич, — неуверенно, просящим тоном произнесла Терехова, — а что мне будет за это... письмо?

— Если вы написали правду...

— Да господь с вами! — взволнованно воскликнула Терехова. — Зачем же мне напраслину-то возводить? Мне ведь как Никиту жалко, и не передать. Я ж как услышала про то, что с ним случилось, сразу поняла: из-за отца, из-за него все это!

Она была непреклонна в своем мнении, что во всем виноват Федор Борисович Гладышев.

Продолжение следует.

ФАБРИКА ИЛЛЮЗИЙ

Начало на 20—21-й стр.

смерть которых подчас воспринимается как национальная трагедия. В историю Голливуда вписано, как после смерти «сладкого принца» Рудольфо Валентино многие женщины кончали жизнь самоубийством, а похороны киноидола проходили под аккомпанемент массовой истерии...

Самим «звездам», добравшимся до небес, необходимы, как наркотики, постоянное внимание, шумиха, реклама. Их преследует навязчивый страх, что кто-то может занять их место, и одновременно растет творческая неудовлетворенность — Голливуд, опутав актеров надежной сетью договоров, не позволяет им выйти за рамки традиционно-доходного амплуа. И тогда «звезды» — а среди них много действительно талантливых людей, — не выдержав «крысиной гонки», падают с небес, нередко разбиваясь вдребезги.

Мерилин Монро, поняв, что она нужна Голливуду лишь как «секс-бомба», кончает жизнь самоубийством. Застрелился 22-летний Фредди Принц. Десятки других, как только оседает «звездная пыль», сходят на нет и как актеры и как личности. Лишь единицам удается отвоевать у Голливуда право на истинное творчество, да и то чаще всего в весьма ограниченных, обусловленных «правилами игры» рамках.

В голливудских фильмах снимались Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс, Лана Тэрнер и Чарльз Лаутон, Хэмфри Богарт и Кларк Гейбл... Но ведь их судьбы — счастливое исключение из судеб тысяч актеров, талант которых загубил Голливуд. Да, здесь работали Чарли Чаплин, Фрэнк Капра и Орсон Уэллс; здесь были сняты «Огни большого города», «Великий диктатор», «Мистер Кейн»... Но ведь искренние и правдивые фильмы — это капля в целлулоидном океане голливудского кинохлама!

Творчество талантливых режиссеров, работающих в Голливуде, представляет собой сложный калейдоскоп реалистических произведений искусства и пошлого ширпотреба. Кинг Видор так объясняет это немислимое на первый взгляд сочетание: «Часто приходится соглашаться на постановку картин, предлагаемых студией, только потому, что хочешь собрать денег для «своего фильма» — фильма, в который режиссер сможет вложить не только профессиональное мастерство, но и кусочек своего сердца».

...Вот и все. Остались позади ворота Голливуда — этой огромной и отглаженной кинофабрики, где существуют свои нормы, свой жаргон, где у каждого своя цена, определяющая взаимоотношения людей, где главный и непреодолимый стимул «производственной деятельности» — прибыль, только прибыль.

— Знаете самую популярную шутку о Голливуде? — спросила на прощание девушка-гид — Голливуд — это место, где вы тратите больше, чем зарабатываете, на то, что вам не нужно, для того, чтобы произвести впечатление на людей, которые вам не нравятся...

Просто шутка? А ведь точнее, кажется, и не скажешь.

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

«Смена» объявляет конкурс юмористических рисунков «Юмор-82» и приглашает к участию в нем художников-юмористов — любителей и профессионалов.

Тематика и количество рисунков не ограничиваются.

Авторы могут присылать рисунки до 1 ноября 1982 года (по штемпелю) по адресу: 101457, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», с пометкой «Юмор-82». Размер рисунков 30х30 см, техника свободная. Лучшие рисунки, отобранные членами жюри, будут публиковаться в течение года. Итоги конкурса жюри подведет в конце 1982 года.

Победителям конкурса вручаются дипломы «Смены» и призы.

Присланные рисунки не рецензируются и обратно не возвращаются.

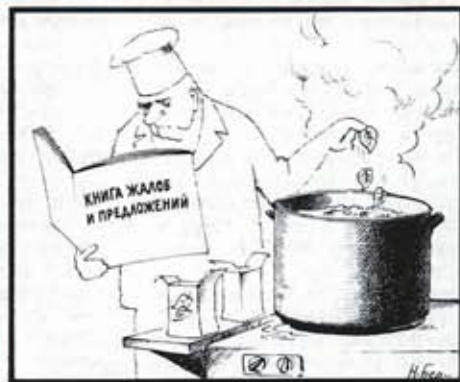

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА

Рисунок Владимира КАЗАНЕВСКОГО

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора Люблинского

(Продолжение. Начало см. в № 1 журнала.)

Второй тур

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

II

Второе задание этого тура — организация и проведение классификационного турнира новичков. В таком соревновании участвуют не менее шести человек, не имеющих никакого разряда по шахматам. Если играющих от шести до десяти, то они встречаются друг с другом по два раза. При одиннадцати — двадцати шахматистах состязание проводится в один круг, то есть по одной партии между собой. Если желающих выступить в турнире будет более двадцати, то их разбивают на две или на несколько групп.

Турниры нашей олимпиады можно организовать и в том коллективе, где работает или учится участник олимпиады, и в любом другом. Самому организатору разрешается играть лишь тогда, когда у него тоже нет шахматной классификации.

По окончании соревнования на стандартном белом листе бумаги следует начертить итоговую таблицу, в которой соперники располагаются не по жеребьевке, а в порядке занятых в турнире мест (при равенстве очков — по алфавиту). Таблица результатов должна быть заверена организатором турнира, руководителем соответствующего коллектива, а также круглой печатью.

Кроме фамилии, имени и отчества каждого играющего, нужно указать его адрес. Тем, кто наберет 60 процентов и более очков, судейская коллегия вышлет справки о присуждении четвертого (первичного) разряда по шахматам.

Справка эта подлежит обмену на классификационный билет общесоюзного образца (в шахматной федерации (секции) по месту жительства или работы. Если кто-либо из играющих претендует на получение более высокого (третьего или второго) спортивного разряда, необходимо вместе с таблицей результатов прислать нам запись всех партий, сыгранных им в данном соревновании.

За проведение турнира в актив участника олимпиады засчитывается 10 баллов. Лучшие популяризаторы шахмат — те, кто привлечет к нашим массовым соревнованиям наибольшее число новичков, премируются вместе с победителями и призерами олимпиады.

Для товарищей, которые по тем или иным причинам не смогут провести турнир, предлагается иное задание — проанализировать интересную шахматную партию, за что присуждается до 8 баллов. Запомните, пожалуйста, что ваши комментарии должны быть четкими, лаконичными. Важно правильно оценить действия противников в дебютной стадии, остановиться на планах сторон и на критических моментах борьбы, на тактических эпизодах, красивых комбинациях, на упущенных возможностях, промахах партнеров, указать причину поражения. Комментарии и сопровождающие их варианты пишутся с красной строки, отделено от основного текста ходов.

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kd2 Kf6 4. e5 Kf7 5. Cd3 b6 6. Ke2 c5 7. 0—0 cd 8. f4 Kc5 9. Cb5 + Cd7 10. K:d4 C:b5

11. K:b5 Fd7 12. Kd4 Kc6 13. c3 g6 14. Kf3 K:d4 15. cd Ke4 16. Kg5 Ce7 17. Ff3 f5 18. ef C:f6 19. Ce3 Kd6 20. Fh3 Kf5 21. Lae1 0—0 22. Kf3 Lc8 23. Le2 Lc7 24. Cf2 h5 25. Lfе1 Lc6 26. Kph1 Kpg7 27. g4 hg 28. F:g4 Lh8 29. Lg1 Lh6 30. Kg5 C:g5 31. fg Lh5 32. Cg3 Fc8 33. Ff4 Lc2 34. L:c2 F:c2 35. Fc7 + F:c7 36. C:c7 Kpf7 37. Ce5 Kpe8 38. Lc1 Lh4 39. Lc8 + Kpd7 40. Lc7 + Kpd8 41. L:a7 K:d4 42. Lg7 Kf5 43. L:g6 Le4 44. Cf6 + Kpc7 45. Lh5! d4 46. Lh3 Kpc6 47. Kpg2 e5 48. Kpf2 Kpd5 49. Lb3 Kd6 50. h3 Lh4 51. Kpg2 Kpe6 52. Kpg3 Kf5 + 53. Kpg2 Kd6 54. a4 Le4 55. Kpf2 Lh4 + 56. Kpe2 Le4 + 57. Kpd1 Lh4 58. Cd8 Kc4 59. Lg3 Lh8 60. Cf6 Lc8 61. Kpc2 Kd6 + 62. Kpd3 e4 + 63. Kpd2 Kc4 + 64. Kpe1 Ke3 65. Le3 de 66. Cd4 Lc2 67. g6 Lg2 68. g7 Kpd5 69. Kpf1 Lg6 70. Cc3 Kpe6 71. Kpe2 Lg3 72. h4 Kpf5 73. h5 Kpf4 74. h6 Lg2 + 75. Kpd1 e2 + 76. Kpc1, и черные сдались.

Сообщаем, что ответ на задачу этого тура нужно прислать в вариантах, исполненных в сокращенной шахматной нотации, без словесных примечаний, на обыкновенной почтовой открытке. Таблицы турнирных результатов (с записью партий или без них) или комментарии к партии посылаются в адрес редакции в конвертах. Просьба обязательно на лицевой стороне открытки (конверта) проставлять свой олимпиадный регистрационный номер, а также делать пометку «24-я шахматная олимпиада «Смены», тур второй». Срок отправления писем на этот раздел истекает 30 апреля сего года.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.12.81, Подписано к печати 17.12.81. А 05237. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 223. Заказ № 1733. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Стихи Людмилы ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО!

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Есть немудреная игра...
Светла, как яблоко в росе,
простая детская игра —
ее в России знают все:
«Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!»

О ней я помнила всегда,
как помнят детство, помнят мать.

В крутые горькие года
не уставала повторять:
«Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!»

За настоящую любовь
отдай всю жизнь — и будет мало!
Чтоб сохранить свою любовь,
ее я в главном убеждала:

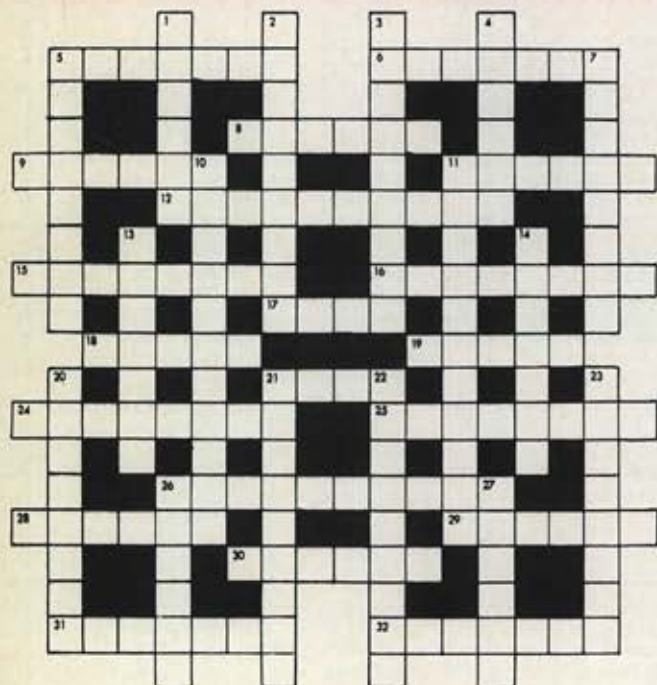
Стихи Людмилы ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

«Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!»

Простится молодость со мной,
но буду жить я, не горя,
Она в душе навек со мной,
и ей, как прежде, говорю я:
«Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!»

К Р О С С С В О Р Д

СОСТАВИЛ Ф. Цукатов,
Москва

По горизонтали:

- Разновидность халцедона, поделочный камень.
- Геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда.
- Фигура высшего пилотажа.
- Буксирный вагон, экипаж.
- Актер МХАТа, народный артист СССР.
- Псевдоним графиков и живописцев, Героев Социалистического Труда.
- Пьеса А. Н. Афиногенова.
- Древнегреческий поэт.
- Низкий по звучанию духовой инструмент.
- Стиль в архитектуре, декоративное искусство.
- Река в Восточной Сибири.
- Возможность успеха, удачи.
- Занавес из тяжелой ткани.
- Бальный танец.
- Одна из основных технических культур для получения волокна.
- Художественное произведение Айни.
- Дирижер, народный артист СССР.
- Пьеса из музыкального цикла «Времена года» П. И. Чайковского.
- Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».
- Река, впадающая в Байкал.

По вертикали:

- Роман О. Бальзака.
- Сдача экзаменов за курс общеобразовательной школы без обучения в ней.
- Сорт яблок.
- Горы в пределах Чехословакии, Польши, ГДР.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Вьющееся плодородное растение.
- Персонаж итальянской комедии масок.
- Гравюра на дереве.
- Нотный знак, увеличивающий длительность звука, паузы.
- Перевал в Альпах.
- Овощное и декоративное растение.
- Съедобный гриб.
- Гонщик на спортивном судне.
- Белорусская народная песня и танец.
- Горная цепь.
- Поэт, автор «Песни коммуны».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1

По горизонтали:

- Обзор.
- Арлекин.
- Аэробус.
- Оркестр.
- Медонос.
- Нильгау.
- Трибуна.
- Силантьев.
- Настурция.
- Багет.
- «Далибор».
- Сагиз.
- Параллакс.
- Глиссандо.
- Каталог.
- Василек.
- Арбузов.
- Ординар.
- Житомир.
- Каверин.
- Отчет.

По вертикали:

- Объектив.
- Полоскун.
- Эрдели.
- Белова.
- «Юность».
- Парнас.
- Мольер.
- Кубачи.
- Ремарка.
- «Надоело».
- Легар.
- Наташ.
- Уксус.
- «Цыган».
- Арахис.
- Акимов.
- Аккорд.
- «Студенты».
- Глинозем.
- 33.
- Игарка.
- Апулей.
- 35.
- Диорит.

ТАЛАНТ К ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ

Начало на 16-й стр.

связанное с традицией знаменитых белых ночей, то картина приобретает от этого черты не столько репортажности, сколько документа современности, насыщенной самыми разнообразными типажам и человеческими судьбами.

Говоря о репортажности, нельзя не подчеркнуть ее бытования в молодежном искусстве в роли этакого двуликого Януса. С одной стороны, многочисленные поездки на дальние сибирские стройки полезны для расширения кругозора, знакомства с людьми героического труда, ломкой «домашних» стереотипов уютного «микрорайонно-комнатного» восприятия действительности в отрыве, разумеется, и от музейных экспонатов. С другой — художественный репортаж нередко порождает отписки конъюнк-

**Е. БАТАЛЬОНОК.
НАТЮРМОРТ С КРИНКОЙ.**

ктурно-бравурного толка, «выезжающие» лишь за счет того, что данный объект действительно изображается художником впервые. Тут, к сожалению, редки художественные открытия, обобщенность, многогранность характеров. Геологи играют на гитаре, Новый год встречается при свечах, а то и вовсе посылаются всей новостройке этикий «привет» из окна улетающего вертолета, так что картина больше напоминает геодезический чертеж. Не «отстают» в этом смысле и графики, соблазнаясь то восточной экзотикой прикаспийских степей, то штампами «суровой романтики» океанских походов, то, не мудрствуя лукаво, заводскими цехами, в хитросплетении инженерных сооружений которых тонет человеческое существо... Куда отраднее графические серии, посвященные собирательному образу родного края — Брянщины у А. Недоступенко, Приднестровья у Н. Корякиной... Тут чувствуется любовь и понимание не только жизненных забот, но и тех идеалов, которыми живут люди. Серия «Северный край» архангелогородца А. Ефимова может служить образцом мужественной сдержанности, гармонической точности графического языка. А вот тщательно разработанные персональные портреты селен С. Кудрявцевой, давно и успешно работающей в карандаше, начинают наскучивать однообразием и статичностью композиции, стандартной «уважительностью» подхода ко всем подряд. Нас же требуется убедить в действительной значительности персонажа, ибо не быть горожанином — само по себе невеликая заслуга...

Множество блестящих находок представили зрителю иллюстраторы — традицион-

**И. МАЙШАВИЛИ. ВЕЧЕР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.
Р. ТАММИК. ЮНОША С ФОТОАППАРАТОМ.**

но самая образованная и увлеченная литературными мотивами часть графического раздела. Отточенным, метким лаконизмом Ч. Айтматова дышат листы Р. Эйхорна, задорным, полнокровным жизнелюбием авантюрных героев Дюма — тонкие офорты С. Якутовича, наивной и трогательной романтикой А. Грина — фантазии Е. Пушкаревой. Были среди графиков и мастера отчетливо выраженной гражданственной, политической темы, например, С. Гега с его разоблачительной серией «Демократия» военной хунты» или М. Глашкин с листами, воскрешающими почерк антивоенных ли-

стов Б. Пророкова «За свободу», «Реквием» и другими. В этом смысле графикам, как может быть, никому другому, удалось добиться наиболее запоминающихся, «ударных» решений, которых мало у живописцев и совсем нет у скульпторов, показавших главным образом так называемые малые формы.

На сегодняшний день, как и прежде, во главу угла поставлена проблема тематической картины, этого наиболее действенного и полномасштабного продукта советского искусства. Реалистические традиции, которыми окрашивалась во все времена картина

о современнике, о революционном прошлом, не в состоянии иссякнуть, лишь по-разному трактуются каждым очередным поколением. Вопрос о «востребовании» из арсенала классических образов именно тех свойств, которые наиболее актуальны теперь, не решен окончательно. Одна лишь добросовестная перечислительность вкупе с историческим правдоподобием еще недостаточна для восприятия всей реальной сложности события во всеоружии реалистических средств и выразительных возможностей. Об этом думается у картин В. Мошастырного «Коммунары», «Агитпоезда революции» или «Декабристы» В. Псарева — одинаково педантичных, жестких и грубых по колориту. Но напряженность подобных поисков у многих серьезно продвинувшихся молодых художников внушает большой оптимизм. Артистическая легкость кисти в сочетании с предельной отточенностью композиционного замысла и мастерским умением передавать фактуру предмета отличает эстонскую и латвийскую школы. Таллинец Р. Таммик в «Юноше с фотоаппаратом» направил объектив прямо на зрителя, словно испытывая его на способность взаимопонимания с художником, вовлекая в некую занятную игру смыслов, то исходящих от полотна, то возвращающихся в него назад. Использование здесь эффектов, связанных с техникой фоторепродуцирования, с превращением картины в некий «документ» о событии, явилось одним из новшеств, обогативших в последние годы реализм в станковой картине. Оно, конечно, ничуть не уменьшило, не зачеркнуло способности «работать» такие измерения, как провинциальный лиризм и сострадание, ненависть к насилию и злу, — доказательством тому может служить картина В. Альшевского «Медсестры» с ее трагической и скорбной нотой. Хочется только, чтобы все лучшее в этих направлениях не существовало в пассивной взаимной изолированности, а входило в плодотворный синтез, богатый, как сам реализм.

Молодые художники сегодня привыкли быть лелеемыми, опекаемыми, пестуемыми со всех сторон — и значимость этого достижения для их роста трудно переоценить; тем не менее нужно понять, что быть молодым — это не почетная обязанность, а состояние; период, когда от тебя ждут особенно многого. Седьмая академическая выставка показала, что в большинстве случаев такие надежды оправдываются. Завтра — пора еще более трудных исканий и перемен. Пусть красоты постигая, стремиться к преодолению себя, материала, времени!